

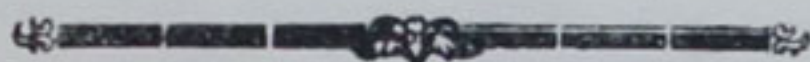
А.И. Андрущенко

**АДМИРАЛ
УШАКОВ**

учпедгиз
1951

ШКОЛЬНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Ф. Ф. Ушаков.

А.И.АНДРУШЕНКО

АДМИРАЛ
УШАКОВ

Государственное
Учебно-Педагогическое Издательство

МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА · 1951

Книга А. И. Андрущенко, рассчитанная на школьников старших классов средней школы, даёт на фоне внешнеполитических событий второй половины XVIII в. подробное описание как новаторской флотоводческой практики замечательного русского адмирала Ф. Ф. Ушакова, так и его многообразной деятельности в дипломатии, организации и строительстве Черноморского флота, в воспитании вверенных ему корабельных команд. Книга написана на основании многочисленных опубликованных и архивных источников.

Глава первая

ГОДЫ УЧЕНИЯ В КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ

В блестящем ряду русских военных деятелей ярко сияет славное имя флотоводца Фёдора Фёдоровича Ушакова.

Как великий полководец А. В. Суворов не знал поражений в многочисленных сражениях второй половины XVIII в., так и Ф. Ф. Ушаков, командовавший парусным флотом, никем не был побеждён.

В начале века русский военно-морской флот, выпестованный Петром I, объявил миру о себе победами на Балтике — Гангутом и Гренгамом. Русские военные корабли бороздили воды Северного Ледовитого и Атлантического океанов, Средиземного, Эгейского, Ионического и Чёрного морей.

Западная Европа, считавшая Российскую империю сухопутной державой, была потрясена успехами русского морского оружия.

Архипелагская экспедиция 1769—1774 гг. явилась серьёзной школой для русского военно-морского флота. В ней получило дальнейшее развитие петровское военно-морское искусство. Дальние походы обогатили русских моряков новым опытом кораблевождения. На опыте Архипелагской экспедиции учились русские моряки и флотоводцы XVIII и XIX вв.

Под влиянием бессмертной славы русского флота при Чесме начал свою боевую деятельность и мичман Фёдор Фёдорович Ушаков.

Фёдор Фёдорович родился в 1745 г. в селе Алексеевке Темниковского уезда Тамбовской губернии в семье мелкопоместного дворянина Фёдора Игнатьевича Ушакова.

Детство Фёдор Фёдорович провёл в деревне своего отца. Он рос среди тамбовских привольных полей и лесов. Река Мокша, протекающая через г. Темников, и Санаксарское озеро были местом постоянных прогулок и игр с деревенскими сверстниками.

Первые сведения о грамоте Ушаков получил от деревенского священника. Никаких специальных воспитателей и наставников у Феди Ушакова не было. Предоставленный самому себе, он весь день проводил с деревенскими друзьями. Их трудолюбие, смелость, деловой задор Ушаков воспринял с малых лет. Частые прогулки с мальчиками в лес, на реку и озеро закалили организм, воспитали волю. Федя рос крепким и здоровым мальчиком. Среднего роста, широкоплечий, крепкий, он отличался исключительной выносливостью и ловкостью. Характер имел вспыльчивый, но очень скоро успокаивающийся.

Интерес к морю и военному флоту появился у Фёдора Фёдоровича, видимо, ещё с детства. Быть может, его породили боевые рассказы бывшего петровского моряка-канонира, односельчанина Ефима.

Фёдор Фёдорович жил в деревне до шестнадцати лет. 15 февраля 1761 г.¹ его привезли в Морской шляхетный кадетский корпус. Это было учебное заведение, которое готовило для флота офицерские кадры. Морской корпус возник в 1752 г. на базе Морской академии, основанной ещё при Петре I. В Морской кадетский корпус принимались только дети дворян. Правда, при Морском кадетском корпусе имелся так называемый «класс геодезии», в котором обучалось 50 человек не-дворян. Большинство окончивших класс геодезии направлялись на геодезические работы в морское и другие ведомства. Воспитанники класса геодезии должны были прислуживать кадетам-дворянам за столом. Пищей им служили остатки с дворянского стола. Так проявлялась классовая сущность Мор-

ского кадетского корпуса. По штатам 1764 г. в Морском корпусе обучалось 360 воспитанников. Наряду со специальными предметами — навигацией, артиллерией, фортификацией, историей мореплавания и др. — в корпусе преподавались и общеобразовательные предметы — арифметика, геометрия, тригонометрия, география, история, философия, риторика и рисование. Воспитанников обучали также фехтованию, танцам и иностранным языкам.

Директором Морского корпуса был один из высокообразованных моряков — Иван Логинович Голенищев-Кутузов, автор ряда оригинальных произведений по военно-морской науке. Лучшие офицеры флота были в Морском корпусе ротными командирами. Математику в корпусе преподавал способный педагог Николай Курганов.

В занятиях с кадетами много внимания уделялось практическому учению артиллерийской стрельбе, «учению пушками». Кадеты хорошо усваивали и помнили петровские наставления и заветы, что «вся оборона на артиллерии зависит». Обучение артиллерийской стрельбе проводилось старыми опытными канонирами, превосходно знавшими положения «Устава морского», составленного Петром I. «Устав морской» гласил: «Не стрелять по неприятелю прежде надлежащей дистанции». От командиров кораблей под страхом «потеряния живота» или отнятия чина с отдачей на галеру требовалось «не стрелять из пушек по неприятелю, ежели они столь близко придут, чтоб можно вред чинить»¹.

Русские моряки свято хранили принципы Петра I. Русские канониры всегда поражали иностранцев меткой стрельбой, боевой сноровкой, выдержкой и отвагой. Стрельба по неприятельским кораблям с самой короткой дистанции («на пистолетный выстрел») стала неизменным правилом русского флота.

Если учебная программа в общем обеспечивала специальную подготовку и грамотность будущих морских офицеров, то воспитание их было поставлено плохо. После классных занятий кадеты предоставлялись самим себе. За малейшие провинности их немилосердно секли розгами. Розга была чуть ли не единственным признанным средством воздействия на воспитанников. Немудрено, что

¹ «Книга устав морской», кн. 1, гл. 1, § 25, 1785.

¹ Все даты даны по старому стилю.

многие кадеты выходили из корпуса озлобленными, усвоившими грубые привычки обращения с подчинёнными. Уйдя на флот, они позволяли себе рукоприкладство по отношению к «нижним чинам».

В такую обстановку попал шестнадцатилетний Фёдор Ушаков. Он принёс сюда воспитанную в деревенской тиши скромность, трудолюбие и физическое здоровье. Обладая большой физической силой и прекрасными умственными способностями, Ушаков быстро завоевал уважение товарищей. Никто из кадетов не осмеливался издеваться над новичком.

Учился Ушаков страстно, упорно и много. Науки, особенно морские, захватили его всецело. Часто, когда товарищи убегали во двор корпуса играть в «войну», Ушаков, закрывшись в своей комнате, часами просиживал за книгами.

Много в корпусе рассказывали о Семилетней войне (1756—1762), в которой русские вооружённые силы наголову разбили прусские войска Фридриха II.

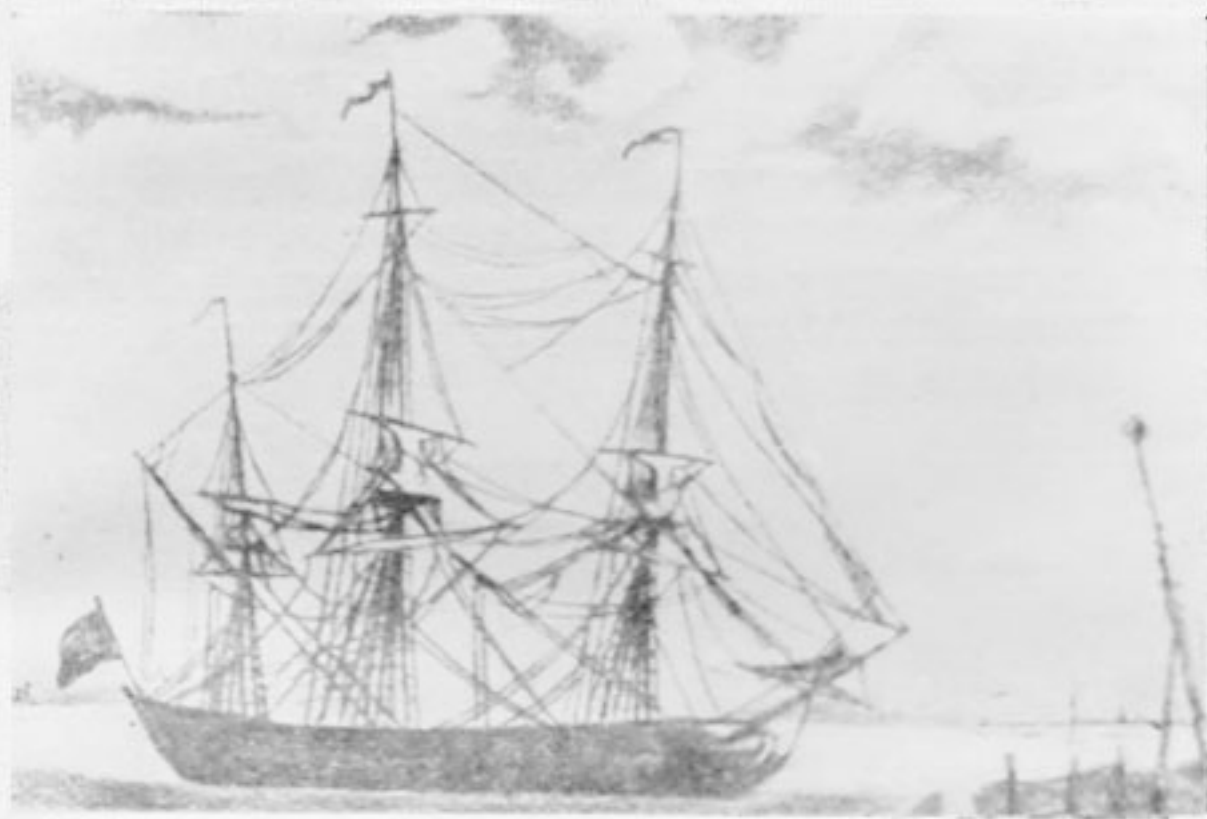
В Семилетней войне принимал активное участие и Балтийский военно-морской флот. Морские транспорты доставляли русской армии подкрепления, боеприпасы, продовольствие и т. п. Боевые корабли содействовали пушечным операциям на суше. Морские десанты принимали участие в атаках и штурмах крепостей на побережье. При непосредственном участии флота 24 июля 1757 г. пал Мемель, а 6 декабря 1761 г. капитулировала морская крепость Кольберг.

После двух лет упорной учёбы 12 февраля 1763 г. Ушаков был произведён в гардемарины¹, а ещё через год — в капралы.

Каждый год в летние месяцы Ушаков вместе с воспитанниками корпуса плавал в Балтийском море на практической эскадре, корабли которой обычно достигали островов Готланда и Дагерорта.

Морские учебные походы приносили Ушакову много новых практических знаний и навыков. Здесь он по-настоящему полюбил корабль; постиг его сложную систему парусов, снастей, блоков, канатов и т. п. Привязался он и к многочисленной, в несколько сот человек команде.

¹ Гардемаринном назывался воспитанник старшего класса Морского кадетского корпуса.

Пинк.

Молодой гардемарин, а затем капрал Фёдор Ушаков усердно выполнял любую работу на корабле. Всё он хотел знать, всё изучить.

Особенно увлекала Ушакова «пальба» из морских пушек. Практические стрельбы по мишени наглядно показывали будущим морским офицерам значение артиллерийского огня в сражении кораблей.

После пятилетнего курса обучения 1 мая 1766 г. двадцатилетнего Фёдора Фёдоровича Ушакова произвели в мичманы. Это был первый офицерский чин. В списках 59 окончивших и произведённых в мичманы имя Фёдора Ушакова стояло в числе первой четвёрки, что означало отличие в учёбе.

После выхода из корпуса мичман Ушаков получил назначение на пинк¹ «Наргин», который отправлялся в Архангельск и должен был вернуться обратно в Кронштадт. Командовал пинком капитан-лейтенант Глотов, способный и опытный моряк. Чтобы достигнуть Архангельска, нужно было пройти Финский залив, Балтийское море, опасные для плавания проливы Каттегат и Скагеррак, обогнуть Скандинавский полуостров, пройти Север-

¹ Пинк — военное транспортное судно.

ное и Норвежское моря, часть Северного Ледовитого океана, Баренцево и Белое моря, преодолев до 5,5 тысяч километров.

Такое длительное плавание принесло Ушакову большую пользу. Через год на том же судне он вернулся обратно, полный новых волнующих впечатлений. С этого и началась служба Фёдора Фёдоровича Ушакова в военноморском флоте.

Глава вторая

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1768—1774 гг. Ф. Ф. УШАКОВ В АЗОВСКОЙ ФЛОТИЛИИ

1. Подготовка русского флота к военным действиям в 60-х годах XVIII в.

Ушакову суждено было сыграть историческую роль в жизни флота в тот период, когда царская Россия решала важнейшие проблемы внешней политики, чётко обозначившейся ещё в конце XVII в. Предстояло закрепить положение России в Прибалтике, воссоединить с Россией украинские и белорусские земли, находившиеся под властью Речи Посполитой, получить выход к Чёрному морю.

И. В. Сталин указывает, что завоевательная политика русского царизма характеризовалась «...«потребностью» военно-феодално-купеческой верхушки России в выходах к морям, морских портах, в расширении внешней торговли и овладении стратегическими пунктами...»¹. Проводя свою захватническую политику, «...цари, феодалы, купцы и другие социальные группы...» добились, что Россия стала «...самым могучим в военном отношении государством...»².

Русский царизм пользовался в международной политике теми же приёмами и методами, которые господствовали и в других странах. И. В. Сталин говорит следующее:

¹ И. В. Сталин, О статье Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма», «Большевик», 1941, май, № 9, стр. 2.

² Там же, стр. 2, 3.

«...завоевательная политика со всеми её мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща — не в меньшей, если не в большей степени — королям и дипломатам всех стран Европы, в том числе такому императору буржуазной формации, как Наполеон, который, несмотря на своё не-царское происхождение, с успехом практиковал в своей внешней политике и интриги, и обман, и вероломство, и лесть, и зверства, и подкупы, и убийства, и поджоги.

Понятно, что иначе и не могло быть»¹.

Во второй половине XVIII в. первоочередной задачей царской России становилась борьба с Турцией за выход к Чёрному морю.

При первых шагах своего правления в области внешней политики Екатерина II держалась так называемой «северной системы» — союза северных держав против Австрии и Франции.

В апреле 1764 г. она заключила оборонительный союзный договор с Пруссией. В секретных статьях договора Пруссия обязывалась предоставить денежную субсидию России в случае войны с Турцией. Кроме того, были согласованы дипломатические действия в Швеции и Речи Посполитой, имевшие своей целью отторжение от последней Украины и Белоруссии. Присоединение к России земель украинского и белорусского народов было исторически оправдано.

«...перед Украиной стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России. ... вторая перспектива была всё же наименьшим злом»².

Союзом с Пруссией русская дипломатия создала противовес против Турции и её союзницы Франции, обеспечила себе более прочное положение в отношении Швеции и начинала, по выражению Энгельса, «играть первую роль в Европе... без больших затрат».

¹ И. Сталин, О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», «Большевик», 1941, май, № 9, стр. 3.

² Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР. «К изучению истории», сборник. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 38.

Союз с Пруссией был ловким ходом и крупным успехом русской дипломатии¹.

С другой стороны, русская дипломатия старалась использовать старую англо-французскую борьбу, особенно из-за заокеанских владений (Канада, Индия).

В 1766 г. Россия и Англия заключили торговый договор.

Хотя русскому правительству и не удалось склонить английское правительство к заключению союзного договора, однако торговый договор 1766 г. явился серьёзным успехом русской дипломатии, поскольку он обеспечивал нейтралитет Англии в предстоящей войне с Турцией. Когда война началась, русские эскадры получили возможность свободного прохода в Средиземное море через западноевропейские воды.

В 1765 г. между Россией и Данией также был заключён пакт о помощи России в случае войны с Турцией.

Определённый контакт в политике был установлен и по отношению к Швеции, где французские дипломаты интриговали против русских и англичан.

В Петербурге хорошо понимали, что без сильного военно-морского флота нельзя будет осуществить намеченных внешнеполитических задач. Поэтому строительству флота было уделено много внимания. Упорядочено было управление всеми частями Адмиралтейства. В марте 1764 г. Екатерина II утвердила новые штаты Балтийского флота. По ним намечалось иметь три комплекта боевых кораблей.

В мирное время флот должен был состоять из 21 линейного корабля (80- и 60-пушечных), 4 фрегатов (32-пушечных) и других мелких судов. В военное время: по «меньшему комплекту» полагалось иметь 32 корабля и 8 фрегатов, по «большему комплекту» — 40 линейных кораблей и 8 фрегатов.

Много внимания было уделено подготовке морских кадров. Морской кадетский корпус, соединённый с сухопутным при Петре III, снова был выделен в самостоятельное военно-морское учебное заведение.

«Для присмотру в английском флоте военных порядков и действительных поступков с неприятелем» в Англию и Италию были направлены группы русских офице-

¹ «История дипломатии», т. I, М. 1941, стр. 287.

ров¹. Это была главным образом молодёжь — лейтенанты, унтер-лейтенанты, мичманы и констапели².

Инструкция требовала от них старательного овладения практикой морского дела. Особенно предписывалось участвовать в дальних плаваниях на военных кораблях.

Одновременно с подготовкой офицеров Адмиралтейств-коллегия энергично взялась за обучение рядового и младшего командного состава флота, «нижних чинов», как их называли в царской России. Экипажи флота набирались из рекрутов общего набора, которым ведала Военная коллегия. Часто на флот попадали люди, никогда не видевшие моря.

Адмиралтейств-коллегия предложила производить рекрутский набор для флота отдельно от общего набора из мест, где население связано с морским или речным промыслом. Однако это целесообразное во всех отношениях предложение не скоро удалось провести в жизнь.

Адмиралтейств-коллегия старалась обучить рекрутов предварительно на берегу, а затем на море. Для этого рекрутов разбивали на специальные команды. Особое внимание уделялось обучению артиллеристов (канониров).

В 1769 г. Коллегия приказывала «артиллерийской экспедиции наивозможнейшим образом приложить старание, дабы как ныне определённые, так и впредь определяемые из рекрут в канониры обучаемы были пушечной экзерциции, во-первых примерами, а потом и вспышками и действительно с пальбою, полагая на каждую ядер по двадцати»³.

Для обучения молодых канониров назначались лучшие офицеры и опытнейшие старослужащие канониры.

Готовясь к войне, русское правительство принялось спешно строить корабли. В Кронштадте были построены 3 дока, в ускоренные сроки достраивался Балтийский порт (бывший Рогервик), на петербургских верфях закладывались новые корабли. В Петербург Адмиралтейство стягивало судостроительных рабочих. В 1765 г.

¹ «Материалы для истории русского флота», ч. XI, стр. 116 (далее — сокращённо «Материалы»).

² Констапель — младший офицерский чин морской артиллерии.

³ «Материалы», ч. XI, стр. 448.

из одного лишь Архангельска сюда было переброшено 435 рабочих разных специальностей.

Петербург становился основным центром судостроения. Но архангельские верфи не теряли своего значения. Достаточно указать, что с 1734 по 1772 г. в Архангельске было построено 55 линейных кораблей, 18 фрегатов и 21 пинк, которые затем проводились в Кронштадт вокруг Скандинавского полуострова.

Большое корабельное строительство потребовало усиления производства якорей, особенно больших размеров для линейных кораблей. Доставкой якорей занимались заводы промышленников Демидовых. Демидовы очень часто под разными предлогами отказывались делать якоря и всячески тормозили это важное дело.

Не менее важно было и производство якорных канатов, такелажных верёвок и парусов. Все эти необходимые предметы для снаряжения кораблей производились на отечественных заводах и по прочности были лучше английских¹.

Особенно много хлопот и неприятностей Адмиралтейств-коллегии и морским артиллеристам доставляло производство пушек.

Пушки всех калибров флот получал главным образом с казённых заводов, но артиллерийские боеприпасы производили частные (партикулярные) заводы.

Казённые пушечные заводы, находившиеся в ведении Берг-коллегии, были в запущенном состоянии. Чугун получался низкого качества, да и техника отливки чугунных пушечных стволов стояла на низком уровне.

Царские власти 30—50-х годов XVIII в. не обращали внимания на военное производство и, в частности, на заводы, производившие вооружение для флота. Квалифицированные мастера пушечного дела стали редко встречаться.

Обследовав Каменские сибирские заводы в 1766 г., производившие пушки для флота, Адмиралтейств-коллегия пришла к заключению, что «неисправное литьё происходит от заготовления худой руды и по неисправности домен и мастеров»².

¹ «Материалы», ч. XI, стр. 291.

² Там же, стр. 252.

По поводу низкого качества пушек Адмиралтейств-коллегия постоянно жаловалась в Сенат: «литьё орудиям на... заводах чинится без всякого успеха, и выливающиеся орудия оказываются едва не все в негодности»¹.

Передача заводов в ведение Адмиралтейств-коллегии почти не изменила положение дел.

На Олонекских, Петровских и Кончезерских заводах Коллегия с большим трудом наладила литьё пушек для флота.

В 1769 г. нехватало во флоте 4 956 пушек: 3 478 пушек в запас, а 1 478 — на корабли. В наличии же было 5 478 пушек. Но среди них было много негодных для стрельбы, так как каналы стволов имели много глубоких раковин.

По данным Коллегии, в ноябре 1769 г. на Кронштадтском и Ревельском артскладах находилось с раковинами 1 436 медных и чугунных пушек, а в 1771 г. — 1 014². Все они подлежали «починке по секретному способу». Специалистом по заделке раковин был артиллерийский полковник Нартов.

Он и его отец были талантливыми мастерами по ремонту пушечных стволов. Нартовы обладали секретом заделки раковин и держали его в строгой тайне. Много пушек было возвращено ими на флот. Отец Нартов (умер в 1756 г.) за четыре года заделал раковины в 151 пушечном стволе, а сын его с 1756 по 1769 г. вернул боеспособность 800 пушкам³.

Большое количество пушек с раковинами объяснялось тем, что, будучи отлитыми из плохого чугуна, они быстро поддавались коррозии. Несовершенной была и чистка стволов от порохового нагара, остатки которого способствовали разъеданию металла ржавчиной.

Хранение пушек тоже не стояло на высоте. Пушечные стволы складывались целыми штабелями в сырых помещениях, а иногда и под открытым небом. Всё это неизбежно приводило к порче пушечных стволов.

Когда война с Турцией уже началась, к производству корабельных пушек и артиллерийского снаряжения были привлечены частные заводы. В 1769 г. заставили лить

¹ «Материалы», ч. XI, стр. 252.

² Там же, стр. 521, 751.

³ Там же, стр. 521, 522.

пушки для Азово-Донской флотилии Липецкие заводы князя К. Н. Репнина. Подрядились делать пушки для флота и заводчики Андрей и Иван Баташовы. У них ставилось пушечное производство довольно широко и не без успеха.

Для поощрения мастеров литейного пушечного дела объявлялись конкурсы с выплатой премий. Адмиралтейств-коллегия установила премию за «7 или 6 орудий больших калибров сряду вылитых»¹.

В результате принятых мер были достигнуты значительные успехи в производстве пушек. Русский флот во время войны с Турцией был в большей своей части вооружён пушками отечественного производства.

В подготовке к решению внешнеполитических задач материальные ресурсы страны напрягались до предела. Все мероприятия проводились за счёт усиления крепостного и налогового гнёта. Народные массы отвечали на это рядом стихийных восстаний, которые в середине 70-х годов переросли в мощную крестьянскую войну под руководством Емельяна Пугачёва.

Восстания крепостных крестьян, городской бедноты, угнетённых народов Поволжья и Урала потрясли дворянско-крепостническую империю до основания. С огромным напряжением сил господствующему классу удалось подавить народное движение.

«Крестьянские восстания, — говорит И. В. Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»².

2. Боевая деятельность Азовской флотилии и служба в ней Ушакова

К осени 1768 г. отношения между Турцией и Россией чрезвычайно обострились. Несмотря на подготовку к войне, Россия в то время ещё не была готова к ней. Воспользовавшись незначительным пограничным инци-

¹ «Материалы», ч. XI, стр. 712.

² Ленин и Сталин, Сб. произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 527.

дентом и подстрекаемая французским правительством, Турция в октябре 1768 г. сама объявила России войну. Получив известие об аресте русского представителя в Константинополе Обрезкова, Екатерина писала фельд-маршалу П. С. Салтыкову:

«Бог же видит, что не я зачала; не первый раз. России побеждать врагов: опасных побеждала и не в таких обстоятельствах, как ныне находимся»¹.

Хотя война для России не была неожиданностью, подготовка к началу военных действий затянулась. Несмотря на это, царское правительство решительно высказалось за немедленные активные наступательные действия против турок. Обстановка создавалась трудная. В начале войны Турция обладала рядом неоспоримых преимуществ. Её армия была лучше подготовлена к началу боевых действий. Турецкий флот господствовал в Чёрном и Азовском морях, свободно перебрасывая войска в любую точку Черноморского побережья. Турецкое командование рассчитывало, форсировав Днепр у Хотина, двинуть 400-тысячную армию на Каменец и Варшаву с тем, чтобы затем направить удар по Киеву и Смоленску. Одновременно из Крыма должен был начать наступление союзник Турции — крымский хан, имевший 100-тысячную армию. Азов намечался как пункт высадки 50-тысячного десанта для действий против Астрахани. Таким образом, широко задуманный план предусматривал одновременный удар по жизненным центрам России. Однако выполнение этого плана оказалось Турции не по силам.

Русское командование противопоставило туркам свой стратегический план, рассчитанный на активные действия. Основные сухопутные силы России должны были нанести Турции удар с севера, в районе Дуная. Но нужно было во что бы то ни стало парализовать действия турок на море. Это мог сделать только флот. С юга, в архипелаге Эгейского моря, должен был действовать военный флот в тесном взаимодействии с восставшими народами Балканского полуострова.

Выделенная для этой цели эскадра должна была совершить поход из Балтики в Средиземное море.

¹ С. М. Соловьев, История России с древнейших времён, кн. VI, стр. 557.

На Чёрном море предстояло заново создать флот. К началу русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Россия не имела на юге ни одного судна. В самом начале войны в Петербурге было решено немедленно восстановить петровские верфи на Дону и выстроить боевую флотилию для действия в Азовском море. Это было необходимо потому, что Архипелагская экспедиция могла отвлечь на себя лишь часть турецких военно-морских сил, кроме того, боевые действия на Черноморском и Азовском побережье не могли быть успешными без активной поддержки с моря.

Весьма трудное и ответственное дело по созданию Азовского флота было поручено контр-адмиралу Алексею Наумовичу Сенявину. А. Н. Сенявин был образованным и опытным моряком и пользовался известностью как хороший организатор и администратор.

Чтобы начать немедленную постройку боевых кораблей, нужно было иметь определённую базу — готовые верфи, корабельный лес и самих строителей.

Сенявин разработал план создания Азовской флотилии, и 11 ноября 1768 г. в Адмиралтейств-коллегии имели «общий совет о донской флотилии». Решено было строить суда на петровских донских верфях, которые стояли в запустении десятки лет.

Для подготовки верфей в Таврове и прочих местах¹ был послан генерал-кригс-комиссар Селиванов. Он должен был заготовить корабельный лес, восстановить нужные для строительства судов постройки и завести разные «магазины»².

Сложным вопросом был выбор типа судов для Донской флотилии.

Фарватер Дона часто и совершенно неожиданно затягивался передвигными песками, так же неожиданно менялся и уровень воды в реке. Такие условия чрезвычайно затрудняли плавание судов и доставку их в низовья Дона — в Азовское море.

Нужно было сконструировать суда с мелкой осадкой, могущие нести артиллерию крупного калибра и в достаточном количестве. Проект новых судов был поручен вице-адмиралу Спиридову и контр-адмиралу Сенявину,

¹ При Петре I на Дону верфи были в Воронеже, Таврове, Павловске, Икорце.

² Магазины — разные складские постройки.

«ибо первый в нужных местах сам был, а второму действовать»¹.

В начале 1769 г. проекты судов были представлены на рассмотрение Адмиралтейств-коллегии. Предполагалось строить парусно-гребные суда разных типов: 16-пушечные с осадкой до 8 футов; 12-пушечные с осадкой в 5 футов и 8-пушечные с осадкой до 4 футов (так называемые «новоизобретённые» корабли).

Все эти суда были плоскодонными, широкими и небольшого водоизмещения.

22 января 1769 г. Екатерина II утвердила проекты «новоизобретённых» судов.

В конце 1768 г. из Балтийского галерного флота были посланы на Дон 1 300 человек «нижних чинов». В числе офицеров, назначенных в Донскую флотилию и сопровождавших команду матросов, находился мичман Ф. Ф. Ушаков. Он вместе с командой балтийских моряков прибыл в Воронеж и поступил под начальство контр-адмирала А. Н. Сенявина.

А. Н. Сенявину предстояло построить в первую очередь 12 «новоизобретённых» кораблей, закончить строительство 5 прамов² в Павловске, заложенных ещё раньше, и построить 60 лодок³.

Сделав необходимые распоряжения в Воронеже, Сенявин с офицерами и штурманами в начале февраля отправился по Дону к Азовскому морю. Прибыв в Таганрог, он срочно организовал промеры глубины бухты. «Промеры чинил сам с бывшими при мне офицерами и штурманами», — доносил Сенявин Екатерине II в феврале 1769 г.⁴ Промеры бухты показали, что в Таганроге можно завести гавань для стоянки судов Донской флотилии.

В начале апреля 1769 г. были спущены на воду 5 прамов и закончена первая партия лодок в двадцать девять штук. В конце июня первые боевые суда были проведены в устье Дона. Прамы были вооружены 44 пушками каждый и напоминали собой скорее пловучие батареи.

¹ «Материалы», ч. VI, СПб 1877, стр. 261.

² Прам — плоскодонное парусное судно, вооружённое пушками большого калибра. Применялось для действий на мелководье и в реках.

³ «Материалы», ч. VI, стр. 285.

⁴ Там же.

Г. А. Спиридов.

Два прама предназначались для защиты Азова с моря. Остальные предполагалось провести в Азовское море и поставить у Таганрога, но из-за мелководья пришлось отложить проводку до весны.

Несмотря на большие трудности с рабочей силой, доставкой леса и других необходимых для строительства материалов, в мае, благодаря неутомимой энергии Сенявина, началась постройка «новоизобретённых» кораблей. На Павловской верфи было заложено шесть кораблей, а другие шесть — на Икорецкой. В Таврове решено было строить мелкие вспомогательные суда.

Особенно много хлопот доставляла строителям Донского флота проводка судов в устье Дона, а затем в Азовское море. Промеры Донского устья показали, что фарватер в Азовское море в полую воду не превышал трёх с половиной футов. Поэтому новые суда спускали к Азовскому морю без военного снаряжения. Это ответственное дело контр-адмирал Сенявин часто поручал Ф. Ф. Ушакову, произведённому в 1769 г. в лейтенанты.

Ф. Ф. Ушаков не раз успешно проводил суда по Дону в Таганрог. Однажды несколько шедших вниз по Дону транспортов попали на мель, потекли и затонули с материалами и припасами для флотилии. Положение, казалось, было безнадежным, но Ф. Ф. Ушаков проявил смелую инициативу, настойчивую решительность и спас материалы и суда. Он искусно снял с них грузы, а затем полузатонувшие суда отбуксировал в гавань.

Появление первых судов в устье Дона и спешные работы по восстановлению Таганрогской гавани вызвали беспокойство в Турции. Турецкий флот решил захватить Таганрогскую гавань и не допустить строительства флота.

В середине лета в Керченском проливе появилась турецкая эскадра в составе четырёх кораблей, двух галер и многих мелких судов. Корабли бросили якорь в бухте Еникале, а галеры в сопровождении мелких судов направились в Таганрог. Недалеко от Таганрога, у Долгой косы, обе галеры сели на мель. Одну из них туркам удалось снять с мели, другая же была разбита налетевшим штормом. Уцелевшие суда отошли в Еникале. На некоторое время турки отказались от диверсий в районе Таганрога.

Для действий в море нужны были большие суда. Поэтому Сенявин решил построить 3—4 фрегата.

Весь 1769 и 1770 гг. прошли в напряжённой работе. Строители не жалели сил для создания на юге жизненно необходимого флота. Дело успешно подвигалось вперёд.

В марте 1770 г. Сенявин доносил президенту Адмиралтейств-коллегии: «Успех в строении судов по состоянию времени и людей идёт так, что более кажется требовать мне от них не можно»¹.

Ф. Ф. Ушаков тоже неутомимо трудился над созданием флота. Он в 1769 и 1770 гг. плавал в эскадре капитана 1-го ранга Пушина на праме № 5, охраняя устье Дона от нападений турецкого флота.

За эти годы на фронтах войны произошли замечательные события. В двух морских сражениях, в Хиосском проливе и у Чесмы, русская эскадра под командованием адмирала Г. А. Спиридова разбила и уничтожила турецкий флот.

С этого времени и до конца войны русский флот безраздельно господствовал в Эгейском море и на востоке Средиземного моря, не позволяя Турции снова создать там флот.

Почти одновременно с Чесменской победой, в июле 1770 г., русская армия под командованием выдающегося полководца Румянцева разбила при Ларге в Кагуле 150-тысячную турецкую армию.

Кагульская победа скоро позволила русской армии занять левый берег Дуная и ряд крепостей.

Выдающиеся успехи русского сухопутного и морского оружия дали возможность ликвидировать постоянную опасность нападения на русские тылы со стороны крымского хана. Чтобы устранить эту угрозу, решено было в кампанию 1771 г. завладеть Крымом. Выполнение задачи было возложено на вторую армию под командованием генерала кн. Долгорукова при содействии Азовской флотилии.

В начале 1771 г. Азовская флотилия уже имела в своём составе 10 «новоизобретённых» кораблей, 5 прамов, 1 дубель-шлюпку, 1 бот и 58 канонерских лодок.

Первый выход флотилии в Азовское море показал, однако, что прамы и лодки совершенно непригодны для морского плавания. Пришлось прамы поставить в Азов-

¹ «Материалы», ч. VI, стр. 311.

ском и Таганрогском портах как морские батареи. Лодки же можно было использовать для плавания лишь вдоль берегов.

Принять участие в совместных действиях второй армии против Крыма могли лишь 12 судов с 190 пушками на них.

В марте 1771 г. Сенявин получил оперативный план действий второй армии по овладению Крымом, а также план содействия флотилией отдельному корпусу под начальством кн. Щербатова, выделенного специально для захода татарам в тыл.

Корпус Щербатова должен был при помощи флотилии форсировать Генический пролив, пройти Арабатскую стрелку, по ней достигнуть г. Арабата и взять его.

Флотилия должна была охранять левый фланг войск от турецких десантов, доставлять продовольствие, фураж и материалы для наводки переправы, а также охранять переправу от нападения с моря. При подходе корпуса к г. Арабату флотилия должна была обеспечить огнём с кораблей атаку города. Затем при захвате крепостей Еникале и Керчи «с морской стороны... сильнейшим образом подкреплять»¹.

В мае Сенявин вывел флотилию в Азовское море, подняв вице-адмиральский флаг на корабле «Хотин»².

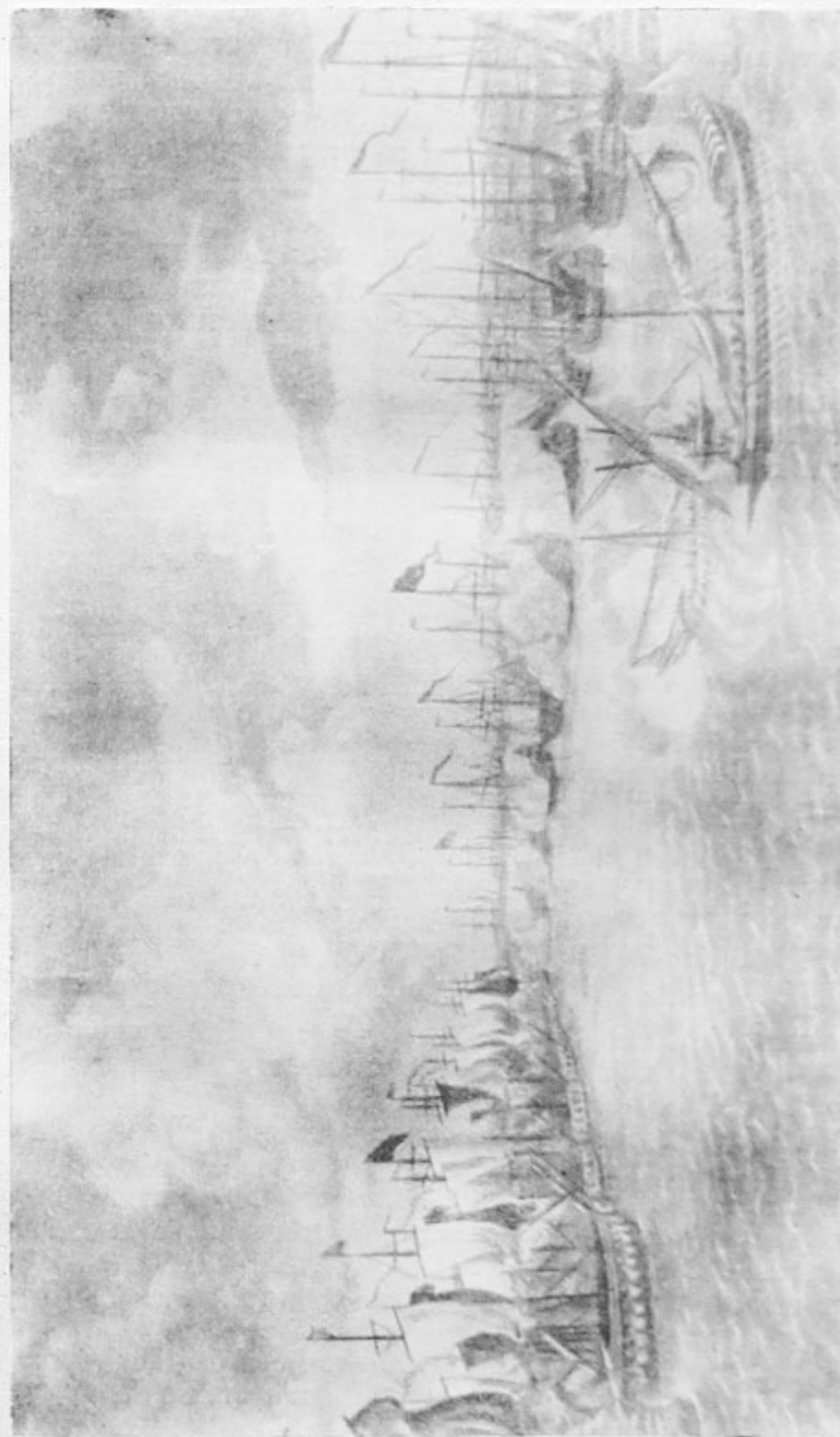
Он успешно доставил провиант из Таганрога в Петровскую крепость, сопровождал морем корпус Щербатова, доставил всё необходимое для переправы и охранял её. Но едва закончилась переправа, как Сенявин получил сведения, что в Керченском проливе появился турецкий флот. Не теряя времени, он экстренно направился с семью кораблями к проливу, чтобы не допустить высадки неприятельского десанта. Корабль и все канонерские лодки были оставлены у Арабатской косы для поддержки корпуса Щербатова.

19 июня утром наблюдатели на флотилии увидели недалеко от мыса Казаншин (Кезандибы) 14 турецких галер и шебек.

Сенявин начал строить боевую линию, чтобы атаковать сильного противника. Турки были ошеломлены,

¹ Копия рескрипта Екатерины II вице-адмиралу Сенявину 7 марта 1771 г., РИО, т. I, стр. 149—152.

² А. Н. Сенявин был произведён в вице-адмиралы 4 июня 1769 г.

Русская эскадра атакует турецкий флот в Керченском проливе 24 июня 1770 г.

увидев в Азовском море готовую к атаке русскую эскадру под парусами; они поспешили укрыться под защиту крепостных пушек Еникале. В Керченском проливе собралось до 40 военных и транспортных турецких судов. Однако они не решились атаковать малочисленную эскадру Сенявина.

А. Н. Сенявин развернул суда своей эскадры и занял вход в Азовское море. Русские войска могли спокойно действовать в Крыму, не боясь высадки десантов в своём тылу.

Вице-адмирал Сенявин радостно доносил Коллегии: «Я скажу, что прошёл Азовское море вдоль от одного края и до другого, и теперь опять на половине. Я думаю, что турки таких судов в Азовском море видеть не уповали. Удивление их тем больше быть может, что по известности им азовской и таганрогской глубины там великим судам быть нельзя... то и по справедливости сказать турки могут, что сей флот пришёл к ним не с моря, а с Азовских высоких гор.

Удивятся они и ещё больше, как увидят в Чёрном море фрегаты и почувствуют их силу»¹.

А. Н. Сенявин ещё в 1770 г. в сентябре заложил два 32-пушечных фрегата на верфях, построенных в устье реки Хопра. Летом 1771 г. фрегаты вступили в строй. Это были настоящие морские трёхмачтовые килевые военные суда, имевшие 130 футов длины и 36 футов ширины, вооружённые 32 пушками крупных калибров каждое.

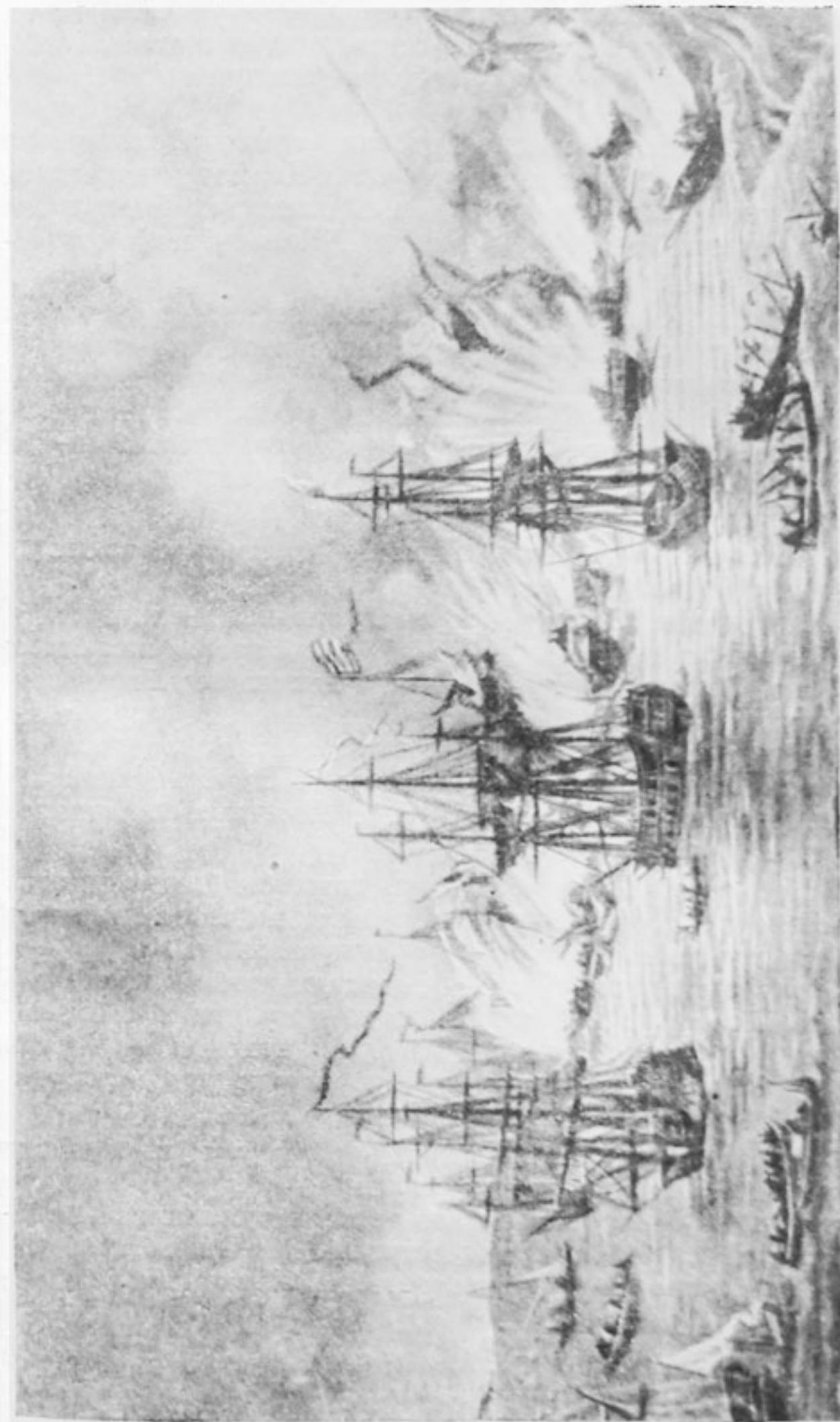
Фёдор Фёдорович Ушаков не участвовал в первых морских действиях Азовской флотилии. Он был назначен офицером нового фрегата под названием «Первый» и занимался проводкой его к морю.

В этой трудной работе закалялась воля и выдержка молодого лейтенанта Ушакова.

После доставки фрегата в Таганрог Ф. Ф. Ушаков был назначен командиром четырёх транспортных судов. На них должен был доставляться корабельный лес из разных мест для окончательной достройки приведённого фрегата. И с этой задачей Ушаков блестяще справился.

Тем временем, пока А. Н. Сенявин с флотилией охранял вход в Азовское море и приковывал внимание турец-

¹ «Материалы», ч. VI, стр. 362.

Истребление турецкого флота в Чесменской бухте 26 июня 1770 г.

кого флота к себе, корпус Щербатова 18 июня занял Арабат, а 3 июля его войска вступили в Еникале и Керчь.

На следующий день флотилия Сенявина пришла на керченский рейд.

Одновременно с этим вторая армия Долгорукова взяла Перекоп (по-татарски Ферх-Кермен), ворвалась в Крым и овладела городами: Акмечетью, Евпаторией (по-татарски Гезлев), Балаклавой, Карасубазаром, Феодосией (Кафа) и др.

По занятии русскими важнейших городов и крепостей Крымского ханства турецкая эскадра поспешно покинула Керченский пролив и взяла курс на Константинополь.

Таким образом Крым оказался в руках России. Крымских феодалов заставили по договору отказаться от союза с Турцией. Крым объявлялся независимым, и Россия брала его под своё покровительство.

Крымский хан Селим Гирей и другие приверженцы Турции бежали в Константинополь.

Завоевание Крыма было значительной политической победой России. Побеждён был верный вассал и союзник Порты. С другой стороны, Россия делала серьёзный шаг по пути овладения Чёрным морем. Азовское море с его северным побережьем можно было считать прочно обеспеченным, так как крепости Керчь и Еникале, запиравшие проход из Чёрного моря в Азовское, находились в руках русских войск и флота.

На юге для России создалась довольно благоприятная обстановка. Нужно было во что бы то ни стало удержать Крым и ни в коем случае не выпускать из своих рук крепостей Еникале, Керчь, Феодосию, чтобы «скорее поставить твёрдую и непоколебимую ногу права собственности и соучастия нашего в тамошних водах, коим Россия толь долге время другим уважениям жертвовать принуждена была», — писала Екатерина II Сенявину¹.

Решающую роль в защите Крыма и в дальнейших наступательных действиях должен был сыграть флот. Но суда Азовской флотилии мало соответствовали новым задачам. Нужно было спешно строить линейные корабли и фрегаты, способные действовать на Чёрном море. Тур-

ция, потерпевшая ряд крупных поражений на Дунае, в Крыму, в Архипелаге, под давлением Франции и Австрии всё же упорно не хотела признать себя побеждённой. Перемирие, заключённое 19 мая 1772 г. по просьбе Турции, и переговоры о мире в Фокшанах, а затем в Бухаресте турки старались использовать лишь как передышку для приведения в порядок своих вооружённых сил.

Весь 1772 г. прошёл для моряков Азовской флотилии в спешном строительстве морских судов. Так как в Крыму не было обнаружено подходящих мест для устройства верфей, то пришлось продолжать строительство на донских и таганрогских верфях. Одновременно переделывались и приспособлялись к морскому плаванию «новоизобретённые» корабли.

На верфях кипела работа. Спешили к кампании 1773 г. построить суда, способные действовать в море. Торопиться заставляло поведение Турции. В конце августа 1772 г. перемирие было прервано. В Архипелаге турки готовили вероломное нападение на русский флот, рассчитывая уничтожить его. Но смелые действия русских моряков опрокинули эти планы. Шедшая из Петербурга в Архипелаг эскадра под командованием капитана 1-го ранга Коняева уничтожила в Патрасском заливе 16 судов дульциниотской эскадры, шедшей на соединение с тунисским флотом. Турция снова вынуждена была просить перемирия. Оно было заключено лишь на четыре месяца.

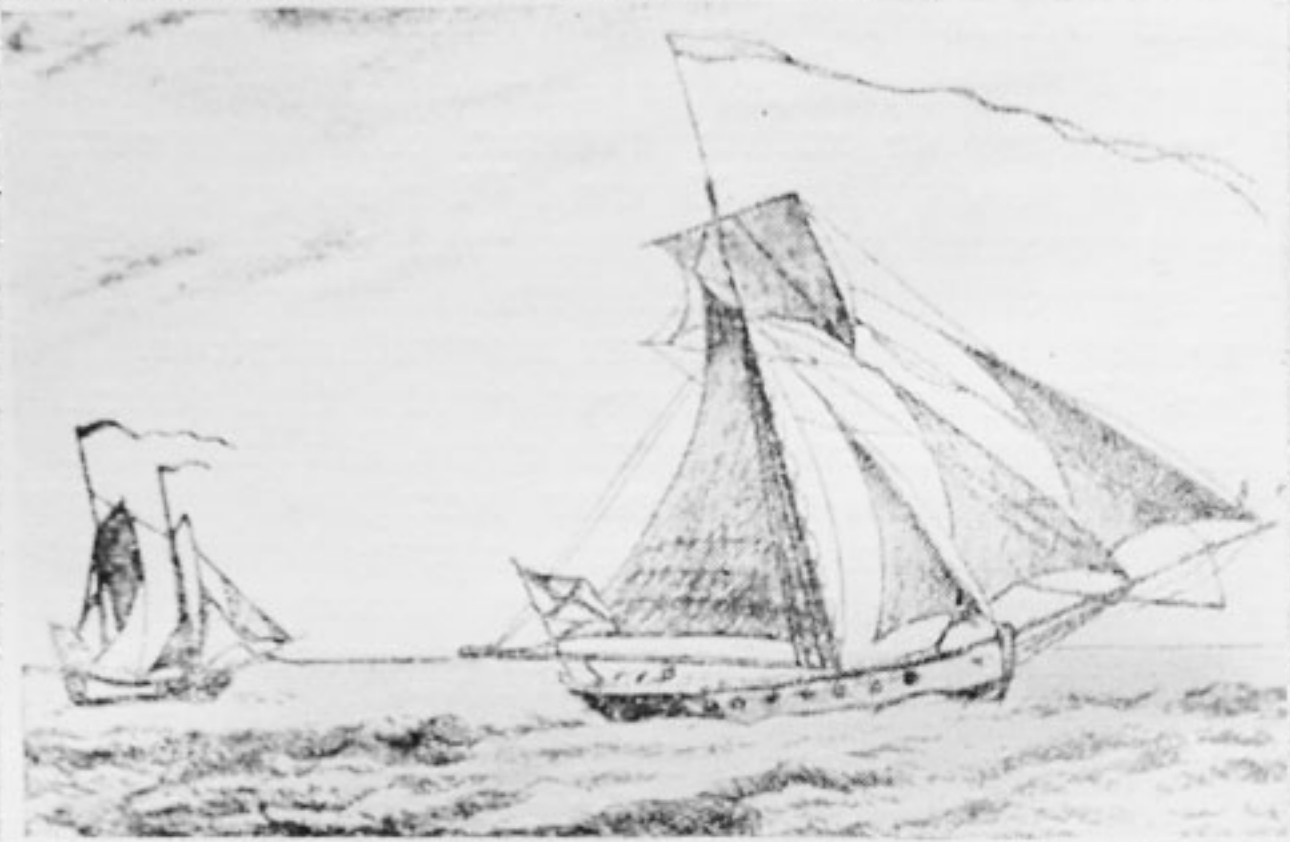
Вице-адмирал Сенявин, строя новые и переделывая старые суда, постоянно рассылал вдоль крымских и таманских берегов крейсерские отряды, которые зорко следили за поведением противника на море.

В августе 1772 г. один из крейсерских отрядов вошёл в Балаклавскую бухту, куда, по слухам, на помощь татарам должен был прибыть турецкий десант.

В 1772 г. Ф. Ф. Ушаков получил в командование палубный бот «Курьер». На нём он сопровождал из Таганрога до Феодосии полностью достроенный и оснащённый фрегат «Первый». Отсюда на том же боте Ушаков отправился в Балаклавскую бухту, где соединился с крейсерским отрядом. Бот «Курьер» был вооружён 14 пушками и 2 гаубицами. На боте лейтенант Ушаков совершенствовался в самостоятельном управлении парусным судном, учился маневрировать им. Командование хотя и

¹ Копия рескрипта Екатерины II вице-адмиралу Сенявину 7 марта 1771 г., РИО, т. I, стр. 152.

Бот.

небольшим, но всё же боевым судном было прекрасной школой для Ушакова.

В начале сентября все суда были собраны в Еникале и Таганроге на зимовку. Лейтенант Ушаков, по возвращении отряда из Балаклавы, занял пост у Керчи, бдительно охраняя подступы к военным портам.

К весне 1773 г. Азовский флот в результате напряжения всех сил судостроителей и моряков представлял значительную силу. Флотилия насчитывала 6 фрегатов, 10 переоборудованных «новоизобретённых» кораблей и около 15 разных мелких судов. Вице-адмирал Сенявин разделил флотилию на два отряда, оставив часть судов для охраны Керченского пролива. Первый отряд был поручен капитану 1-го ранга Сухотину, второй — капитану 2-го ранга Кинсбергену. Сам Сенявин ввиду болезни оставался охранять пролив.

Отряд Сухотина должен был стеречь район от Феодосии до Суджук-Кале¹. Отряд Кинсбергена — крейсировать между Феодосией и Балаклавой.

В 20-х числах мая отряды вышли в море. В первые дни крейсерства отряд Сухотина настиг в Кизилташской

¹ Месторасположение нынешнего г. Новороссийска.

Шебека.

бухте пять турецких транспортов с порохом и снарядами, атаковал их и сжёг, а сопровождавшие их суда загнал в р. Кубань. Через несколько дней у таманского берега Сухотин снова сжёг один большой транспорт, а другой взял в плен с 80 турками. Наблюдая за порученным районом, особенно за дельтой р. Кубани, 8 июня отряд Сухотина заметил до 20 турецких судов в Кизилташской бухте, напал на них и сжёг два транспорта, остальные успели укрыться в р. Кубани.

Не менее успешны были действия отряда Кинсбергена, имевшего стоянку в Балаклавской бухте. 22 июня на эскадре получили известие от прибрежного поста, что в море замечен вражеский корабль. Отряд, состоявший из двух «новоизобретённых» кораблей — «Таганрог» и «Корон», снялся с якоря и пошел навстречу противнику, не считаясь с противным штормовым ветром. На рассвете следующего дня на горизонте был замечен турецкий корабль, а через некоторое время показались ещё три вражеских судна. Это были три турецких 52-пушечных фрегата и одна 24-пушечная шебека¹ под флагом вице-адмирала.

¹ Шебека — длинное трёхмачтовое судно, вооружённое 12—40 пушками.

Несмотря на то, что против 180 турецких пушек два русских судна могли противопоставить лишь 32 пушки и то мелкого калибра, русские моряки смело пошли на сближение и вступили в неравный бой.

Меткий огонь русских канониров с первых выстрелов нанёс большие потери десантным войскам, находившимся на палубах турецких судов. Это вызвало панику среди неприятельских команд и снизило их боеспособность. Скоро, однако, турки оправились и дрались храбро. Ответный огонь с турецких кораблей стал выводить из строя матросов на русских судах. На корабле «Таганрог» было из строя 20 матросов и 1 офицер. Осталось всего 5 человек. Они вооружились гранатами и были готовы в случае абордажа драться до последнего человека.

Этот беспримерный бой двух маленьких русских судов с тремя турецкими фрегатами и шебекой длился 6 часов и кончился победой русских моряков.

От меткого огня русской артиллерии турки понесли тяжёлые потери в людях, рангоуте¹ и снастях, на них не раз вспыхивали пожары.

Исключительное мужество, стойкость и смелость русских моряков, хладнокровие и высокое мастерство канониров заставили во много раз сильнее противника бежать с поля боя с большими потерями.

«Итак, честь этого боя, — доносил Кинсберген Адмиралтейств-коллегии, — следует приписать храбрости войск, с такими молодцами я выгнал бы чорта из ада»².

Отряд Кинсбергена, приведя в порядок суда в Балаклавской бухте, прибыл в Керчь.

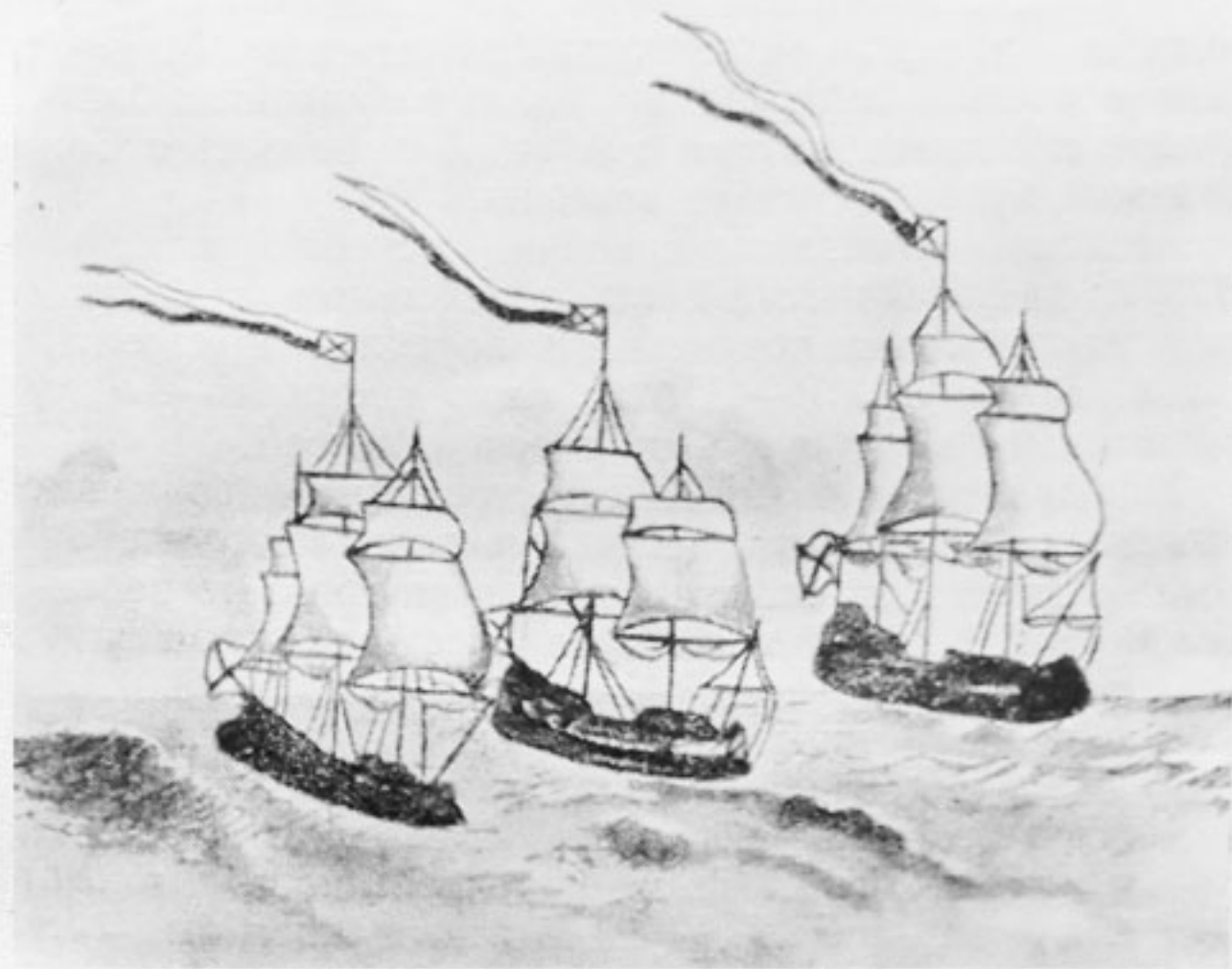
Ещё несколько раз в 1773 г. русские эскадры Азовской флотилии встречались с турецким флотом и неизменно наносили ему поражение за поражением, срывая все попытки турок высадить десанты на Крымском побережье.

Русские войска в Крыму, постоянно отражавшие нападения восставших татар, получали от Азовской флотилии существенную помощь.

Присутствие турецкого флота в Чёрном море заставляло Сенявина держать крейсера в море до самой

¹ Рангоут — совокупность деревянных мачт на парусном судне.

² «Материалы», ч. VI, стр. 444.

Русские крейсерские суда.

поздней осени, охраняя берега полуострова и конвоируя транспорты с продовольствием.

В кампанию 1773 г. Ф. Ф. Ушаков выполнял ряд поручений, командуя тем же ботом «Курьер». Он ходил с поручениями в Феодосию, Таганрог, участвовал в крейсерстве и неоднократных боях с турецкими судами и эскадрами.

Каждый бой, любую встречу с противником лейтенант Ушаков старался осмыслить и извлечь из них для себя полезный опыт. Просмотр шканечных журналов кораблей, бывших в сражении, беседы с участниками сражений были излюбленным занятием Ушакова. Он внимательно присматривался к матросам, изучал их способности и поведение в бою. Ушаков знал, что только обученные матросы делают боеспособными малоподвижные парусные суда.

В сентябре 1773 г. Ф. Ф. Ушаков был отправлен к балаклавскому отряду крейсеров и получил в командование 16-пушечный корабль «Морею». Через некоторое время

его назначили командиром 20-пушечного корабля «Модон», с которым он должен был следовать в Таганрог. Однако осенние штормы не дали возможности выйти в море, и Ушаков остался с кораблём зимовать в Балаклавской бухте в составе эскадры.

Азовская флотилия, закончив успешно кампанию 1773 г., энергично готовилась к действиям в будущем году: исправлялись повреждения кораблей и строились новые. За зиму 1773—1774 гг. было построено ещё три фрегата, два палубных бота и два галиота¹.

Под давлением Франции и Австрии турки попрежнему упорно не соглашались на заключение мира, стараясь извлечь выгоды из осложнившегося внутреннего положения России. В стране вспыхнула Крестьянская война под руководством Емельяна Пугачёва.

На севере Швеция грозила войной. Дунайская армия Румянцева, состоявшая из 44 тысяч, была изнурена боями и болезнями. После отдельных блестящих успехов на правом берегу Дуная из-за малочисленности и плохого снабжения армии П. А. Румянцев вынужден был снова отойти на левый берег, чем вызвал большое неудовольствие Екатерины II, требовавшей решительных действий на правом берегу, невзирая ни на что.

Всё это позволило франко-австрийским агентам внушить султану и его правительству, что Россия вот-вот запросит мира и тем самым поставит себя в невыгодное положение.

Обе стороны продолжали готовиться к решительным боям в кампанию 1774 г.

Новый султан Абдул-Гамид, сменивший умершего султана Мустафу, принимал все меры, чтобы достигнуть если не решительной победы, то хотя бы заключения почетного мира. После гибели основного флота при Чесме Турция сумела значительно воссоздать военно-морские силы.

В Архипелаге попрежнему господствовал русский флот, прочно закрывая Дарданеллы. Поэтому Турция готовилась эффективно использовать свой восстановленный флот в Чёрном море, главным образом в районе Крыма.

Фельдмаршал П. А. Румянцев за зиму привёл свою армию в порядок, получил несколько полков пополнения

¹ Галиот — двухмачтовое судно.

и весной 1774 г. начал решительные действия на правом берегу Дуная, чтобы принудить Турцию к скорейшему заключению мира.

В начале июня 1774 г. Суворов под местечком Козлуджей разбил 40-тысячный турецкий отряд, прикрывавший подступы к Шумле, где сосредоточились главные силы Турции. Одновременно была обложена крепость Руцук, а главные силы армии подошли к крепости Силистрии и окружили её.

В это время на Чёрном море начала действовать Азовская флотилия. К весне 1774 г. в ней насчитывалось 8 «новоизобретённых» 16- и 20-пушечных кораблей, 4 больших фрегата, 2 бомбардирских корабля, 8 палубных ботов, 4 галиота и 1 военный транспорт¹.

Отряд крейсеров, зимовавший в Балаклавской бухте, в том числе корабль «Модон», командиром которого был Ф. Ф. Ушаков, продолжал нести крейсерскую службу в балаклавском районе, охраняя гавань, где ожидался турецкий десант. Охрану берега и транспортов, ходивших между Керчью и Балаклавой, нёс специальный отряд, состоявший из 4 кораблей и 1 бота.

В Керченском проливе крейсировал второй большой отряд, в составе двух новопостроенных кораблей и 3 фрегатов. Отряд находился под командованием контр-адмирала Василия Яковлевича Чичагова², прибывшего в Азовскую флотилию осенью 1773 г. Это была довольно боеспособная флотилия, которая с успехом могла охранять крымские берега и проливы и отразить готовящееся турецким флотом нападение на Крым.

В начале июня турецкая эскадра, состоявшая из 40 судов, под флагами адмирала и вице-адмирала подошла к Керченскому проливу с намерением прорваться в Азовское море и высадить десант в Крыму.

Первый отряд, состоявший из фрегатов и шебек, направился к эскадре Чичагова с целью сковать её и, подойдя на пушечный выстрел, открыл огонь. Но залпы турецких судов были малодействительны.

¹ Р. Скаловский, Жизнь адмирала Ф. Ф. Ушакова, СПб 1856, стр. 25.

² Василий Яковлевич Чичагов (1726—1809) был начальником экспедиции на о. Шпицберген, предпринятой по проекту М. В. Ломоносова; впоследствии адмирал, командовал Балтийским флотом во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг.

Второй отряд, состоявший из линейных кораблей, под всеми парусами направился в пролив.

Чичагов разгадал намерение турецкого адмирала отрезать русскую эскадру от пролива и главными силами прорваться в Азовское море. Он повернул на другой галс¹ и стал у мыса Таклы, преградив тем самым вход в пролив. Турецкая эскадра вынуждена была отойти в море. На второй день противник повторил попытку прорваться в Азовское море. Но Чичагов занял с флотом позицию в самой узкой горловине пролива и плотно закрыл его. После незначительной и бесплодной перестрелки турецкий адмирал убедился, что прорыв через Керченский пролив невозможен, и ушёл в море.

Однако 28 июня турки снова показались на горизонте и, подойдя на дистанцию пушечного выстрела, открыли огонь по русской эскадре, во главе которой стал вице-адмирал Сенявин. Турецкие ядра падали в море, не долетая до линии русских судов.

По эскадре противника стреляли два русских бомбардирских корабля. Меткими попаданиями в передовые суда они заставили их прекратить огонь и выйти из боевой линии. За ними последовали остальные суда. Турецкая эскадра вынуждена была отойти к мысу Таклы и там бросить якорь. В это же время другая турецкая эскадра, пользуясь сосредоточением русского флота в Керченском проливе, успела высадить десант под начальством паши Хаджи-Али в районе Ялта — Судак. Это послужило сигналом к восстанию татар. Малочисленные русские войска, изрядно уставшие от постоянного отражения атак повстанцев, вынуждены были отходить. Балаклавский отряд судов смело прикрывал отход русских войск и мужественно отражал атаки турок и татар, пытавшихся захватить Балаклавскую крепость и бухту.

В этих боях принимал активное участие лейтенант Ф. Ф. Ушаков со своим кораблём «Модон». Здесь он получил настоящее боевое крещение.

Благодаря решительным и смелым действиям Азовской флотилии туркам и татарам не удалось захватить Крымское побережье в свои руки. В разгар горячих боёв пришло известие о заключении мира с Турцией.

¹ Галс — курс корабля относительно ветра; например, судно идёт левым галсом, когда ветер дует в левый борт судна.

Наступательные действия Дунайской армии на правом берегу Дуная, неудачи с высадкой десанта в Крыму и провал надежд на победоносное восстание татар, блокада турецкой армии под Силистрией, тщетное ожидание обещанной помощи со стороны союзников — всё это заставило Турцию просить мира, который и был подписан 10 июля 1774 г. в деревне Кучук-Кайнардже. Екатерина II в этот момент сама стремилась к скорейшему подписанию мира, чтобы иметь возможность подавить Крестьянскую войну под предводительством Емельяна Пугачёва.

Турция вынуждена была признать «вечное и неприкосновенное владение Российской империей» над крепостями Керчью и Еникале с пристанями и уездами, Кинбурном с округом земель по левому берегу Днепра и над территорией степи между реками Южным Бугом и Днестром и городом Азовом с «уездом» (ст. ст. 18, 19, 20).

Порта согласилась на «вольное и беспрепятственное» плавание купеческих судов во всех морях, омывающих Турецкую империю. Русские торговые корабли приобрели право свободного прохода из Чёрного моря в Средиземное через проливы Босфор, Дарданеллы и обратно. Русским купцам предоставлялась возможность «иметь коммерцию» на всей территории Порты Оттоманской с правами и выгодами, какими пользовались «прочие народы» в «наибольшей дружбе с ней находящиеся... как-то французы и англичане» (ст. 11).

Это был весьма важный успех. Чёрное море переставало быть внутренним турецким морем. Восстанавливались исторические права России на Чёрное море. Ещё при киевских князьях (X—XII вв.) существовало причерноморское Тмутараканское княжество и русские суда свободно плавали в Чёрном море.

Другим важнейшим политическим и стратегическим достижением России было признание Портой независимости крымских татар. Турция потеряла вернейшего вассала на северном побережье Чёрного моря и первостепенные стратегические позиции. Признание Турцией независимости Крыма означало его зависимость от России.

Россия фактически устанавливала протекторат над Молдавией и Валахией: право «говорить в пользу сих двух княжеств» (ст. 16).

Порта обязалась уплатить контрибуцию свыше 4 миллионов рублей.

Историческое значение Кучук-Кайнарджийского договора огромно. Он открывал новую страницу в истории международно-правового режима Босфора и Дарданелл.

В договоре ничего не говорилось о праве России держать на Чёрном море военный флот. Это был ловкий дипломатический ход фельдмаршала Румянцева, который непосредственно руководил переговорами.

Румянцев в реляции Екатерине II о заключении мира с Турцией писал, что, уравнив русскую торговлю с «цветущей коммерцией англичан и французов на всех водах без изъятия», Россия получила право строить такие корабли на Чёрном море, какие имеют французы и англичане в Средиземном море. А «умолчание в трактате о сооружении флота на сем море даёт право неограниченное к построению нам оногo»¹.

Таким образом, русско-турецкая война 1768—1774 гг. закончилась победоносно для русского оружия. В упорной борьбе с Турцией наряду с сухопутными армиями выдающуюся роль сыграл флот.

В этой войне Фёдор Фёдорович Ушаков приобрёл первый боевой опыт. Война была для него боевой практической школой. Здесь он возмужал и по-настоящему сформировался как боевой офицер. Он прошёл суровую школу: плавал на боевых кораблях, принимал активное участие в строительстве флота. Непосредственное участие в строительстве верфей, кораблей, доставке леса и, наконец, проведение судов к морю по капризной степной реке Дону обогатили Ушакова исключительно многообразным и полезным для моряка опытом.

Шестилетнее пребывание Ушакова в Азовской флотилии сделало его опытным и закалённым моряком.

¹ «Фельдмаршал Румянцев», сборник документов и материалов, 1947, стр. 250.

Глава третья

Ф. Ф. УШАКОВ В БАЛТИЙСКОМ ФЛОТЕ

По окончании русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Ф. Ф. Ушаков некоторое время продолжал служить в Азовском флоте. Но в 1775 г. он был переведён в корабельную команду Балтийского флота. За честную и добросовестную службу Ушаков получил трёхмесячный «домовой отпуск», а по возвращении из него был произведён в капитан-лейтенанты.

В Балтийском флоте Ф. Ф. Ушакова встретили как опытного и знающего офицера, которому можно доверить любое ответственное дело.

В Кронштадте в это время три фрегата, подняв торговые флаги, грузились железом, юфтью, корабельными канатами и другими товарами, готовясь к специальной экспедиции в Средиземное море.

Для сопровождения эскадры был выделен фрегат «Северный Орёл» под военным флагом. Командиром «Северного Орла» и общим начальником экспедиции был назначен капитан 2-го ранга Козлянинов.

С фрегатом «Северный Орёл» посылались экипажи для двух фрегатов, оставшихся в Ливорно от Архипелагской экспедиции — «Св. Павел» и «Констанция». Командиром фрегата «Св. Павел» был назначен капитан-лейтенант Ушаков, который вместе с командой на борту «Северного Орла» следовал к месту нового назначения. Фрегат «Св. Павел» и «Констанция» должны были взять товары и отправиться в Константинополь вместе с двумя кронштадтскими фрегатами.

Цель экспедиции была изложена в указе Адмиралтейств-коллегии: «Для расходов вне государства и для сохранения курса от упадка отправить из Петербурга русские товары на казённый счёт, для продажи в иностранных местах»¹.

Кроме коммерческих задач, экспедиция использовалась и для морской практики русских военных моряков. Учитывая опыт Архипелагской экспедиции в борьбе с Турцией, Адмиралтейств-коллегия имела в виду познакомить русских офицеров с условиями плавания в Средиземном море. «Где будет и при портах или случится приставать к каким берегам и островам жилым или пустым, сколько возможно стараться описывать обстоятельно и сочинять планы и виды берегов в перспекте снимать»².

15 июня 1776 г. торговая эскадра под охраной фрегата «Северный Орёл» покинула Кронштадт и отправилась вокруг Европы в порт Средиземного моря Ливорно, куда прибыла благополучно 12 сентября.

Приняв в Ливорно фрегат «Св. Павел», Ф. Ф. Ушаков начал совершать рейсы в Константинополь, Гибралтар и другие порты Средиземного моря.

Это было плавание в тех самых водах, где покрыли себя славой корабли Архипелагской экспедиции Спиридова. Здесь греки помнили о недавнем пребывании прославленных русских эскадр, в течение пяти лет безраздельно господствовавших в восточной части Средиземного моря.

Ф. Ф. Ушаков на своём фрегате не раз посещал Эгейский архипелаг, острова которого несколько лет назад присягнули на верность России, а греческие жители многочисленных островов Эгейского моря и Морей целыми отрядами служили в русском флоте и всемерно помогали вести борьбу с ненавистным своим врагом — Турцией.

Плавание в Средиземном море торговых судов продолжалось довольно долго — два года и девять месяцев. За это время Ф. Ф. Ушаков приобрёл много знаний по мореплаванию в западноевропейских водах, познакомился подробно с иностранными судами и способами их

управления. Ближе присмотрелся он и к турецкому флоту, постоянному противнику России, и изучил европейское побережье Средиземного моря.

Первое дальнее плавание в заграничных водах значительно расширило морской кругозор Ф. Ф. Ушакова, принесло ему много практических знаний.

Пробыв в заграничном плавании чуть ли не три года, суда торговой экспедиции 24 мая 1779 г. вернулись в отечественные воды.

Поставив фрегат «Св. Павел» в Кронштадтской гавани и сдав команду, Ф. Ф. Ушаков получил новое срочное задание. Ему было приказано немедленно отправиться на небольшом фрегате к острову Аспэ (в районе о. Гогланда) и проследить за поведением иностранных судов, появившихся вблизи русских территориальных вод¹.

Выполнив это поручение, Ф. Ф. Ушаков принял в командование линейный корабль «Св. Георгий Победоносец» и плавал на нём до конца навигации 1779 г. Затем он был переведён в корабельную команду. В декабре того же года Адмиралтейств-коллегия опять дала капитан-лейтенанту Ушакову трудное и ответственное поручение. На Волге, в районе городов Рыбинска и Твери, застряли караваны корабельного дубового леса. Ушаков должен был выехать на место и с наступлением навигации организовать доставку леса на петербургские верфи, так как ещё в годы службы на Азовской флотилии он получил большой опыт по речной доставке леса.

С наступлением весны 1780 г. Ф. Ф. Ушаков успешно выполнил поручение Адмиралтейств-коллегии. Вернувшись в Петербург, он получил в командование императорскую яхту «Штандарт». Новое назначение, сделанное Коллегией в целях поощрения его за хорошую и добросовестную службу, не обрадовало Ушакова. Другой на его месте считал бы себя счастливецом. Служба на придворном судне давала возможность часто встречаться с влиятельными царедворцами, угодив которым, можно было сделать головокружительно быструю карьеру.

¹ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 31—32.

² «Материалы», ч. XII, стр. 369.

¹ «Описание дел Архива Морского министерства», т. V, СПб 1888, стр. 654.

Но Ф. Ф. Ушаков ещё со времени ученья в Морском корпусе смотрел на службу в военном флоте как на служение родине. Командование же судном, на котором совершались праздные прогулки дворцовой знати по р. Неве и Финскому заливу, совершенно не соответствовало благородным стремлениям Ушакова.

Военный корабль с его строгим распорядком жизни, постоянным трудовым напряжением, упорной учёбой и боевым совершенствованием давно стал для Ушакова привычным и любимым миром. Обучение матросов и подчинённых офицеров, передача им своего опыта и знаний было излюбленным занятием Ушакова.

Вызолоченная, обитая бархатом и шелками императорская яхта, стоявшая у причала напротив Зимнего дворца, резко отличалась от боевого корабля.

Кроме того, от командира императорской яхты требовалось тонкое знание придворного этикета, совершенное умение угодливо держать себя среди пустых и надменных царедворцев. Всего этого не умел, да и не хотел делать Фёдор Фёдорович.

Он томился на яхте и всей душой рвался на любимый корабль, в море. Скоро кто-то из придворных иронически, но совершенно справедливо сказал по адресу Ушакова, что он «не к масти козырь, ибо презирал искательство и слишком любил добродетель».

Пробыв на царской яхте около двух месяцев, капитан-лейтенант Ушаков был отозван в Кронштадт и назначен командиром 64-пушечного корабля «Виктор», входившего в состав эскадры под командой контр-адмирала Сухотина, отправлявшейся весной 1781 г. в западноевропейские воды для «сохранения торгового нейтрального плавания».

Дело в том, что в 1775 г. началась вооружённая борьба североамериканских колоний с Англией за свою независимость. Используя затруднительное положение Англии, против неё выступили её давнишние морские соперники — Франция, Испания и Голландия, и в Западной Европе вспыхнула война.

Воюющие стороны, особенно Англия, под видом борьбы с военной контрабандой перехватывали торговые корабли нейтральных государств, объявляя их военными призами. Это очень мешало внешней торговле невоюющих государств.

В начале 1780 г. два русских корабля с товарами были захвачены испанцами и проданы в Кадиксе с торгов. Русское правительство приняло решительные меры к ограждению не только собственной торговли, но вообще торговых прав не участвующих в войне государств.

28 февраля 1780 г. Екатерина II провозгласила декларацию, разослав её всем европейским дворам, в которой изложила новые положения морского нейтралитета. В декларации объявлялась «свобода торговли и мореплавания... нейтральных народов... у берегов воюющих наций». Товары подданных воюющих стран, исключая военную контрабанду, провозглашались неприкосновенными.

Контрабандными товарами признавались лишь предметы специального военного назначения — оружие, амуниция и др., которые были подробно перечислены в десятой и одиннадцатой статьях торгового трактата России с Англией 1766 года.

Блокированными портами считались лишь те, входы которых непосредственно охранялись «расставленными вблизи кораблями... атакующей державы».

Нейтральные корабли, не имеющие контрабанды, не могли быть остановлены крейсерами воюющих держав. В случае же задержки их, дело разбиралось в третейском суде, потерпевшие получали возмещение убытков, а государство — «удовлетворение за обиду, учинённую флагу»¹. Это были новые нормы права морской войны, продиктованные Россией. До сих пор действовало средневековое право, по которому неприятельская собственность и на нейтральных кораблях подлежала захвату как военные трофеи.

К декларации присоединился ряд западноевропейских государств, с которыми Россия заключила специальные конвенции о вооружённой защите новых принципов торговли в военное время. Конвенции подписали Дания, Швеция, Голландия, Пруссия, Австрия, Португалия и королевства обеих Сицилий.

Североамериканские Соединённые Штаты, Франция и Испания фактически признали новые принципы, хотя формально и не подписывали соглашения.

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XV, д. 199, Сообщения кн. Потёмкину из Иностранной коллегии, лл. 4—5.

Так образовался союз, известный под названием «Вооружённый нейтралитет». Независимость американского народа в немалой степени обязана политике вооружённого нейтралитета, провозглашённого Екатериной II.

Одна лишь Англия, против которой декларация и была направлена, упорно не хотела признавать новых положений о торговле в военное время. Однако и она вынуждена была считаться с установлением новых международных норм права морской войны, защищаемых флотами мощного союза, возглавляемого Россией. Выступление России способствовало ухудшению её отношений с Англией.

25 мая 1781 г. эскадра Сухотина в составе 5 кораблей (в том числе корабля «Биктор») и двух фрегатов вышла из Кронштадта и ушла в западноевропейские воды. Она получила задание: «Защищать торговлю и плавание подданных своих от всякой обиды»¹.

Русский военно-морской флот, плавая в водах Западной Европы, в любую минуту должен был оружием поддерживать решительную международную политику своего правительства.

Конечным пунктом плавания эскадры назначался порт Ливорно. Эскадра Сухотина должна была вернуться обратно в этом же году. Сухотин, не заходя ни в какие порты, благополучно прибыл в Ливорно. Однако из-за неисправности некоторых кораблей и большого числа больных в экипажах эскадра вынуждена была зимовать в Ливорно и вернулась домой на следующий год в начале июля; таким образом в новом заграничном плавании Ф. Ф. Ушаков пробыл более года. Плавание проходило в сложной международной обстановке и в трудных атмосферно-климатических условиях.

1 января 1782 г. Ушаков был произведён в капитаны 2-го ранга. Возвратившись на родину он получил новое задание.

Адмиралтейств-коллегия решила произвести опыт плавания судов с металлической обшивкой вместо деревянной, которую быстро точили морские черви.

Для этой цели строились два фрегата. Один из них под названием «Проворный» обшивался «белым металлом», другой — «Св. Марк» — медью.

Летом 1782 г. было проведено опытное плавание фрегатов и выяснено, какая обшивка совершеннее и практичнее.

Для проведения такого ответственного плавания нужны были опытные, знающие командиры. По этому поводу в журнале Адмиралтейств-коллегии читаем: «Для сей пробы, дабы оную произвести надёжнее и с большой точностью, командировать на фрегат «Проворный» флота капитана 2-го ранга Фёдора Фёдоровича Ушакова»¹.

Как видим, Фёдор Фёдорович Ушаков считался знающим и надёжным офицером, которому можно было поручить такое важное дело.

Командиром фрегата «Св. Марк» был назначен капитан 1-го ранга Ханьков.

Испытание показало преимущества медной обшивки, и с 80-х годов XVIII в. русские корабли начали постепенно обшиваться медными листами вместо малопрактичной деревянной обшивки.

Семь с лишним лет пребывания Ушакова в Балтийском флоте с его «дальними вояжами» окончательно сформировали его как морского офицера, развили его недюжинные дарования и командирский талант.

Уезжая с новым назначением в Черноморский флот, Ушаков был уже зрелым, опытным и авторитетным морским офицером.

¹ «Материалы», ч. XII, стр. 719.

¹ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 35.

Глава четвёртая

Ф. Ф. УШАКОВ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. показала русскому правительству, что дальнейшая успешная политика на юге будет зависеть в значительной мере от наличия сильного флота на Чёрном море. Опыт показал, что для господства на Черноморском побережье одних сухопутных сил недостаточно. Поэтому царское правительство вплотную занялось строительством кораблей для Черноморского флота.

Несмотря на заключение Кучук-Кайнарджийского «вечного мира», Турция не хотела примириться со своим поражением, особенно с потерей Крыма.

Кроме старых верхнедонских верфей в Таврове, Павловске, Холёрске, были устроены верфи в устье Дона, Рогожских Хуторах, Гнилой Тоне и Таганроге. Но эти судостроительные пункты были слишком удалены от Чёрного моря. Нужно было создать новые базы флота на самом Черноморском побережье или недалеко от него.

В декабре 1775 г. Екатерина II приказала найти удобное место на Днепровском лимане в районе урочища Глубокая пристань для постройки там гавани на 20 военных морских судов. Рядом с гаванью предлагалось соорудить здания Адмиралтейства и не менее 15 эллингов для кораблестроения. Все сооружения указывалось разместить так, чтобы их можно было надёжно и удобно защищать.

В том же указе отмечалось, что из-за отдалённости от Петербурга новое Адмиралтейство будет трудно «без потери большого времени снабжать часто повелениями и наставлениями». Для устранения этого неудобства повелевалось «избрать одного члена Коллегии с особою доверенностью» и поручить ему руководство флотом на юге¹.

В 1777 г. контр-адмирал С. Б. Шубин, по поручению Коллегии изучая условия заготовки корабельного леса и сплава его по Днепру через пороги, указал удобное место для строительства Адмиралтейства.

Предложение С. Б. Шубина было принято новороссийским генерал-губернатором Г. А. Потёмкиным и утверждено Екатериной II. 18 июня 1778 г. в устье Днепра на правом берегу, недалеко от Александровского шанца, было начато строительство зданий Адмиралтейства, верфей и заложен город, названный Херсоном.

Строительством руководил бывший начальник артиллерии Архипелагской экспедиции Иван Абрамович Ганнибал. За ходом работ наблюдал Потёмкин. Он хорошо понимал, что успехи этого строительства решали многие проблемы южной политики.

26 мая 1779 г. на Херсонской верфи был заложен первый линейный корабль Черноморского флота, названный «Слава Екатерины». Вскоре началась постройка ещё нескольких кораблей и фрегатов. Развернулись работы и по устройству порта.

Для охраны херсонского строительства и несения службы связи туда были переведены из Азовской флотилии 7 военных судов.

Широкое кораблестроительство проводилось и на севере России. Например, в 1782 г. в Петербурге и Кронштадте строилось три 100-пушечных корабля и один 66-пушечный, в Архангельске — пять линейных кораблей и два фрегата, в Казани — два фрегата для Каспийского моря.

При таком размахе корабельного строительства недостаток в строительных рабочих чувствовался повсеместно.

Тем не менее Адмиралтейств-коллегия, учитывая первостепенную важность создания Черноморского флота, удовлетворяла просьбы Ганнибала и посылала в Херсон

¹ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 42.

«сколько самая нужда уделить позволяет мастеров, которые у него надобными почитаются»¹.

В начале 1783 г. из Петербурга в Херсон прибыло 700 вольнонаёмных плотников. Из Казани ожидалось ещё 300 рекрутов². Кроме того, всё время подходили местные вольнонаёмные рабочие.

Напряжённое положение на Чёрном море заставляло очень спешить с постройкой кораблей.

Рост русского влияния в Крыму очень беспокоил турецкое правительство. Крымский хан Шагин-Гирей был ставленником России и выполнял все её требования. Турция напрягала все силы, чтобы поднять татар против России, и шла на прямое нарушение Кучук-Кайнарджийского договора.

В 1778 г. султан выслал к Крымскому полуострову эскадру из 15 кораблей и большого количества мелких вспомогательных судов. Турецкий флот имел задание поднять восстание татар против русских и поддержать их высадкой десанта и действиями с моря.

Азовской флотилией в это время командовал контр-адмирал Федот Алексеевич Клокачёв, один из героев Чесмы, сменивший летом 1776 г. А. Н. Сенявина.

При приближении турецкого флота Азовская флотилия прочно закрыла проход в Азовское море и зорко следила за поведением турок.

А. В. Суворов, командовавший войсками в Крыму, приказал построить батареи на берегу Ахтиарской бухты³ и вдоль побережья до Евпатории. Турецкий флот, занявший было эту бухту, вынужден был оставить её.

В 1782 г. турецкие войска переправились через р. Кубань, установленную договором границу, и захватили полуостров и город Тамань.

В это время крымские татары восстали, и хану Шагин-Гирею пришлось бежать в Керчь под защиту русских войск.

Русские войска энергичными действиями принудили турок очистить правый берег р. Кубани и освободили

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 4.

² Там же, стр. 3.

³ Ахтиарской бухта была названа по имени небольшой татарской деревушки, стоявшей на берегу. А х т и а р — по-татарски — белая или меловая гора. Позже бухта названа Севастопольской.

Тамань. А. В. Суворов усмирил буджакских и нагайских татар.

Осенью 1782 г. турецкий флот сделал попытку высадить десант у Кинбурнской косы, но Суворов успел укрепить берег батареями, и турки вынуждены были удалиться.

Ещё в 1778 г. Потёмкин предлагал Екатерине II присоединить Крым к России и «свести сию бородавку с носу». Но лишь в 1783 г. присоединение Крыма стало фактом.

В апреле 1783 г. крымский хан Шагин-Гирей сложил с себя ханство, и Екатерина II манифестом от 8 апреля объявила, что «Крымский полуостров, остров Тамань и вся Кубанская сторона приняты под российскую державу»¹.

Такой решительный акт вызвал противодействие многих западных держав, но помешать России они не смогли. Правда, французский министр иностранных дел Верженн направил ноты ко всем европейским державам, стараясь их запугать русской экспансией на юге.

«Крым, — писал Верженн, — лишь первая станция русских на пути к Босфору, и поэтому должно отстоять его, а, в крайнем случае, хотя не допускать русского военного флота в Чёрное море»².

Однако призывы Верженна не имели успеха. Екатерина II учитывала, что вряд ли кто из союзников султана в данный момент сможет выступить ему на помощь.

«Отовсюду слышу, что турки сильно вооружаются, — писала она Потёмкину в конце июня 1783 г., — но друзья их удержат от войны до времени»³.

Как только было объявлено о присоединении Крыма к России, командующий Азовской флотилией вице-адмирал Клокачёв поспешил занять Севастопольскую бухту — лучшее место для устройства военно-морской базы.

На эту бухту, как превосходную гавань для морского флота, было обращено внимание ещё в 1773 г. По поручению Сенявина штурман Иван Батурин составил карту бухты, тщательно обозначив промеры глубин и окрест-

¹ С. Жигарёв, Русская политика в восточном вопросе, т. I, М. 1896, стр. 217.

² Т. Юзефович, Договоры России с Востоком, СПб 1869, стр. 122.

³ «Переписка Екатерины II с Потёмкиным», «Русская старина», 1876, кн. 7, стр. 242.

ностей. И. Батурин был первым европейским топографом, нанёсшим на карту Севастопольскую бухту и окружающую местность.

Готовясь к занятию Севастопольской бухты, Клокачёв послал с фрегатом «Осторожный» капитана 2-го ранга Берсенёва для осмотра и выверки промеров глубины бухты. Получив от Берсенёва донесение, Клокачёв 26 апреля 1783 г. с 10 судами покинул Керченский порт и 3 мая вошёл в Севастопольскую бухту. Здесь он застал два русских фрегата, посланных сюда из Херсона ещё в 1782 г.

Севастопольская бухта и её берега произвели на Клокачёва очень благоприятное впечатление. «Подобной ещё гавани не видал, — писал он генерал-майору Кослицеву, — и в Европе действительно таковой хорошей нет; вход в сию гавань самый лучший, натура сама разделила бухту на разные гавани, т. е. военную и купеческую; довольная в каждом лимане глубина, положение ж берегового места хорошее и надёжно к здоровью, словом сказать, лучше нельзя найти к содержанию флота место»¹.

Здесь решено было устроить военно-морскую базу Черноморского флота. Строительство порта, адмиралтейства, казарм и магазинов для корабельного такелажа, провианта и других сооружений Клокачёв поручил только что произведённому в контр-адмиралы Мекензи. А сам, будучи назначенным командующим «заводным флотом на Чёрном и Азовском морях», 8 мая отправился в Херсон, где продолжалось строительство кораблей.

Однако корабельное строительство в Херсоне шло медленно и плохо. Капитаном порта был капитан 1-го ранга И. Овцын, допустивший полную бесхозяйственность и расхищение казённых денег. При нём, по словам Клокачёва, никто «ни приходного, ни расходного счёту» не знал и «охотники не пропустили случая в мутной воде рыбу ловить»².

Потёмкин был недоволен таким положением, и Ганнибала отозвали в Петербург. На его место был назначен вице-адмирал Клокачёв, который деятельно приступил к устранению недостатков в строительстве кораблей и порта.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 7.

² Там же, стр. 10, 17.

По приказу Адмиралтейств-коллегии в Херсон и Севастополь направлялись плотники и рабочие разных специальностей. Увеличилась доставка леса по рекам из Белоруссии, Польши и Воронежа. Из сибирских заводов присылалось железо.

В середине лета 1783 г. из Балтийского флота в Херсон было направлено 3878 моряков для укомплектования экипажами семи строящихся кораблей. Среди большой группы офицеров находился и Ф. Ф. Ушаков.

Прибывшие балтийские моряки застали корабли ещё на стапелях в разных стадиях строительства. Отряд был разделён на семь команд, каждая команда получила определённый корабль и стала его достраивать.

Ф. Ф. Ушаков получил для достройки корабль № 4 (впоследствии названный «Св. Павел»). Со свойственной ему энергией Ушаков приступил к делу.

Однако обстоятельства сильно затормозили работы, а затем на некоторое время они и вовсе были прекращены.

В городе началась эпидемия чумы, занесённая сюда турецким судном.

По свидетельству офицера из команды Ф. Ф. Ушакова, Ивана Андреевича Полномочного, лично пережившего чуму в Херсоне и оставившего свои «Записки», известно, что в Херсонский порт «судов иностранных приходило разных много, по Днепру стояли». Это были торговые суда, привозившие различные съестные припасы, фрукты, вина и т. п. И. А. Полномочный отмечает, что никаких «карантинных не было и пропускали суда просто» и «турецкие суда нам привезли зло и заразу»¹.

На протяжении десятилетия чума дважды появлялась в пределах России. Занесённая в Москву в 1771 г., она произвела там страшные опустошения и вызвала панический ужас по всей стране. В связи с эпидемией и произволом местных властей в Москве возникло в том же году восстание, подавленное лишь при помощи гвардейских полков, присланных из Петербурга.

В 1782 г. чума вспыхнула в Тамани. Летом следующего года эта страшная эпидемия перебросилась в Таганрог и поразила строителей Херсона.

¹ Из записок офицера Черноморского флота Ивана Андреевича Полномочного (1764—1833). «Род мой и происхождение», «Записки Одесского общества истории и древностей» (ООИД), т. XV, Одесса, 1889, стр. 692.

В Херсоне чума распространялась постепенно. Первые признаки её обнаружили в конце мая, а в начале октября эпидемия приняла такие размеры, что заставила Клокачёва прекратить работы и вывести из казармы войска и мастеровых в степь.

За пять месяцев, т. е. с 1 мая по 1 октября 1783 г., по ведомости «о числе умерших заразою» установлено, что в Херсоне умерло «служителей» 385 человек¹ (военных и адмиралтейских мастеровых). Число же умерших вольнонаёмных рабочих и гражданского населения было много больше.

По словам Полномочного, «служителей и вольнонаёмного народу половина только разве осталось»². Несколько позже считали, что чума в одном только Херсоне унесла более 10 тыс. человеческих жизней³.

В Азовской флотилии за указанный период умерло 137 человек.

Не миновала чума и Севастопольскую бухту. За двадцать дней сентября здесь умерло от «заразы» 39 человек⁴.

Появление эпидемии чумы вызвало большую тревогу и в Петербурге.

13 июня 1783 г. Екатерина II писала Потёмкину: «Дай мне знать о продолжении, или утушении, или пресечении язвы; сия меня страшит, опасаясь всё, чтоб не прокрадась паки... внутрь России»⁵.

Международная обстановка после присоединения Крыма была крайне напряжённой. Чума беспокоила правительство ещё и потому, что Англия, Франция, Пруссия и другие государства толкали Турцию на войну с Россией. Война могла начаться в любой день.

«Теперь ожидаю с часу на час объявления войны по интригам французов и прусаков», — сообщала Екатерина II Потёмкину в сентябре 1783 г.⁶

В октябре в Херсоне все силы были брошены на борьбу с чумой. В то время полагали, что чумная зараза носится

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 22.

² ООИД, т. XV, стр. 692.

³ «Материалы», ч. XVI, стр. 95.

⁴ Там же, ч. XV, стр. 22.

⁵ «Переписка Екатерины II с Потёмкиным», «Русская старина», 1876, кн. V, стр. 44.

⁶ Там же, стр. 53.

А. В. Суворов.

в воздухе и через него главным образом происходит заражение. О том, что страшная болезнь разносится благодаря соприкосновению с больными, их одеждой, предметами обихода, лишь смутно догадывались. Поэтому профилактические средства борьбы с эпидемией были односторонними и мало эффективными. Старались истребить источник болезни преимущественно в воздухе. Для этого на улицах, во дворах и вообще там, где были люди, зажигались костры, люди обливали себя уксусом, а в рот клали чеснок.

Командирам строительных команд вице-адмирал Клокачев приказал «употребить всё крайнее старание и расторопность в прекращении между служителями болезни».

Фёдор Фёдорович Ушаков энергично принялся бороться с болезнью в своей команде. Он проявил большую находчивость, глубокое понимание своих обязанностей и компетентность в этом, казалось бы, специальном вопросе.

В степи Фёдор Фёдорович разбил команду строителей корабля № 4 на отделения, «артели», и принялся за устройство лагеря. Каждая артель в назначенном месте выстроила себе камышовые палатки. Недалеко от них были вырыты небольшие землянки, а по обе стороны лагеря поставлены козлы для развешивания и проветривания одежды. Для изоляции заболевших в стороне от лагеря разбили несколько палаток.

Далеко за лагерем были вырыты землянки, в которых организовали больницу. Ещё дальше в степи построили карантин, где размещались выздоравливающие.

До занятия палаток все матросы и их имущество были окурены, одежда проветрена и выстирана в реке.

Перед каждой палаткой постоянно горели костры и стояли кадки с уксусом. Каждое утро и вечер матросы окуривались и обмывались уксусом. Постели ежедневно проветривались и тщательно чистились.

Общение между палатками и командами других кораблей было категорически запрещено.

Для доставки продуктов, воды и выполнения других работ по лагерю выделялись специальные дежурные, выполнявшие поручения под присмотром офицера. Офицеры обязывались строго следить, чтобы никто из рабочей группы не общался с кем-либо из посторонних, не приобретал вещей и т. п. При встречах матросы должны были

отворачиваться друг от друга и как можно скорее уходить.

Если в артели появлялся больной, то его немедленно отправляли в палатку, стоящую вне лагеря, а его товарищи переселялись в землянки, окружавшие палатку. Здесь они находились до выяснения характера болезни. Если больным оказывался заражённым чумой, то он немедленно отсылался в больницу, а его вещи, палатка, где он лежал, и общая палатка артели сжигались. А члены артели тотчас выводились за лагерь и подвергались санитарной обработке.

Благодаря точному выполнению тщательно продуманной системы противочумных мероприятий скоро в команде корабля № 4 чума исчезла.

За строгим выполнением установленного режима Ф. Ф. Ушаков внимательно следил сам. Все переводы больных, выздоравливающих и подозрительных происходили под его непосредственным контролем. Он наблюдал и за работой врачей и за аккуратным выполнением их указаний.

В самые трудные два месяца, когда вокруг свирепствовала чума, в команде Ушакова не было ни одного случая заболевания. Отдельные вспышки, появившиеся с возобновлением работ, были быстро ликвидированы. С 4 ноября 1783 г. в команде Ф. Ф. Ушакова чума больше не появлялась.

С наступлением зимних холодов и некоторого спада эпидемии решено было вернуть матросов и мастеровых в казармы. 9 ноября 1783 г. жившие в степи кораблестроители вернулись на зимние квартиры.

Борьба с чумой в казарменном расположении при большой тесноте и массовом выходе на работу значительно затруднялась.

Но Фёдор Фёдорович Ушаков и в условиях казармы применил свою оригинальную систему.

После отправления своей команды в степь Ф. Ф. Ушаков приказал произвести тщательную дезинфекцию казармы. Это разумное профилактическое мероприятие говорит о дальновидности Ушакова.

Он перегородил камышовым забором двор, прилегающий к той части казармы, где располагались его люди. Таким образом команда Ф. Ф. Ушакова была изолирована от бытового общения с другими командами.

В своей части двора люди Ушакова устроили вспомогательные помещения наподобие степного лагеря. Они вырыли маленькие землянки, куда помещали только что заболевших, и соорудили три большие тёплые землянки. В одной находились больные, оставленные для лечения в команде, в двух остальных размещались выздоравливающие, вернувшиеся из госпиталя и портового главного карантина.

У самой казармы была построена ещё одна тёплая землянка с тремя помещениями. В одном помещении изолировались заразные больные, в другом производились окуливание одежды матросов и санитарная обработка вернувшихся из карантина; в третьем помещении размещались матросы, бывшие на работах и общавшиеся с другими командами.

В отдалённой части двора на поставленных козлах просушивались и проветривались постели, одежда и другие предметы домашнего обихода.

На работу команда выходила в сопровождении офицера, который подавал Ушакову письменный рапорт с точным указанием, где, когда и какие производились работы.

Фёдор Фёдорович попрежнему строго следил за выполнением всех установленных им правил по борьбе с чумой и добился изумительных результатов: люди Ушакова и в казарменных условиях не болели чумой. В других же командах чума косила судостроителей вплоть до середины лета 1784 г.

В конце апреля 1784 г. Екатерина II с тревогой писала Потёмкину:

«Пронёсся слух по здешнему народу, будто язва в Херсоне попрежнему свирепствует и будто пожрала большую часть адмиралтейских работников. Сделай милость... примись сильной рукой за истребление Херсонской язвы»¹.

Самоотверженная борьба Ушакова с чумой снискала ему среди херсонских кораблестроителей исключительный авторитет, а у матросов глубокую любовь и привязанность. Фёдор Фёдорович проявил к простому матросу, солдату и мастеровому максимум человеческой заботы и внимания. Среди бушующей эпидемии Ушаков держался, как настоящий мужественный командир.

¹ «Русская старина», 1876, кн. V, стр. 53.

Как прекрасный офицер, он понимал, что в минуту опасности очень многое зависит от командира. В его твёрдости и умении подчинить своей воле людей, растерявшихся перед грозной стихией, было спасение от гибели. Побеждает лишь сильный духом. Это Ушаков знал по опыту.

Самоотверженный и неустанный труд Ушакова был замечен и оценён как непосредственным, так и высшим начальством.

Командующий флотскими и адмиралтейскими командами и командир порта капитан 1-го ранга Муромцев объявил в приказе «искреннюю благодарность и похвалу» Ф. Ф. Ушакову за самоотверженный труд по борьбе с чумой и доложил в рапорте вице-адмиралу Сухотину, назначенному командующим Черноморским флотом вместо умершего Клокачёва. Сухотин написал в Петербург, и Адмиралтейств-коллегия в своём именном указе выразила Ушакову «особливое своё удовольствие», как «отличавшемуся неусыпными трудами, попечением и добрым распоряжением», благодаря чему «гораздо скорее успел отвратить опасную болезнь, так что она с 4 ноября больше не показывалась...»¹.

По представлению Коллегии «за отличный подвиг» по борьбе с чумой Ф. Ф. Ушаков был награждён орденом св. Владимира 4-й степени.

1 января 1784 г. Ф. Ф. Ушаков был произведён в капитаны 1-го ранга.

Строительство кораблей на херсонских верфях, прекращённое на некоторое время в связи с чумой, продолжалось.

Уже в 1783 г. со стапелей Херсонской верфи сошёл первый 66-пушечный корабль «Слава Екатерины» и 50-пушечный фрегат «Георгий Победоносец». Командиром корабля был назначен капитан 1-го ранга Марко Иванович Войнович.

Два месяца пришлось потратить на проводку большого линейного корабля через мелководный фарватер Днепра и лимана. В конце августа 1784 г. корабль «Слава Екатерины» под охраной фрегата «Херсон» появился на виду турецкой крепости Очаков.

¹ В. Ильинский, К биографии адм. Ушакова. «Борьба с чумой в Херсоне», «Морской сборник», 1914, № 4, стр. 14—15.

«Прибытие корабля к Очакову турков весьма потревожило», — сообщал в Петербург вице-адмирал Сухотин¹.

Конечно, турки знали о строительстве судов в Херсоне, но они не допускали, что на речных верфях можно построить, а главное провести в море первоклассный линейный корабль. «Не мало ж тому удивлялись, — писал Сухотин, — как такую машину через мелководье перетащили, и что они никак сего не ожидали, чтоб можно было то сделать»².

Скоро вокруг корабля «Слава Екатерины» и фрегата «Св. Георгий» образовалась небольшая эскадра, которая под командованием Войновича, покрестировав на виду Очакова, отправилась в Севастополь.

В 1784 г. был спущен на воду ещё 66-пушечный корабль «Св. Павел», командование на нём принял Ф. Ф. Ушаков.

Корабль «Св. Павел» был проведён в лиман и летом 1785 г. на рейде Кинбурна вооружался и оснащался такелажем.

В августе 1785 г. главное начальство над Черноморским и Азовским флотами с адмиралтействами и портами было передано Потёмкину. В этом же году были утверждены морские штаты Черноморского флота и учреждено в Херсоне Адмиралтейское правление с выделением его из подчинения Адмиралтейств-коллегии и передачей в полное ведение Потёмкину.

По штатам в Черноморском флоте полагалось иметь двенадцать линейных кораблей, из них два 80-пушечных и десять 66-пушечных; двадцать фрегатов (от 50- до 22-пушечных); двадцать три торговых транспортных судна. Экипажи должны были состоять из 13 500 матросов, канониров и морских солдат³.

Вступив в главное командование над флотом, Потёмкин в первую очередь начал подбирать способных людей для заведования отдельными частями флота.

В ноябре 1785 г. во главе Черноморского адмиралтейского правления он поставил капитана 1-го ранга Николая Семёновича Мордвинова. Он же был назначен командиром Херсонского порта.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 29.

² Там же, стр. 30.

³ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 46.

50-пушечный фрегат русского Черноморского флота.

Командиром Севастопольского порта был назначен контр-адмирал Мекензи, а Таганрогского — капитан 1-го ранга П. Пустошкин.

Организация флота и боевая подготовка личного состава были поручены Ф. Ф. Ушакову совместно с М. Войновичем.

Кандидатура Ушакова на этот пост была исключительно удачной. Ушаков отлично знал морское дело, имел безупречную репутацию опытного командира с большим теоретическим и практическим кругозором.

Строгий и взыскательный к себе, Ушаков требовал от своих подчинённых соблюдения строгой дисциплины, без которой, говорил он, «обойтись никак нельзя и никакой пользы в делах быть не может».

Однако под дисциплиной он понимал не бессмысленную муштру и вытягивание перед начальством, а отличное знание своего дела, честное исполнение воинского долга.

Строго взыскивая с нерадивых офицеров и матросов, Фёдор Фёдорович никогда не прибегал к грубым, бесчеловечным и унижительным наказаниям провинившихся. Мордобоя, «кошки», «линьки», розог — обычных средств воспитания матросов и солдат — Ушаков не допускал.

Нужно сказать к чести Потёмкина, — он требовал от командиров, чтобы они проявляли заботу о матросах и солдатах и избегали избивания их.

Впоследствии при назначении Ушакова командующим Черноморским флотом Потёмкин писал: «Препоручаю наблюдать в подчинённых строгую субординацию и дисциплину военную, отдавать справедливость достоинствам, и не потакать нерадивым; старайтесь о содержании команды, подавая все возможные выгоды людям и удаляться от жестоких побоев»¹.

Организовать боевые эскадры из разнообразного типа судов было нелёгким делом. В это время в Черноморском флоте находилось только три линейных корабля херсонской постройки и два больших фрегата. Остальные суда были плоскодонными, небольшими, плохо приспособленными к плаванию в открытом море. Было здесь около тридцати греческих судов, бывших корсаров Средиземного моря, служивших России во время Архипелагской экспедиции.

После заключения мира владельцы этих судов прибыли в Чёрное море и поступили на службу в Черноморский флот, а их суда были приобретены русским правительством.

Часто целые команды греков переходили на службу в русский флот. Их как знатоков моря охотно брали во флот. Присланных из Балтийского флота опытных матросов было очень мало. Приходилось комплектовать экипажи военных кораблей рекрутами или солдатами, как правило, никогда не бывшими на море.

Много нужно было затратить сил и энергии, чтобы из этой пёстрой массы людей сделать настоящих боевых матросов, а из различного класса и типа судов соста-

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 289.

вить боевые эскадры. Эта сложная и ответственная работа и была поручена Ушакову.

Ушаков твёрдо был убеждён, что сила боевого корабля заключается в высокой степени боевой подготовки его команды.

Поэтому систематическое обучение и повседневная тренировка личного состава флота были для него обязательным правилом.

«Рекомендую командующим, — писал он в одном из своих позднейших приказов, — приучать служителей к скорым беганьям по снастям при креплении или отдаче парусов, так же и для моциону через салинг»¹.

Отдачу и прибавку парусов приказать делать с отменной скоростью, поднимать и опускать их, осаживать шхоты и галсы за один раз, и сие повторять многократно, до тех пор пока люди совершенно приучены будут; всякое такое дело исполнять разом словом *сказать* мгновенно, а не промедлительно...»².

Ушаков требовал от офицеров, чтобы они проводили с матросами постоянные практические занятия, «дабы приучить людей к скорому и красивому управлению каждого дела».

Учёба должна была проводиться как во время стоянок на рейде, так и в походах:

«Много есть между ходом или при оном, — говорил Ушаков, — свободного времени» для занятий с командой.

Эти обязанности офицеры должны были «исполнять сами собою, не ожидая сигналов или позволения»³.

Обучение команд Ушаков начал осенью 1785 г., когда прибыл со своим кораблём «Св. Павел» в Севастополь. В бухте стоял уже корабль «Слава Екатерины». Севастопольский порт только что отстраивался. На берегу бухты были выстроены некоторые портовые здания и жилые помещения для офицеров и матросов.

Ф. Ф. Ушаков пришвартовал свой корабль к небольшому пустынному выступу в Корабельной бухте, который затем получил название «Павловский мысок»⁴.

¹ С а л и н г — рама, надеваемая на мачту для укрепления стеньги. Стеньга — вертикальный брус, продолжающий первую мачту.

² «Материалы», ч. XV, стр. 468.

³ Там же.

⁴ ООИД, т. XV, стр. 693.

Команда сошла на берег. Осмотрелась. Вокруг расстилался дремучий лес, спускавшийся до самой бухты.

На этой земле предстояло начать подготовку к зимовке. В первую очередь нужно было сделать пристань для разгрузки корабля.

«Ушаков сам за мастера, — пишет в своих «Записках» Полномочный, — офицеры за урядников, унтеры всех званий и рядовые употреблялись в работе; кто с носилками камень носит и землю, другие колья бьют, пашиником застилают и засыпают...»¹.

Всеми работами руководил лично Ушаков. Он был проектировщиком и руководителем работ одновременно.

Расчистив площадку пристани, сделали из старых парусов большую палатку и сложили в неё снятый с корабля такелаж. Остальные корабельные принадлежности «поклали на пристани порядочно и закрыли».

Осень и зима наступили быстро. Усилились холода, а жилых помещений построить не успели. Пришлось превратить корабль в жильё. Ушакову сделали в каюте камелёк с выведенной на ют трубой. Так на корабле и зимовала вся команда со своим командиром.

Работы по устройству пристани не прекращались и зимой. Матросы и канониры ломали камень и доставляли его на место постройки казарм, магазинов и других портовых сооружений.

Между тяжёлыми работами на берегу Ушаков проводил занятия по изучению петровского морского устава, рассказывал о своём боевом опыте и морских плаваниях.

Эти беседы сплачивали и воспитывали экипаж.

Так, в труде и ученье прошла зима. Наступила весна. Корабли не выходили в море. Всё лето флотские экипажи были заняты на строительстве Севастопольского порта и города. За лето команда Ушакова построила себе каменную казарму и несколько каменных магазинов для укладки корабельного имущества.

Строительство Севастополя заметно выросло за этот год. Всё многолюднее и оживлённее становилась новая черноморская военно-морская база.

В январе 1786 г. умер командир Севастопольского порта Мекензи.

¹ ООИД, т. XV, стр. 693.

На его место был назначен бездарный, завистливый и трусливый капитан 1-го ранга граф Марко Войнович, произведённый в следующем году в контр-адмиралы. Он презирал матросов и никогда не заботился о них.

Летом 1786 г. в Севастополь прибыл из Херсона ещё новый 66-пушечный корабль «Мария Магдалина» и 50-пушечный фрегат «Св. Андрей».

Таким образом, на севастопольском рейде величественно возвышались три линейных корабля и два больших фрегата херсонской стройки.

Кроме этих первоклассных кораблей, в Севастополе находились и двенадцать 40- и 32-пушечных фрегатов, прибывших из Таганрога, бомбардирский корабль, имевший десять пушек, две мортиры и две гаубицы и четырнадцать разных вспомогательных военных судов. Всего двадцать семь судов. На кораблях и фрегатах имелось до 826 пушек¹. Это была уже довольно солидная эскадра. Правда, многие из фрегатов и мелких судов требовали капитального ремонта.

В тяжёлом труде прошла и вторая зима. С наступлением весны 1787 г. Севастопольский флот вытянулся на внешний рейд. Он был разделён на две эскадры. Первой эскадрой командовал Войнович, вторая находилась под начальством Ф. Ф. Ушакова. Флагманом флота считался Войнович.

На эскадре Ушакова шла упорная учёба матросов по креплению, отдаче и прибавке парусов, смене условно вышедшего из строя такелажа и парусов, упражнения в перемене галсов. Канониры упражнялись в точной наводке пушек по цели, сноровистой подаче зарядных картузов, ядер и т. п.

В мае 1787 г. Екатерина II в окружении многочисленной свиты и в сопровождении союзника, австрийского императора Иосифа II, французского и английского послов прибыла в Новороссию и Тавриду.

Это было политическое демонстративное путешествие. Екатерина и Потёмкин хотели подчеркнуть, что Россия серьёзно закрепляется на побережье Чёрного моря и никому не позволит мешать ей в этом.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 35—38.

В Херсоне Екатерина II и её иностранные гости наблюдали за спуском трёх многопушечных линейных кораблей и одного большого фрегата¹.

Спуск больших морских военных кораблей на речной верфи, широкое строительство других судов в новом городе, выросшем в степи, произвели на иностранцев большое впечатление, как и смотр Черноморского флота.

Здесь было показано нападение бомбардирского корабля «Страшный» на деревянную крепость, специально построенную для этой цели на северном берегу рейда.

Бомбардировка прошла удачно, крепость была сожжена брандсугелями.

Екатерина осталась довольна виденным и произвела повышения в чинах.

Мордвинов и Войнович были произведены в контр-адмиралы, а Ф. Ф. Ушаков — в капитаны бригадирского ранга.

Быстрое создание Черноморского флота говорило о прочном закреплении России на юге. Это сильно беспокоило Турцию и её союзников, всё время подогревавших реваншистские настроения турок.

Посещение Крыма Екатериной II было истолковано в Константинополе как вызов, и раздражение достигло высшего предела. Однако война для России была преждевременной. Потёмкин писал Екатерине II: «Весьма нужно протянуть два года, а то война прервёт построение флота»².

Тем не менее международная обстановка не позволила завершить в мирных условиях постройку флота.

¹ 80-пушечный корабль «Рождество Христово», 80-пушечный «Иосиф Второй» и 66-пушечный «Св. Владимир», 50-пушечный фрегат «Александр Невский».

² «Русская старина», 1876, кн. VII, стр. 242.

Глава пятая

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1787—1791 гг. НАЧАЛО БОЕВОЙ СЛАВЫ Ф. Ф. УШАКОВА

1. Начало войны

Турция никак не хотела примириться с потерей Крыма и укреплением России на Чёрном море. Реваншистские стремления турецкого правительства постоянно поддерживались западноевропейской дипломатией. На этот раз особенно активно помогали Порте Англия и Пруссия.

Англия, ставшая огромной колониальной державой, стремилась укрепить своё возросшее влияние на Ближнем Востоке, чтобы надёжно обеспечить подступы к Индии.

Но закрепление России на Черноморском побережье, успехи её в налаживании средиземноморской торговли, активная политика в Закавказье и на Балканах — всё это мешало внедрению английского капитала в турецкие владения и ставило под удар ближневосточные коммуникации с Индией.

Поэтому английское правительство поставило своей главной задачей приостановить продвижение России на юг, ликвидировать угрозу своим колониальным интересам на Востоке.

С этой целью английский премьер Питт Младший начал сколачивать в Западной Европе союзы против России. Главным партнёром англичан становилась Пруссия.

Она также не была заинтересована в росте политического и экономического могущества Российской империи и её союзницы Австрии. С Австрией Пруссия вела ожесточённую борьбу за главенство среди многочисленных германских княжеств.

Неприязнь Пруссии к России усиливалась ещё и тем, что она сдерживала непомерные аппетиты прусских юнкеров к расширению королевства за счёт чужих земель, особенно польских.

В 80-х годах XVIII в. международный авторитет России сильно вырос. Русская дипломатия всё настойчивее вмешивалась в западноевропейские дела и нередко диктовала свою волю другим государствам. Например, во время войны между Пруссией и Австрией за так называемое «баварское наследство» Екатерина II выступила посредницей и потребовала от Австрии «вполне удовлетворить требования немецких князей». Тешенский мир 1779 г., закончивший войну, был заключён по воле русских дипломатов. Россия стала гарантом государственного устройства Германской империи. Многочисленные немецкие княжества зависели от немецкого отделения Коллегии иностранных дел России.

Декларация о морском вооружённом нейтралитете, установившая новые международные нормы права для плавания судов во время войны, была дипломатическим триумфом России.

С 1780 г. началось австро-русское сближение, закончившееся в следующем году подписанием союзного военно-наступательного договора против Турции. Возник в России так называемый «греческий проект», по которому Турция изгонялась из Балкан и на её месте предполагалось восстановить Византийскую империю и создать отдельное государство Дакию.

Вполне естественно, что Англия начала ожесточённую борьбу с Россией за первенство и в европейских делах.

Средством для достижения цели английские дипломаты избрали войну Турции с Россией.

Английский посол Энсли и прусский посланник Дид развили кипучую провокационную деятельность в Константинополе против России, особенно летом 1787 г.

Русский посланник при Порте Я. И. Булгаков сообщал в Петербург, что «визирь, слушая вздорные внуше-

ния английского, прусского, шведского, да может быть, и других ещё министров, принимает оные за наличные деньги и основывает на них надежду на получение от дворов их помочи»¹.

Антирусская деятельность в Константинополе приняла такой открыто враждебный характер, что вице-канцлер И. А. Остерман вынужден был сделать по этому поводу официальное представление английскому посланнику в Петербурге.

«Не мы одни, — писала Екатерина II Потёмкину в начале ноября 1787 г., — но и вся Европа уверена, что посол английский и посланник прусский Порту склонили на объявление войны. Теперь оба сии двора от сего поступка отпираются»².

Франция продолжала свою давнишнюю враждебную России линию.

«Я знаю точно, — писал Потёмкин Екатерине II в августе 1783 г., — что французы манят Порту помочь им недопущением флота нашего в Архипелаг и ссудою офицерами»³.

Такие враждебные действия против России сделали своё дело.

5 августа 1787 г. турецкое правительство предъявило русскому послу Булгакову ультимативное требование: вернуть Крым, согласиться на уничтожение всех существующих трактатов и приступить к заключению новых. Булгаков категорически отверг такое требование и был с сотрудниками посольства брошен в подземелье Семибашенного замка. Это означало объявление войны. Русскому правительству не удалось оттянуть войну на два-три года, строительство Черноморского флота осталось незаконченным.

Ушаков понимал, что Черноморскому флоту с кораблями, построенными наспех из сырого дерева, тяжёлыми и неповоротливыми в ходу, будет трудно состязаться с сильным и упорным противником.

Зная это, он искал способы, как победить сильного противника малыми силами. В его одарённой голове зрели новые тактические приёмы боя, основанные на ма-

¹ ЦГАДА, Константинополь, Rapports en Cour, 1787, д. 692, л. 3.

² «Русская старина», 1876, кн. VI, стр. 259.

³ Там же, стр. 242—243.

невренности боевого порядка во время сражения. Его не удовлетворяла устаревшая, негодная уже морская тактика, господствовавшая во всех флотах Западной Европы.

В конце XVII в. француз Павел Гост в своей книге «Искусство военных флотов»¹ изложил основные тактические принципы морского боя. Гост требовал соблюдения точно установленных походных и боевых порядков, вступления в бой только с положения на ветре и строгого соблюдения каждым кораблём своего места в строю. Для времени, когда флоты не имели правил ведения боя и действовали беспорядочными массами кораблей, тактические принципы Госта имели положительное значение.

В XVIII в. эта тактика господствовала во всех флотах и была превращена в догму, что надолго затормозило развитие морского тактического искусства. Морские уставы и наставления требовали атаки всей линией неприятеля в строгом строю. Каждый корабль должен был вступать в единоборство с кораблём противника. Если же противник численно превосходил, то следовало уклоняться от боя. Без специального приказа командира кораблей под страхом смерти не имели права выходить из боевой линии для оказания помощи соседу. Эта тактика, доведённая до абсурда, уничтожала инициативу отдельных командиров, делала сражение нерешительным.

В сухопутных армиях также царила линейная тактика. Муштра и шагистика были единственной программой в подготовке солдата. Сражение выигрывалось лишь численностью войск. Проявлять инициативу офицерам и солдатам не разрешалось.

В России первыми решительно выступили против линейной тактики в армии А. В. Суворов, а во флоте Ф. Ф. Ушаков. Эти два великих современника создали новые тактические формы маневренного боя, применяя которые, они не знали поражений.

Условиями такого боя, по мнению Ушакова, должны быть высокая военная культура командиров, хорошая боевая выучка экипажей, смелость и решительность на-

¹ Книга П. Госта была переведена в России в 1764 г. И. Л. Голенищевым-Кутузовым.

Флагманский 84-пушечный корабль адмирала Ушакова.

падения, превосходное знание слабых и сильных сторон противника и правильный учёт условий боевой обстановки. Но эти качества можно эффективно использовать лишь при искусном манёвре и умелом выборе направления решающего удара.

«Нельзя соблюдать всех правил эволюции: иногда нужно делать несходное с оною», — утверждал Ушаков¹.

Суворов и Ушаков учитывали превосходные качества русских воинов — мужество, стойкость, самопожертвование во имя долга, природную смекалку и исключительную выносливость — и старались укреплять их в солдатах.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 157.

Оба они прекрасно понимали, что успех сражения решают главным образом солдаты и матросы. Поэтому воспитание и обучение солдат и матросов они считали главным в подготовке армии и флота. Принципы Суворова: «Каждый воин должен понимать свой манёвр» и «тяжело в учении — легко в бою» — были руководящими при подготовке матросов, которыми командовал Ушаков.

Внедрение нового во флоте требовало от Ушакова огромных усилий. Нужно было преодолеть косность и консерватизм начальствующих лиц, находившихся во власти старой линейной тактики и смотревших на матросов и солдат, как на бездушных и безмолвных автоматов. В самом начале войны контр-адмирал Мордвинов, старший член Адмиралтейского правления Черноморского флота, писал в приказе по эскадре: «Голос принадлежит только офицеру, дудка унтер-офицерам, а матросам не должно иметь как руки. Матрос не должен осмеливаться сказывать, что должно делать; если какая верёвка не отдана, то должен офицер приказать, и когда что упущено, то он виноват: пусть ломается и рвётся, — матрос должен молчать. Сие правило, — заключает Мордвинов, — столь свято утверждено всеми благоустроенными войсками, что ничто так строго не наказуется, как несоблюдение оно»¹.

Новые мысли Ушакова об активной и наступательной тактике были проверены в разразившейся войне.

Первый удар турки решили нанести по русскому флоту. По замыслам турецкого командования, султанский флот, сосредоточившись у Очакова, должен закрыть выход из Днепровского лимана в море. Таким образом, русский флот должен был оказаться разделённым на две части — изолированную лиманскую и севастопольскую. Затем турецкий флот совместно с войсками очаковского гарнизона должен был совершить нападение на Херсон и уничтожить военно-морскую базу Черноморского флота. Севастопольская эскадра, оставшись без основной своей базы, могла быть в свою очередь легко уничтожена. После этого Крымский полуостров без особых трудов должны были захватить десантные войска при поддержке восставших татар.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 82.

По этому оперативному плану предполагалось разрезать русскую сухопутно-морскую оборонительную линию на юге, которая проходила по Южному Бугу, через Кинбурн, Перекоп и Севастополь, разделить русские силы и уничтожить их по частям. Возможно, что удар на Херсон был подсказан французскими офицерами, которые в значительном количестве находились в Очакове в качестве инженеров и инструкторов.

Екатерина II так была раздражена против французов за их помощь туркам, что специально приказала Потёмкину: «Буде из французов попадёт кто в полон, то прошу прямо отправить... в Сибирь северную, дабы у них отшибить охоту ездить учить и наставлять турков»¹.

Осуществление турецкого плана возлагалось на капудан-пашу Эски-Гасана, за храбрость и решительность прозванного «Крокодилом морских сражений».

В Чесменском сражении 1770 г. Эски-Гасан фактически командовал турецким флотом, так как был значительно одарённее тогдашнего капудан-паши Ибрагима Хосамеддина. Он едва спасся с горящего адмиральского корабля, выбросившись в море. Скоро после этого султан назначил Гасана капудан-пашой, т. е. главнокомандующим турецким флотом.

Как только русское посольство оказалось в подземелье Едикуля², турецкая эскадра под командованием Гасана отправилась в Чёрное море.

16 августа 1787 г. она в составе трёх линейных кораблей, фрегата и свыше тридцати разных военных судов прибыла к Очакову, сильной турецкой крепости на северном берегу Днепровского лимана. Эскадра держалась под парусами на виду крепости и вела разведку.

В это время в Херсоне ещё не знали об аресте посольства. Об этом доходили лишь смутные слухи. На рейде Глубокой пристани стояли новый корабль «Владимир» и фрегат «Александр Невский», ожидавшие проводки через лиман и вооружения.

¹ «Русская старина», 1876, кн. VI, стр. 254.

² Крепость Едикуль была построена ещё во времена Византии, и в ней производилась чеканка монеты. Порте же она служила тюрьмой для государственных преступников, из страшного подземелья которой почти никто не возвращался живым.

Мордвинов, получив известие из Ясс об аресте Булгакова и наблюдая подозрительное поведение турецкой эскадры, приказал «по нынешним обстоятельствам» поставить на корабле и фрегате всю артиллерию¹.

40-пушечный фрегат «Скорый» и 12-пушечный бот «Битюг», прибывшие из Севастополя для проводки корабля и фрегата в Севастополь, заняли брандвахтенный пост у Кинбурна.

21 августа одиннадцать турецких 2-мачтовых судов напали на стоявшие у Кинбурна фрегат «Скорый» и бот «Битюг».

Русские моряки смело встретили многочисленного врага метким артиллерийским огнём. В течение трёх часов длился неравный бой. С наступлением темноты фрегат и бот, обрубив якоря, поспешили уйти узким фарватером мимо Очакова в лиман.

Турецкая эскадра начала преследование. Когда «Скорый» и «Битюг» проходили мимо Очакова, на них посыпались из крепости тучи ядер, которые, однако, не принесли кораблям ущерба.

В этом сражении с русской стороны было произведено до 587 пушечных выстрелов, что говорит о мужественном сопротивлении двух небольших судов. Фрегат и бот благополучно добрались до Глубокой пристани, имея только три человека убитых и одного раненого².

Этим сражением начались военные действия русско-турецкой войны 1787—1791 гг.

После неудачного нападения на русские брандвахтенные суда турецкая эскадра заняла выход из лимана в море. Херсонская военно-морская база оказалась отрезанной от Севастополя. Разделение морских сил значительно ослабляло оборону Крыма.

Севастополь ещё не был готов ни как морская база, ни как крепость. А Севастопольская эскадра не была достаточно сильна, чтобы вступить в единоборство с большим флотом противника, который, как полагал Потёмкин, постарается высадить войска в Крыму.

Первый, кто разгадал планы турок, был А. В. Суворов, назначенный начальником обороны Херсоно-Кинбурнского района. Чтобы закрыть вход в Днепр,

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 45—46.

² Там же, стр. 50—51.

Суворов построил батареи на островах, прикрывавших устье. На Кинбурнской косе также были поставлены сильные батареи и вырыты земляные полевые укрепления. Установлено было постоянное наблюдение за действиями турецкого флота и передвижениями войск в районе Очакова.

По требованию Суворова в лимане было организовано крейсерство судов.

Город Херсон и его окрестности были приведены в состояние обороны. Из местного населения и строительных команд сформированы специальные отряды в помощь войскам на случай нападения турок.

К началу войны русская армия тоже оказалась неготовой. Войска нужно было ещё собирать и стягивать к южным границам.

Для ведения войны создавалось две армии — Екатеринославская (главная) численностью до 132 тыс. человек и Украинская (резервная) до 58 тыс. человек. Командующим Екатеринославской армией был назначен фельдмаршал Г. А. Потёмкин, Украинской — фельдмаршал П. А. Румянцев. Армии развёртывались по линии Днепра и Буга. Единого оперативного плана действий разработано не было, главнокомандующий всеми вооружёнными силами назначен не был.

Екатеринославская армия предназначалась для обороны Крыма и Херсонского района. Украинская армия должна была прикрывать границы, поддерживать связи между союзной австрийской и Екатеринославской армиями и содействовать их операциям сначала на пространстве между Бугом и Днестром, а затем Днестром

Флагманский корабль турецкого флота.

и Прутом. Следовательно, в начале войны сухопутные силы занимали оборонительное положение.

Черноморский флот с первых дней войны должен был начать активные действия. Ф. Ф. Ушакову, как командиру передового отряда, предстояла нелёгкая задача — неравная борьба с большим турецким флотом.

2. Первое боевое испытание

В связи с появлением неприятельского флота у Очакова нужно было привести в оборонительное положение лиманские суда. Потёмкин приказал начальнику Черноморского адмиралтейства и командующему Лиманской эскадрой контр-адмиралу Мордвинову немедленно вооружить артиллерией все наличные суда, морских солдат перевести в матросы, а на их место взять из пехотных полков. Для охраны Глубокой пристани, где стояли новые корабль и фрегаты, была построена на берегу сильная батарея из осадных орудий.

Турецкий капудан-паша прибыл под Очаков лишь с частью флота, другую часть он оставил в Варне. Нужно было помешать соединению вражеского флота.

Но Войнович не спешил с выходом в море. Он под всякими предлогами задерживался в гавани. «Подтверждаю вам, — писал Потёмкин Войновичу 24 августа 1787 г., — собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчинённых ваших, хотя б всем погибнуть, но должно показать всю неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля.

Сие объявите всем офицерам вашим. Где увидите флот турецкий, атакуйте его, во что бы ни стало, хотя б всем пропасть»¹.

Потёмкин хотел, чтобы Севастопольская эскадра стремительно ударила по турецкому флоту, находящемуся в Варне, истребила его, а затем, захватив инициативу в свои руки, явилась бы к Очакову. Задача была отчаянно смелая. Её мог выполнить только умный, храбрый и инициативный начальник. Но Войнович не обладал ни одним из этих качеств. Он был типичным рутинёром, консерватором. Косность и рабское следова-

¹ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 52—53.

ние старым западноевропейским тактическим канонам были руководящими принципами всей его военной деятельности.

31 августа Войнович, наконец, решился вывести эскадру в море в составе трёх линейных кораблей и семи фрегатов. Эскадра сначала крейсировала у крымских берегов, а 4 сентября взяла курс на Варну. Передовым отрядом командовал Ф. Ф. Ушаков.

8 сентября эскадра подошла к мысу Калиакрия и попала в «чрезвычайный шторм с дождём и превеликой мрачностью»¹.

Пять суток бушевала морская стихия. Невероятной силы шквальным ветром разметало корабли во все стороны. Паруса и такелаж были изорваны в клочья. Мачты, реи, бугшприты и другие части рангоута были изломаны и унесены в море. От ударов гигантских волн и качки разошлись крепления корпусов. На многих кораблях образовалась сильная течь, с которой при сильном волнении бороться было очень трудно.

На флагманском корабле Войновича «Слава Екатерины» порывами ветра порвало ванты, сломало и унесло в море все три мачты. Вода в трюме доходила до десяти футов. Несмотря на то, что воду отливали «всеми помпами, вёдрами и ушатами», она не убывала².

На фрегате «Св. Андрей» были изорваны паруса и он «от множества вливаемой в него воды едва не затонул»³.

Сильно пострадал и корабль Ф. Ф. Ушакова «Св. Павел». На нём были сломаны и снесены в море две мачты, изорваны паруса и такелаж. Плохо управляемый корабль несколько дней носился в море, и наконец его занесло к абхазскому побережью Кавказа, принадлежавшему Турции.

Корабль оказался перед угрозой плена. Тогда Ушаков обратился к команде с такими словами: «Дети мои! Лучше будем в море погибать, нежели у варвара быть в руках»⁴. Команда не подвела своего командира. Неимоверным усилием всего экипажа удалось корабль отвести от опасности.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 50, 63.

² Там же, стр. 64.

³ Там же, стр. 55.

⁴ ООИД, т. XV, стр. 696.

«Тут мы, — пишет участник этого плавания И. А. Полномочный, — через великую силу кое-как к фок-мачте поставили небольшой парус и поворотили от берегов Абзийских (абхазских — А. А.) в море»¹.

Много дней корабли Севастопольской эскадры без парусов, с повреждёнными рулями носились по бушующему морю. С великим трудом, поставив фальшивые мачты и прикрепив к ним кое-как паруса, к 20 сентября они поодиночке с разных направлений стали прибывать в Севастопольский порт.

21 сентября пришёл в Севастополь корабль Ушакова «Св. Павел». Выдержка и самообладание Ушакова и самоотверженность его команды спасли корабль.

«...Одна только вернейшая их (матросов — А. А.) ко мне доверенность, — писал Ушаков в донесении Потёмкину, — спасла мой корабль от потопа, он был в крайней опасности и в таком положении штормом носило по всему морю»².

Не вернулся в Севастополь 66-пушечный корабль «Мария Магдалина». Он был занесён течением и ветром в Босфорский пролив и попал к туркам в плен. Погиб со всем экипажем фрегат «Крым».

Во время плавания эскадра Войновича ни разу не встретила вражеских кораблей. Лишь фрегат «Лёгкий», сохранивший свои мачты, перехватил две турецкие шбеки и привёл их в Севастополь.

Все суда эскадры требовали капитального ремонта. Боеспособность севастопольских кораблей равнялась нулю.

«Вот что нам сделала Варна, — записал в своих «Записках» Полномочный, — сделалось угарно, а более от нашего флагмана — неосторожность без рассудка в море ходить»³.

Все на эскадре приписывали несчастье неумелому и трусливому руководству походом со стороны Войновича. Он действительно перепугался до смерти. «Это чудо, как мы спаслись... Этакое страха и опасности никогда не предвидел», — не стесняясь, писал Войнович Мордвинову⁴.

¹ ООИД, т. XV, стр. 696.

² «Материалы», ч. XV, стр. 167.

³ ООИД, т. XV, стр. 696.

⁴ «Материалы», ч. XV, стр. 57—58.

Зато команды кораблей в опасности сохранили присутствие духа. Инициатива и самоотверженность матросов спасли эскадру от гибели.

Тяжела была неудача. Обнаружились недостатки судов: суда давали во время качки течь, такелаж был непрочный, рвался при сильном ветре, нарушалась вся система управления судами.

Однако военная обстановка требовала активных действий флота. И севастопольские моряки решительно принялись восстанавливать свои корабли.

В Севастопольской бухте закипела работа по ремонту судов. Четыре фрегата пришли из Таганрога в Севастополь с мачтовым и другим корабельным лесом. Они же усилили оборону порта, неся крейсерскую службу. Даже из Херсона на волах доставляли мачты в Севастополь.

Осень 1787 г. и весь следующий год севастопольские моряки чинили свои корабли. В две смены день и ночь шла работа в порту. Ф. Ф. Ушаков неустанно руководил ремонтом судов.

3. Действия Черноморского флота под Очаковом

Между тем турецкое командование готовилось к решительному нападению на Херсоно-Кинбурнский район.

В лимане в то время находилась русская эскадра, состоявшая из двух линейных кораблей, четырёх фрегат, восьми мелких военных судов, двух пловучих батарей, пяти баркасов и нескольких транспортов.

Все суда за недостатком пушек были вооружены лишь частично. Нехватало опытных матросов и особенно офицеров для командования судами.

Контр-адмирал Мордвинов, под командованием которого находилась Лиманская эскадра, не проявлял должной энергии и распорядительности, а как командующий не обладал боевыми качествами.

Организатором и душой обороны Херсона был А. В. Суворов. Разгадав турецкие планы, он принял все меры, чтобы помешать их осуществлению. Кинбурнская крепость, стоявшая против Очакова, стала командным пунктом Суворова. Он чутьём гениального полководца предвидел, что турки попытаются ударить в первую очередь именно по Кинбурну, батареи которого держали лиман под обстрелом.

30 сентября турецкие суда подошли к Кинбурну и из 600 орудий открыли сильный огонь по крепости. Стрельба тянулась до глубокой ночи. На следующий день с рассвета обстрел крепости продолжался ещё с большим ожесточением. А тем временем в 12 верстах от Кинбурна турки высадили на песчаную косу свыше 5 тыс. человек.

А. В. Суворов не мешал высадке десанта, рассчитывая уничтожить живую силу неприятеля на берегу.

Прикрываясь артиллерийским огнём судов, турки повели решительное наступление.

Русских воинов было в несколько раз меньше, но они смело контратаковали врага.

Суворов появлялся там, где было трудно, и личным примером воодушевлял войска. Дважды русские вынуждены были отступить.

Суворов повёл войска в атаку в третий раз и полностью разгромил турок. Это были блестящие суворовские всеокрушающие атаки. Из пятитысячного турецкого корпуса только около пятисот человек спаслось на суда.

Вся коса и лиманское побережье было усеяно трупами турок.

Сам Суворов был дважды ранен, но ни разу не оставлял боя.

Мордвинов же, пока на косе шли кровопролитные бои, с Лиманской эскадрой преступно бездействовал.

Успешно боролись с судами противника артиллеристы Суворова. Они из крепостных пушек подбили две канонерские лодки, а из полевых батарей уничтожили две шебеки.

С русской стороны потери были сравнительно невелики — убитых 38 человек, из них 2 офицера; раненых 299 человек, из них 16 офицеров и 2 генерала.

Мордвинов, всё время обещавший Потёмкину сжечь турецкие суда под Очаковом, ничего решительного не делал для этого. Плохо организованное в начале октября ночное нападение на турецкий флот пловучей батареей под командованием капитана 2-го ранга Верёвкина при поддержке 2 галер окончилось неудачей.

Три часа пловучая батарея Верёвкина героически сражалась со всем турецким флотом.

Расстреляв все боеприпасы, потеряв много людей, имея тяжёлые повреждения, Верёвкин, затопив батарею

Мушкетёр Новиков спасает Суворова в бою под Кинбурном
(скульптура)

у Гаджибейского берега, с остатками команды попал в плен к туркам.

Решительные действия Верёвкина, ряд небольших, но смелых атак мелких судов, неудача штурма Кинбурнской крепости показали туркам, что пробиться к Херсону будет не так-то легко.

Наступила осень с её неблагоприятными условиями для плавания в Чёрном море. Капудан-паша 16 октября

оставил очаковский рейд и ушёл с эскадрой к Варне на зимовку.

Военные действия 1787 г. закончились. Турки не добились никакого успеха в Днепровском лимане. Русские сохранили свои позиции во всех пунктах.

Лиманский флот расположился также на зимовку.

Обе стороны стали готовиться к дальнейшим боям.

В кампанию 1788 года русское командование намеряло взять сильно укрепленную крепость Очаков. Пока эта крепость оставалась в турецких руках, нельзя было считать в безопасности весь Крымский полуостров, да и вообще всё Черноморское побережье находилось под большой угрозой.

Очаков решено было взять штурмом. Эту задачу предстояло выполнить Екатеринославской армии при содействии флота. Черноморский флот должен был заблокировать Очаков с моря и не допустить подвоза подкреплений и продовольствия осажденным.

Мордвинову было приказано подготовиться к выполнению этой задачи.

Первые месяцы войны показали, что большим кораблям трудно вести бои в прибрежной полосе лимана. Требовались гребные суда. За постройку их взялись немедленно.

К весне 1788 г. в Лимане было создано две эскадры: гребная (из семи галер, семи дубель-шлюпок, семи плувучих батарей, семи вооруженных палубных баркасов, двадцати двух канонерских лодок и одного брандера) и парусная (из двух кораблей, четырех фрегатов и восьми других вооруженных судов).

Спешно нанимались греческие частные суда для разведывательной службы. В феврале 1788 г. было выдано шестнадцать патентов корсарским судам, которыми командовал известный корсар Ламбро Качони¹.

Из Петербурга в Херсон посылались матросы и рекруты. Потёмкин приказал новобранцев немедленно обучить одиночной стрельбе из ружей, а канониров из пушек.

Индивидуальное обучение матросов и солдат было новым явлением в жизни русской армии. Инициаторами

и проводниками этого нововведения были в армии А. В. Суворов, а во флоте Ф. Ф. Ушаков.

В Севастополе Войнович продолжал тушить всякое живое дело. Инертный, тупой, завистливый и трусливый, он всячески старался удержать суда в гавани. Напуганный неудачей под Калиакрией, он даже разведывательные суда не выпускал из гавани при небольшом волнении моря.

Потёмкин не раз иронически говорил Войновичу, что «нам везде ветры мешают, когда неприятель ходит беспрепятственно»¹.

Ф. Ф. Ушаков негодовал против такого поведения командующего Севастопольской эскадрой и портом, но ничего не мог сделать с самодовольным трусливым начальником.

Фёдор Фёдорович старался воодушевить команды на скорейший ремонт судов и продолжал руководить обучением новых матросов и совершенствованием старослужащих.

Но Войнович, ненавидевший Ушакова за новаторство, смелость и энергию, сделал попытку избавиться от него и послал Фёдора Фёдоровича в Лиманскую флотилию.

Потёмкин согласился, что Ушаков в Лиманской флотилии будет весьма полезен, и решил назначить его командующим гребной эскадрой. Однако Мордвинов, страстный поклонник старой, отжившей тактики, также не любил Ушакова за его новаторскую деятельность, за выдающийся военный талант, большой опыт и авторитет в морских делах. Он поспешил отослать Ушакова обратно в Севастополь под предлогом необходимости срочного окончания ремонта судов его отряда.

За такое самоуправство Потёмкин сделал Мордвинову выговор, но Ушаков в Херсон не вернулся, так как он необходим был и в Севастополе².

Вернувшись из Херсона в 1788 г., Ушаков горячо принялся за окончание ремонта судов.

Первым был готов корабль Ушакова «Св. Павел». Подходили к концу исправления и других судов. Севастопольская эскадра снова становилась боеспособной.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 89.

² Там же стр. 103—104.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 89—90.

Нехватало лишь людей в экипажах, так как в прошлом году часть их была отослана в Лиманский флот. Готовясь к штурму Очакова, Потёмкин не вернул взятых матросов и канониров.

Севастопольская эскадра укомплектовалась рекрутами, которых нужно было срочно обучить морскому делу. Руководил обучением молодых матросов Ф. Ф. Ушаков.

В кампанию 1788 г. турки рассчитывали на успех. Всю зиму английские, прусские и французские инженеры строили и ремонтировали корабли, возводили новые укрепления и батареи в Очакове, на правом берегу лимана. Английские и прусские офицеры спешно обучали турецкие войска принятым на Западе приёмам боя на суше и на море.

В июне 1788 г. английское правительство добилось создания Тройственного союза против России (Англия, Пруссия и Голландия) и толкнуло авантюристически настроенного, но недалёковидного шведского короля Густава III на войну с Россией. Турецкий султан предоставил Густаву деньги, и он в июне 1788 г., не объявляя войны, начал военные действия на суше и в море.

Создалась прямая угроза Петербургу. Русскому правительству пришлось принимать срочные меры к защите столицы. Специальная эскадра, готовая для похода в Архипелаг, была оставлена для борьбы со шведским флотом. Резко сократилась посылка резервов южным армиям и Черноморскому флоту.

На защиту северных границ были брошены значительные силы сухопутной армии и весь Балтийский флот в количестве двадцати семи линейных кораблей и многих других судов.

В начале положение на севере было чрезвычайно напряжённым. Однако скоро Балтийский флот и армия нанесли шведам настолько чувствительное поражение, что заставили их отступить.

Война с Турцией снова становилась в центре внимания русского правительства. Желая ослабить своего союзника, Австрия не оказывала серьёзной помощи России. В прошлогодней кампании австрийские войска не участвовали. В 1788 г. Австрия, сосредоточив некоторые силы на границах с Турцией, продолжала бездействовать. «Император поставил себя в оборонительное положе-

ние — ничего не делает», — жаловался Потёмкин Екатерине II 8 июня 1788 г.

Весной 1788 г. Украинская армия фельдмаршала Петра Александровича Румянцева двинулась к Днестру. А в мае сотысячная Екатеринославская армия начала стягиваться под Очаков.

Из-за бездеятельности Войновича и в этом году, во-время не подготовившего Севастопольскую эскадру, турецкий флот свободно распоряжался на море.

Султан бросил в Чёрное море весь свой флот.

18 мая 1788 г. на виду Очакова появилась большая неприятельская эскадра под флагом капудан-паши. Она состояла из тринадцати линейных кораблей, пятнадцати фрегатов и семнадцати разных вооружённых судов.

Эскадра бросила якорь на внешнем рейде Очакова. Кроме того, под стенами Очакова русские насчитали до пятидесяти трёх разных вооружённых судов.

Таким образом, к Очакову турки стянули около ста боевых судов. Капудан-паша сосредоточил здесь много мелких гребных судов, которые только и могли проникнуть в Днепр и атаковать Херсон.

Вторая турецкая эскадра из восьми кораблей, восьми фрегатов, четырёх бомбардирских судов и двадцати шестнадцати шлюпок находилась у устья Дуная¹. Два дня капудан-паша спокойно наблюдал за лиманом. Затем подтянулся к Очакову и заблокировал лиман. Однако добиться каких-либо успехов турки не смогли.

20 мая русская дубель-шлюпка под командованием капитана 2-го ранга Сакена, возвращаясь из-под Киш-

Русский линейный корабль.

¹ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 60.

бурна, где служила для связи крепости с флотом, была атакована 32 турецкими судами.

Сакену не удалось уйти от преследования. Недалеко от устья Буга его настигли одиннадцать галер противника. Турки пошли на абордаж. Чтобы не попасть в руки врага, Сакен, не колеблясь, спустился в пороховой погреб и взорвал судно.

Дубель-шлюпка и её славный командир погибли, нанеся существенный вред неприятелю.

Подвиг Сакена произвёл на турок сильное впечатление. Они долго боялись близко подходить к русским судам и избегали абордажа.

Самоотверженная смерть капитана 2-го ранга Сакена ещё раз подтверждала исконное правило, что русские моряки гибнут, но судов своих в плен не сдают.

6 июня русские гребные и парусные суда подошли к турецкой эскадре, стоявшей под защитой очаковских пушек, на расстояние пяти вёрст и построились в боевой порядок.

На следующее утро турки атаковали русскую линию. Капудан-паша в быстроходном кирлангиче носился перед линией своих кораблей, руководя боем.

Он ободрял, грозил, требовал от командиров усиления артиллерийского огня, который под залпами русских пушек постепенно ослабевал.

Жаркий и упорный бой продолжался с семи часов утра до полудня. Но когда одновременно взлетели на воздух два неприятельских судна и от русских брандскугелей сторело третье, турки не выдержали. Ими овладела паника. Несмотря на отчаянные усилия капудан-паши восстановить порядок, его суда одно за другим покидали боевую линию и неслись под защиту крепостных батарей.

Встречный ветер помешал русским перехватить уходящего «в большом беспорядке» противника, но они преследовали его до самого Очакова, повернув лишь под выстрелами крепости.

В этом сражении турки потеряли три судна с экипажами и многие их суда получили повреждения. Большой удар был нанесён моральному состоянию противника. Турки потеряли уверенность в победе.

Русские потери в людях были невелики, так как турки стреляли «поверху», главным образом по рангоуту.

Воодушевление русских было всеобщим. Матросы, солдаты и офицеры горели одним желанием — победить многочисленного врага.

Только через десять дней турки решились повторить атаку. Гасан лично объехал все суда. Это было в обычае турецкого адмирала, не доверявшего своим офицерам и экипажам. Он напомнил им султанский приказ о необходимости уничтожить русский флот и овладеть лиманом.

16 июня русское командование заметило приготовление турецкого флота и решило предупредить турок.

На следующий день в четыре часа утра русские суда напали на турецкую боевую линию. Завязалась оживлённая перестрелка. Бой длился четыре часа. И снова турки в беспорядке отступили к крепости.

На этот раз капудан-паша недосчитался двух линейных 64-пушечных кораблей, в том числе флагманского. 18 июня сражение возобновилось и продолжалось с прежним упорством с двух сторон. Но турки, потеряв несколько судов, отступили.

В двухдневном сражении было уничтожено пять турецких кораблей. Кроме того, были взяты в плен один 54-пушечный корабль, пять больших фрегатов и семь других военных судов. До тридцати судов было повреждено, они с трудом укрылись под Очаковом. Потонуло и погибло в пламени зажжённых судов свыше 6 тыс. человек турецкой команды. В плен было взято 1 673 человек.

Русским достались такие трофеи, как флаг и вымпел с флагманского корабля капудан-паши.

Турецкий адмирал (слева) в парадной шубе.

Русские потери были невелики: убито 2 офицера, 16 матросов и солдат. Ранено 67, из них 10 офицеров¹. В память этого сражения была выбита медаль.

Под впечатлением крупных потерь капудан-паша с флотом ушёл в море, оставив под крепостью гребные суда. «Капудан-паша прогнан со стыдом и укрывается в Варну», — сообщил Потёмкин Екатерине II².

Однако беспокойство за оставшиеся суда под Очаковом заставило Эски-Гасана вернуться назад. 20 июня турецкая эскадра попыталась войти в лиман, чтобы выручить свои гребные суда, заблокированные под крепостью русским Лиманским флотом.

Но суворовские батареи с Кинбурнской косы не позволили капудан-паше войти в лиман. Турецкой эскадре оставалось лишь крейсировать на виду Очакова.

В день жаркого сражения в лимане 18 июня контр-адмирал Войнович решился, наконец, выйти из Севастополя в море. В составе эскадры было два линейных корабля, одиннадцать фрегатов, пять других военных судов и семнадцать корсарских судов.

Передовой отряд вёл Ф. Ф. Ушаков. В него вошли корабль «Св. Павел» под флагом Ушакова, 50-пушечный фрегат «Борислав», 40-пушечные «Стрела» и «Кинбурн».

Севастопольская эскадра взяла курс на Очаков. Противные ветры сильно задерживали её движение вперёд. Лишь в вечеру 29 июня Войнович достиг острова Тендры. Вскоре на северо-западе был замечен турецкий флот в числе 45 судов.

Это была эскадра капудан-паши, который, получив известия о приближении Севастопольской эскадры, поспешил ей навстречу. Он рассчитывал в открытом море разбить небольшую Севастопольскую эскадру.

Как только капудан-паша ушёл из-под Очакова, Потёмкин приказал Лиманской флотилии уничтожить турецкие суда, стоявшие под крепостью.

1 июля на рассвете эскадра атаковала противника. Турки, обнаружив приближение русских, открыли огонь с судов и крепостных батарей.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 139—142; 143—148, «Русская старина», 1876 г. кн. VII, стр. 474.

² «Русская старина», кн. VIII, стр. 474.

Русские суда ответили дружными залпами и подожгли турецкий фрегат. Он сгорел вместе со своей командой. Восемь часов длилось сражение «с одинаковою горячностью с той и с другой стороны». В этом бою было сожжено два небольших фрегата, две галеры, шнява, бомбарда и малое судно. Захвачено в плен три галеры и 96 турецких гребцов-рабов.

Много турок погибло в огне и утонуло в лимане. Погиб и командовавший галерами Лала-паша.

Русские потери составляли 22 убитых и 57 раненых, в том числе один офицер.

Город и крепость Очаков сильно пострадали от артиллерийского обстрела с кораблей.

Разгром турецкой Очаковской флотилии позволил частям Екатеринославской армии, к этому времени сосредоточенной в районе Очакова, подойти ближе к городу и начать осадные работы.

4. Первая боевая слава Ф. Ф. Ушакова

Пока Лиманская флотилия громила турецкие суда под Очаковом, Севастопольская эскадра, встретившись с эскадрой капудан-паши, несколько дней лавировала под парусами, наблюдая за действиями противника.

Накануне встречи с Севастопольским флотом капудан-паша получил из Константинополя подкрепление. Теперь у него было семнадцать линейных кораблей, из них пять 80-пушечных, восемь фрегатов, три бомбардирских корабля и двадцать одно мелкое судно.

На одних только линейных кораблях турки имели 1 100 пушек и могли выбросить в одном залпе 410 пудов снарядов.

На кораблях и фрегатах Севастопольской эскадры было лишь 550 пушек. Вес залпа их равнялся 160 пудам. Сравнительная лёгкость русского залпа объясняется тем, что только два корабля и два фрегата были вооружены крупнокалиберными 24- и 30-фунтовыми пушками. Остальные суда имели пушки мелких калибров, мало действительные в бою больших кораблей.

Потёмкин не раз упрекал Мордвинова за то, что Адмиралтейское правление заказывало заводчику Баташову «малокалиберные и ни к чему не годные

пушки». «Кинулись лить такие, кои легче, и наделали множество пистолет», — писал он Мордвинову¹.

Турецкий флот при помощи англичан вооружён был крупнокалиберной медной артиллерией. Подводные части корпуса турецких кораблей были обшиты медью. Это делало их более быстроходными и маневренными, так как к металлической обшивке меньше приставали морские ракушки, водоросли и т. п.

У русских кораблей и фрегатов обшивка была деревянная. Она быстро покрывалась морскими моллюсками, и тогда суда становились тяжёлыми и неповоротливыми в ходу. Их приходилось через некоторое время ставить в гавань и очищать — кренговать, т. е. валить судно на бок так, чтобы обнажилась половина днища, а затем таким же порядком очищалась и другая.

Таким образом, турецкий флот не только превосходил русский своей численностью и огневой мощностью, но и по мореходным качествам был значительно выше.

Русские моряки могли противопоставить врагу лишь своё моральное превосходство, боевую выучку, смелость, находчивость и выдержку в бою. Именно эти качества настойчиво и последовательно воспитывал у севастопольцев Ф. Ф. Ушаков, готовясь к решительным схваткам с турками.

Решимость сразиться с султанским флотом на русской эскадре была всеобщей. Особенно экипажи авангарда, которым командовал Ф. Ф. Ушаков, рвались в бой.

Войнович при встрече с многочисленным врагом струсил и фактически передал командование эскадрой Ф. Ф. Ушакову. Об этом свидетельствуют его письма к Ушакову. Накануне сражения, например, 2 июля Войнович писал Ушакову:

«Если подойдёт к тебе капудан-паша, сожги, батюшка, проклятого»; «Посылай ко мне часто свои мнения, и что предвидишь»².

3 июля утром эскадра Войновича оказалась против устья Дуная, около о. Фидониси (или Змеиного).

Эскадра капудан-паши находилась на ветре. Заметив приближение русской эскадры, турецкий адмирал

остановил свои корабли, пересел в кирлангич и объехал все суда боевой линии, давая указания к бою.

Ушаков, наблюдавший в подзорную трубу за лавирующим среди кораблей лёгким судном турецкого адмирала, безошибочно угадывал, что он «учреждает флот свой словесными наставлениями», т. е. отдаёт боевой приказ каждому командиру корабля в отдельности.

Ф. Ф. Ушаков решил помешать командирам турецких судов осуществить выработанное «между собою условие» боя, для этого он задумал нанести прежде всего сосредоточенный удар по флагманскому кораблю. С потерей флагмана расстройство боевой линии противника становилось неизбежным, ибо, приученные к безинициативности и словесным наставлениям по каждому отдельному случаю боя, командиры турецких кораблей не могли бы «соблюсти порядок и будут в расстройке и незнании, что кому делать должно»¹.

Такой тактический приём требовал от русских кораблей маневренности в боевой линии. Но он категорически запрещался формальной западноевропейской тактикой, требовавшей вести сражение в строгих линиях, кораблю с кораблём и обязательно на ветре.

Против такой консервативной, рутинной тактики решительно восстал Ф. Ф. Ушаков. И при первой встрече с турецким флотом он проверил в бою свои новые тактические выводы и приёмы.

Командуя авангардом, Ушаков фактически руководил боем всей эскадры. «Ибо, — писал он Потёмкину, — е. п. (т. е. его превосходительство контр-адмирал, граф Войнович. — А. А.) словесно повелеть изволил в потребных случаях командуящим судов следовать движению передовой эскадры»².

Утром 3 июля противники находились на параллельных курсах недалеко друг от друга. Севастопольская эскадра во главе с авангардом шла левым галсом и пыталась выяснить намерение противника.

Турецкий флот находился на ветре.

Ушаков внимательно следил за действиями капудан-паши. Отчётливо было видно, как он, объехав свой флот,

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 535.

² В. Ф. Головачёв, История Севастополя как русского порта, СПб 1872, стр. 133.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 157.

² Там же.

строил боевую линию из одних только линейных кораблей.

В авангард выделена была эскадра из шести кораблей, которую возглавил сам Эски-Гасан. В эскадру центра, или кордебатальню, вошло тоже шесть кораблей, и возглавил её вице-адмирал. В арьергарде осталось пять кораблей под начальством контр-адмирала. Впереди каждой эскадры Гасан поставил по одному бомбардирскому судну.

Фрегаты, шебеки и другие мелкие суда составили вторую линию.

Построив корабли в боевой порядок, капудан-паша пошёл «густою колонною» на русскую линию. Он намеревался ударить всей массой кораблей по русскому авангарду.

Ф. Ф. Ушаков угадал намерение противника и решил сорвать его планы. Он приказал передовым фрегатам (50-пушечному «Бериславу» и 40-пушечному «Стреле») прибавить парусов и быстро идти вперёд. Корабль Ушакова «Св. Павел», прибавив парусов, тоже пошёл вслед за фрегатами. За авангардом под всеми парусами последовала вся эскадра.

Этим манёвром Ушаков хотел, вырвавшись вперёд, выиграть ветер и, сделав поворот эскадры, атаковать турецкий авангард с ветра и двух сторон.

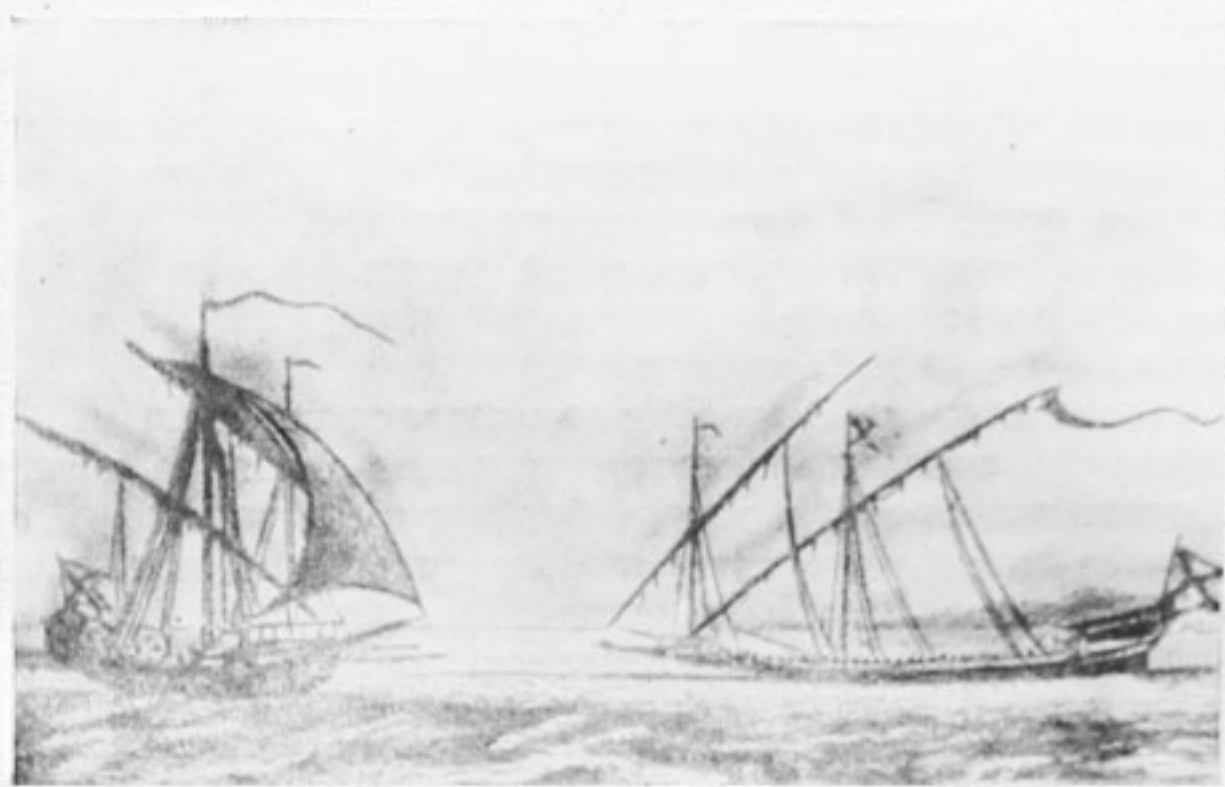
Хитрый Гасан понял, что замышляет Ушаков. Он приказал своим судам прибавить парусов и старался удержаться под ветром. От этого турецкий флот сильно растянулся и потерял возможность взаимодействия кораблей.

Русская боевая линия приняла вид вогнутой дуги. Дистанция между судами была «весьма добропорядочна». Ф. Ф. Ушаков с двумя своими фрегатами находился ближе всего к противнику.

При таком взаимном маневрировании боевые линии противников сблизилась до дистанции пушечного выстрела. Но никто не открывал огня.

Ушаков умышленно выжидал. Он ждал уменьшения расстояния, чтобы вести бой с самой короткой дистанции, «ибо весьма выгодно практикованным подражать регулярным образом против неискusstва».

Но внимательный Гасан, зорко следивший за манёврами русского авангарда, начинал понимать, что имеет

Галеры.

дело с опытным и искусным командиром, действиям которого послушна вся эскадра.

Эски-Гасан попытался ещё раз перехитрить своего умного и опытного противника. Он со своим флагманским кораблём и двумя следующими перед ним кораблями, поставив все паруса, вырвался вперёд и «бросился с чрезвычайной скоростью» на передовые фрегаты Ушакова.

Чтобы сковать корабль Ушакова «Св. Павел», капудан-паша приказал следовавшим за ним трём линейным многопушечным кораблям атаковать его.

Ушаков понял коварный замысел турецкого главнокомандующего обойти или абордировать его фрегаты. Канониры «Св. Павла» точным прицельным огнём быстро один за другим сбили «из своих мест» все три корабля, пытавшиеся его задержать. После чего, приведя сигналами «в желаемый порядок» фрегаты, Ушаков под всеми парусами двинулся к ним на помощь. Шедший за ним фрегат «Кинбурн» отстал, так как был «тяжёл в ходу».

У Ушакова мгновенно созрел план не только помочь передовым фрегатам, но вместе с ними атаковать головные корабли турецкого авангарда и отрезать их от своего флагмана.

Осуществление замысла Ушакова пошло удачно. Но как только передние два корабля противника увидели себя отрезанными от капудан-паши, то, не дожидаясь ни сигналов, ни помощи, «с великой торопливостью» повернули против ветра и ушли из линии боя.

Эски-Гасан, заметив позорное бегство своих передовых кораблей, «палил по ним ядрами», требуя войти в линию, «но всё бесполезно»¹.

Теперь корабль Эски-Гасана оказался передовым. Он открыл по русским фрегатам сильный огонь из пушек крупных калибров. В азарте боя корабль капудан-паши подошёл ещё ближе и неудачным поворотом подставил свой борт фрегатам «Бериславу» и «Стреле», которые пушечным огнём разнесли ему всю корму.

Корабль Ушакова очутился с другой стороны очень близко от турецкого флагмана и в свою очередь дал по нему залп.

На выручку капудан-паши старались подойти три корабля его центра. Но все они с большим уроном были отбиты кораблём Ушакова. У одного из них была сбита мачта, у другого повреждены снасти, третий корабль получил большие пробоины в подводной части и «за великою течью в самой скорости под всеми парусами» ушёл в направлении Инкермана.

Турецкий фрегат, подошедший из второй линии, был сожжён кораблём «Св. Павел»².

Корабль Эски-Гасана дрался «с чрезвычайным жаром», но, получив «столько пушечных пробоин, что скоро сосчитать нельзя», вынужден был уйти из линии боя.

В то время как Ушаков расстреливал авангард противника, горячая перестрелка велась между остальными русскими и турецкими судами.

Против каждого русского судна находилось по пяти неприятельских. Турецкие бомбардирские корабли бросали бомбы в русскую линию, но стрельба их была малоприцельна и потому безрезультатна.

От брандсугелей³ фрегата «Кинбурн», несколько отставшего от авангарда, дважды загорался проходив-

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 156.

² Там же, стр. 153.

³ Брандсугель — зажигательный снаряд.

ший мимо него на помощь Гасану вице-адмиральский корабль, но пожар скоро потушили. Метко поражал своими ядрами «Кинбурн» и другие корабли, порывавшиеся оказать помощь турецкому главнокомандующему.

Три часа длилось сражение, в результате которого турецкие корабли с сильно повреждёнными бортами, с пробоннами в корпусах, перебитыми мачтами и изорванными парусами вынуждены были покинуть место боя.

Это была блестящая победа. Небольшая русская эскадра сломила волю к сопротивлению сильного и во много раз численно превосходящего противника, безраздельно господствовавшего до сих пор на Чёрном море.

Фидонисское сражение показало русским морякам, что при умелом руководстве малочисленная эскадра может с успехом оспаривать у турок превосходство на море.

Сражение 3 июля 1788 г. было началом боевой флотской славы Ушакова.

В этом сражении полностью подтвердились преимущества новых тактических приёмов Ушакова. Блестяще выдержала экзамен ушаковская школа индивидуального обучения и тренировки личного состава флота.

«Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей, они стреляли в неприятельские корабли не часто и с такою сноровкою, что казалось, каждый учится стрелять по цели, снаравливая, чтоб не потерять свой выстрел»¹.

Людские потери на русских кораблях были ничтожны: семь человек раненых, убитых вовсе не было. Больше всего пострадали суда авангарда, так как на их долю пала вся тяжесть сражения.

Ушаков представил к награде наиболее отличившихся офицеров и особенно просил наградить «нижних служителей», которые «должности исправляли с таким отменным старанием и храбрым духом», что заслужили «всякую за то достойную похвалу»².

Представление Ушаковым к награде «нижних чинов» и особенно обещание им наград пришлось не по вкусу завистливому Войновичу. В донесении Потёмкину он,

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 166.

² Там же, стр. 154—155.

игнорируя рапорты командиров, изобразил ход сражения так, что умалил первенствующую роль Ушакова в сражении. Не представил он к награде офицеров и матросов корабля «Св. Павел», рекомендованных Ушаковым.

Войнович нарочито преуменьшал потери противника, нанесённые ему судами авангарда, которым командовал Ушаков.

Обиженный незаслуженной несправедливостью к себе и своим храбрым командам, Ушаков обратился к Потёмкину с письмом, прося восстановить справедливость и защитить его от злобнозавистливого контр-адмирала Войновича.

«Милостивый государь, — писал Ушаков 11 июля 1788 г. Потёмкину, — гонимое меня здесь через е. п. Марка Ивановича несчастье никогда не оставляет, и ни через какие всевозможные отменные мои старания милости и справедливого по заслуге моей к себе расположения изыскать не могу...»

В письме Ушаков указывал, что реляцию о сражении Войнович «соображал с одними своими мыслями», не принимая во внимание рапорты командиров судов. Число турецких кораблей, бывших в сражении, «написал не то сколько их было». Вместо семнадцати показал пятнадцать в угоду высшему начальству, называвшему в своих «записках» цифру пятнадцать, «чтобы не показать невероятности» к высшим чинам.

Ушакова возмущало подобное извращение боевой действительности, и он прямо говорил, что «собственные всех нас глаза будучи так близко в бою не вероятны быть не могут».

В заключение своего длинного письма, в котором излил давно накопившиеся чувства горечи, Ушаков просил об «увольнении от службы с безбедным пропитанием»¹.

Однако Г. А. Потёмкин, ценивший Ушакова, как храброго и опытного командира, разобрался, кто является подлинным героем сражения при Фидониси. Тем более что он очень хорошо знал способности Войновича отсиживаться в гавани. Ф. Ф. Ушаков за сражение 3 июля был награждён орденом Владимира 3-й степени. В конце 1788 г. Войнович был переведён в Херсон, а Ф. Ф. Ушаков назначен командующим Севастопольской эскадрой.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 167.

Капудан-паша, не выполнив ни одной из поставленных султаном задач, не мог долго оставаться в бездействии тем более, что осада Очакова велась стотысячной Екатеринославской армией при активном содействии Лиманских гребной и парусной флотилий.

Зная, что осажённому очаковскому гарнизону придется тяжело, Эски-Гасан, наскоро исправив в устье Дуная повреждения, 29 июля с пятнадцатью кораблями, десятью фрегатами и сорока четырьмя мелкими судами появился на очаковском рейде.

Осаждённые снова получили серьёзную поддержку с моря. Под прикрытием флота турки укрепили о. Березань и полностью заняли подходы к лиману.

Осадные работы под Очаковым сильно затруднялись. Один из секретарей личной канцелярии Екатерины II Храповицкий записал в своём дневнике: «Капитан-паша большое делает препятствие» успешной осаде Очакова, «прилипился к Очакову как шпанская муха»¹.

В Петербурге тоже начали понимать серьёзность положения на юге. «Ваше теперешнее состояние под Очаковым весьма заботливо и труднее нежели себе представляли», — писала Екатерина Потёмкину².

Чтобы отвлечь турецкий флот от Очакова, Потёмкин приказал Войновичу выйти в море.

«Пребывание флота... в гавани не принесёт никакой пользы в службе её императорского величества, — писал он Войновичу. — Флот неприятельский и крепость разделяют моё внимание, а капитан-паша спокоен со стороны моря, вместо того, чтобы ваше явление должно было бы его озаботить и сею диверсиею уничтожить делаемое от него затруднение в моих предприятиях. Вы сами из оного видеть можете, какой должно ожидать пользы от флота севастопольского, искусно и храбро предводимого»³.

Поссорившись с Ушаковым, Войнович смертельно боялся встречи с турецким флотом. Но не выполнить категорических требований Потёмкина он не мог и 24 августа решился вывести эскадру в море. Однако, продер-

¹ Дневник А. В. Храповицкого, СПб 1874, стр. 180.

² «Русская старина», 1876, кн. VIII, стр. 580.

³ «Материалы», ч. XV, стр. 522.

жавшись под парусами два дня на виду Севастополя, под предлогом крепких ветров Войнович вернулся в гавань. Чтобы как-нибудь оправдать своё бездействие, он разослал крейсерские суда к европейским и азиатским берегам Турции.

Одну из таких диверсий совершил небольшой отряд, состоявший из пяти крейсерских судов, под командованием капитан-лейтенанта Д. Н. Сенявина, ставшего впоследствии одним из виднейших русских флотоводцев.

По полученным сведениям, у берегов Анатолии собралось много судов для доставки войск и продовольствия в турецкую армию. Нужно было смелой диверсией уничтожить эти суда, а главное отвлечь капудан-пашу от Очакова.

Сенявин вышел из Севастополя 16 сентября. Через три дня отряд достиг Синопа и уничтожил там два купеческих судна. На следующий день у местечка Вонна были разбиты и потоплены ещё четыре судна и сожжены хлебные магазины. Затем, идя вдоль анатолийского побережья на восток, у города Гересида отряд завязал перестрелку с береговой батареей и, несмотря на решительное сопротивление, потопил четыре транспортных судна.

В этом бою Сенявин потерял девять человек убитыми и тринадцать ранеными.

6 октября отряд Сенявина с пленными и призами благополучно вернулся в Севастопольскую гавань¹.

Несмотря на то, что отряд Сенявина, «ополчая анатолийские берега... навёл на оные страх, поразил много народу, уничтожил неприятельские покушения в перевозе войск, истребил довольно число судов, взял пленных и привёз... у неприятеля довольно взятого богатства»², всё же главная цель не была достигнута: капудан-паша с флотом не ушёл из-под Очакова.

Он упорно продолжал оказывать помощь Очакову. Лиманская флотилия решительно боролась с переброской подкреплений, всякий раз пуская ко дну прорвавшиеся турецкие суда.

Русские войска готовились к решительному штурму крепости. Чтобы сковать действия турецкого флота, Потёмкин категорически приказал Войновичу, невзирая на

¹ «Морской сборник», 1855, № 4, стр. 157.

² «Материалы», ч. XV, стр. 197.

осеннюю пору с её сильными ветрами, выйти в море в направлении Очакова.

«Для нас столь же полезно отманить капудан-пашу отсюда, как бы выиграть баталию», — подчёркивал в приказе Потёмкин¹.

2 ноября Севастопольская эскадра с попутным ветром вышла в море и на следующий день достигла о. Тендры. Здесь Войнович лавировал полмесяца и ни разу не попытался отвлечь турецкий флот от Очакова. 19 ноября «по позднему времени» он вернулся в Севастополь. Разоружив и освободив суда от «тяжестей», севастопольцы начали работы по их ремонту. Некоторые фрегаты требовали переделок. Эскадра готовилась к будущей кампании. Душой всех работ попрежнему был Ф. Ф. Ушаков.

Тем временем турецкий флот оставался у берегов Очакова до самой поздней осени. Гасан надеялся, что русские отведут войска на зимние квартиры и снимут осаду Очакова.

Капудан-паша вынужден был находиться при Очакове, ибо, не выиграв ни одной хотя бы маленькой битвы, он рисковал не только карьерой, но и жизнью.

«Я удивляюсь, как капитан-паша может держаться в море в бурливую и позднюю осень, — писала Екатерина II Потёмкину 7 ноября 1788 г. — Я думаю, что он опасается возвратиться в Стамбул, и чтоб визирь его не лишил места и жизни»².

Однако 4 ноября капудан-паша со всем флотом покинул наконец очаковский рейд и ушёл в Константинополь на зимовку и для ремонта судов. Пришёл он в гавань столицы 9 ноября, потеряв в пути во время шторма несколько малых судов.

Как только ушёл турецкий флот, отряд запорожских казаков 7 ноября атаковал укреплённый турками о. Березань и после горячего боя принудил гарнизон его сдать. В плен попало триста двадцать турок, в том числе двухбунчужный³ Келенджи Осман-паша, а также захвачены трофеи: одиннадцать знамён, семнадцать медных пушек

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 537.

² «Русская старина», 1876, кн. VIII, стр. 589.

³ Бунчук — знак власти и достоинства турецких пашей. Он имел вид древка с насаженными сверху прядями конских хвостов. Служебное достоинство сановника определялось количеством прядей. Отсюда двух-, трёх-, четырёхбунчужный паша.

и четыре чугунных 46-фунтового калибра, 1149 ядер и 150 бочек пороху, тысячу четвертей пшеничной муки и множество другого продовольствия¹.

Со взятием о. Березани обстрел Очакова ещё более усилился. Многие батареи, защищавшие подступы к городу, были сбиты, в большей своей части город был сожжён. Но турецкий гарнизон мужественно защищался. Приходилось готовиться к штурму. Подробно был разработан план атаки крепости и уцелевшей части городских укреплений.

6 декабря на штурм укреплений и крепости пошло шесть колонн. Атака длилась час с четвертью, и Очаков пал.

Войска шли на штурм «с неописуемым мужеством и порядком».

В этот день турки потеряли одними только убитыми до семи тысяч человек. Много было захвачено пленных, в их числе был и командующий очаковским гарнизоном трёхбунчужный Гуссейн-паша. Взятые трофеи: триста двадцать три пушки и мортиры, сто семьдесят знамён и много другого военного имущества².

Вообще же с начала битвы за Очаков Турция потеряла более сорока тысяч человек, свыше ста судов разных рангов, более тысячи пушек, двести знамён и флагов, в том числе знамя и вымпел капудан-паши³.

Потери русской армии во время штурма также были значительными: убитых тысяча человек, среди них два генерала и сто девятнадцать офицеров; раненых до тысячи восьмисот человек⁴.

Взятие Очакова было большим военным успехом России и чувствительным ударом для Турции.

6. Ф. Ф. Ушаков — командующий Севастопольским флотом

Усиливающиеся враждебные действия Тройственного союза, интриги Пруссии в Польше, толкавшей её на войну с Россией, вялые и неудачные действия Австрии против Турции — всё это заставляло русское правительство искать мира с Турцией.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 542.

² Там же, стр. 211, 221.

³ Там же, стр. 236.

⁴ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 76.

Взятие Очакова, этого ключевого стратегического пункта на северном побережье Чёрного моря, давало России важный козырь в ведении переговоров о мире.

«Теперь мириться гораздо стало ловчее, и никаких не пропущу мер, чтоб скорее к тому достигнуть», — писала Екатерина Потёмкину после падения Очакова¹.

В случае же продолжения войны, освободившаяся большая Екатеринославская армия могла действовать на Буге, Днестре, Балканах при активном содействии Черноморского флота.

С ликвидацией турецкого форпоста на Днепровском лимане корабельное строительство в Херсоне и строящемся Николаеве могло беспрепятственно развиваться. Херсон и Николаев становились основными судостроительными базами Черноморского флота. Севастопольский же порт превращался в главную военно-морскую базу Черноморского корабельного флота.

В ходе войны Потёмкин убедился, что под руководством медлительного и трусливого Войновича Севастопольский флот никогда не добьётся господства на море. Сражение 3 июля 1788 г. показало, что в лице Ф. Ф. Ушакова Черноморский флот имеет талантливое, смелое, умное и решительное командира, способного решать насущные боевые задачи.

Потёмкин окончательно решил убрать Войновича из Севастополя и дать возможность Ф. Ф. Ушакову развернуть свои выдающиеся способности.

Командование Севастопольской эскадрой и руководство портом принял Ф. Ф. Ушаков. 14 апреля 1789 г. он был произведён в чин контр-адмирала.

С уходом Войновича из Севастополя Ф. Ф. Ушаков получил большие возможности проявить свою неиссякаемую инициативу по строительству и укреплению Севастопольского флота.

Однако Войнович, назначенный главным начальником «над всеми частями правления и флота черноморского», по своему служебному положению оставался попрежнему высшим начальником. Он при всякой возможности старался тормозить новаторские действия Ушакова и, верный старой привычке, попрежнему удерживал флот

¹ «Русская старина», 1876, кн. X, стр. 24.

в гавани. Особенно страдал Ушаков от его постоянных придирок и кляуз.

Чтобы иметь при Ушакове своего человека и стеснять его деятельность, Войнович назначил к нему на флагманский корабль флаг-капитаном¹ малоспособного и неавторитетного капитана 1-го ранга Овцына. По положению на эту должность офицеров подбирали себе сами флагманы.

Ушаков, обиженный и оскорблённый игнорированием его законных прав, обратился к Потёмкину с жалобой.

«Определение ко мне помощником Овцына меня беспокоит, ибо я и без того имею на корабле доброго капитана... Я охотно желаю иметь у себя сходно с законами советника, но оный должен быть по выбору моему такой, который бы в случае мог заступить моё место и исправлять должность флагмана». Флаг-офицер, по мнению Ушакова, должен быть знающим и авторитетным, «в чём и все командующие» кораблями «были бы уверены». Овцын такими качествами не обладал. Ушаков знал его ещё по Херсону. Он тогда был капитаном порта и был сменён «по некоторой недоверке, в рассуждении бывшего здесь правления»².

В заключение Ушаков высказывал опасение, что «донесение рапортом о недостатках при флоте» непосредственно Потёмкину «нанесёт» ему «великий вред»³.

В ответ на это письмо Потёмкин разрешил Ф. Ф. Ушакову доносить ему лично «о разных обстоятельствах предводимых на море и о замечаниях... какие случатся»⁴.

Всю зиму 1788—1789 гг. Ушаков провёл в неустанных трудах, руководя ремонтом кораблей, большинство которых килевалось, перестройкой фрегатов и обучением молодых рекрутов. К середине мая стараниями Ушакова и севастопольских моряков эскадра была готова к боевым действиям. Задержка была лишь за морским провиантом, который не был своевременно доставлен Адмиралтейским правлением, где теперь сидел Войнович⁵.

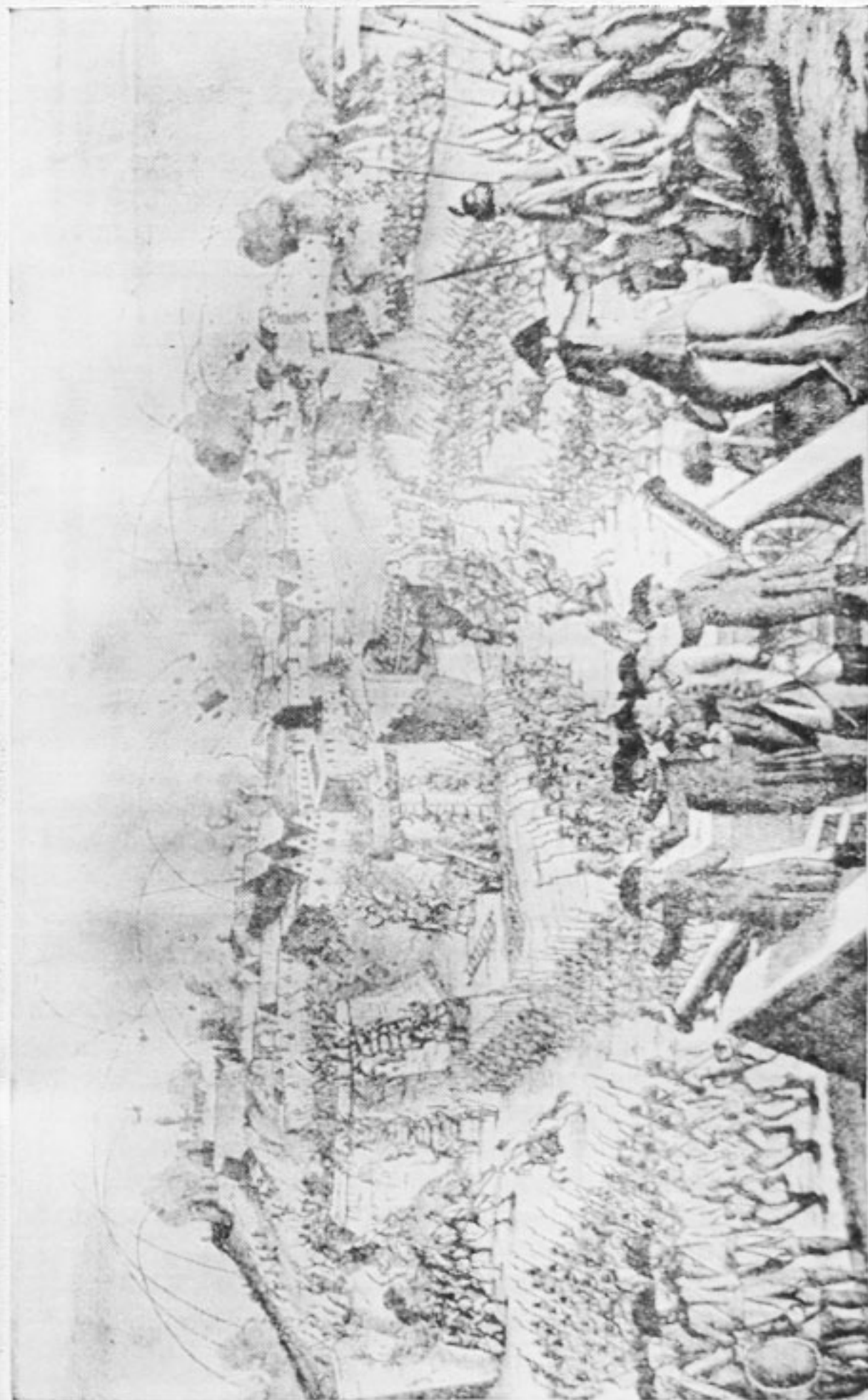
¹ Флаг-капитан — начальник штаба эскадры.

² «Материалы», ч. XV, стр. 17.

³ Там же, стр. 257.

⁴ Там же, стр. 259, 261—262.

⁵ Там же, стр. 243.

Штурм Очакова (декабрь 1788 г.).

Русское командование предполагало, что Турция в 1789 г. попытается вернуть Очаков и перебросить сюда войска по морю под охраной флота.

Севастопольская и Лиманская эскадры должны были обеспечить оборону Очакова с моря. Но так как армия переносила наступательные действия на Дунай, то гребная Лиманская флотилия должна была помогать там. Севастопольскую эскадру решено было пополнить пятью кораблями, построенными в Херсоне и стоявшими в лимане.

Но Войнович за зиму сумел отправить только один 66-пушечный корабль «Владимир». Остальные корабли соединились с флотом только осенью 1789 г.

Весной 1789 г. Ушаков имел в составе Севастопольской эскадры три 66-пушечных и два 50-пушечных корабля, десять фрегатов по сорока пушек на каждом, одно бомбардирское судно и другие мелкие вспомогательные суда¹.

Турецкий флот, сильно потрепанный в битве при Фидониси, вернулся в Константинополь далеко не в боеспособном виде. Суда требовали капитального ремонта. Денежные средства были истощены. По донесениям из Константинополя, капудан-паша Эски-Гасан производил ремонт флота за свой счёт. Французские инженеры и мастера срочно строили новые корабли. К весне 1789 г. турецкий флот готов был к действиям. Но в этом году Турция вынуждена была делить свой военный флот между Чёрным и Средиземным морями.

Царское правительство старалось поднять восстание против турок в Греции и Архипелаге, куда посланы были манифесты.

В апреле 1789 г. корсарские греческие суда соединённо блокировали Константинополь и ощутимо пресекали доставку продовольствия в столицу.

Для борьбы с корсарами турецкому флоту приходилось выделять определённое число судов. Однако главные силы флота готовились для Чёрного моря.

Весной 1789 г. в верховном командовании султанским флотом произошли изменения. В конце марта умер султан Абдул-Гамид. Преемником стал его сын Селим III. Но-

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 230—231, 238.

вый султан поставил себе целью продолжать войну во что бы то ни стало до победоносного конца.

Эски-Гасан за потерю Очакова был отстранён от командования флотом, но назначен командующим сухопутными войсками. Селим III приказал ему вернуть обратно Очаков. Начальником флота стал молодой и неопытный сверстник и друг султана Гуссейн, бывший до этого капитаном Константинопольского порта¹. Ему была поручена высадка десанта в Крыму.

Начавшиеся весной 1789 г. мирные переговоры России и Австрии с Турцией были расстроены провокационной деятельностью английского посла Энсли и прусского посланника Дица. Предлагаемое ими посредничество Англии и Пруссии в заключении мира с Турцией и Швецией русское правительство категорически отвергло.

Военные действия возобновились.

В начале марта 1789 г. капудан-паша Гуссейн выслал в Чёрное море двенадцать фрегатов. Шесть из них пошли к Анатолийским берегам, другие шесть с тремя канонёрскими лодками и кирлангичем направились к берегам Румелии для борьбы с русскими крейсерами. Варна, Коварна и другие порты Румелии были укреплены сильными береговыми батареями.

Успешные действия русских крейсеров так напугали турецких купцов, что они отказывались поставлять в свою армию продовольствие и другие предметы снаряжения.

Турецкому правительству пришлось прибегнуть к найму французских торговых судов, ходивших под защитой своих флагов.

«Столица турецкая от недостатка хлеба была бы в крайности, если бы французы не усердствовали им возить на своих судах под французским флагом; турецкие транспорты не смеют казаться», — писал Потёмкин Екатерине в июле 1789 г.²

В конце апреля 1789 г. Потёмкин предупреждал Войновича: «По доходящим сюда известиям Порты спешит сильным вооружением; предприятие на Очаков будет может быть первым весны действием»³. Он требовал поспешить с вооружением гребной флотилии для обороны Очакова.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 241—242.

² Там же, стр. 550.

³ Там же, стр. 545.

В мае Войнович поставил гребную флотилию под Очаковской крепостью, укомплектовав её егерями Лифляндского корпуса, за неимением подготовленных матросов.

В середине лета из Глубокой пристани на очаковский рейд были проведены четыре линейных корабля, два фрегата и несколько транспортных судов.

Севастопольская эскадра под командованием Ф. Ф. Ушакова была готова по первому приказу идти на поиски неприятеля. Крейсера его вели широкую разведку и охраняли подходы к Севастопольской бухте.

Ушаков, обладая большим оперативным кругозором и уделяя разведке большое внимание, первый сумел разгадать замыслы турецкого командования, готовившего в кампанию 1789 года десантную операцию в Крым. Ушаков в рапорте от 30 июля 1789 г. доносил Войновичу о сосредоточении турецких войск в районе Суджук-кале — Анапа с целью нападения на Крым: «Прибывший из Константинополя на судах с войсками крымский султан выгрузился на берег в Суджук-кале, а после перешёл и расположился в Анапе и намерен сделать в Тавриду нападение в проливе Еникальском. Сказывают, что войска в то время было ещё шесть или семь тысяч, а затем ожидают привозу одного из разных мест, также сказывают, что и флот турецкий туда ожидают»¹.

Однако Турция в 1789 г. не сумела провести десантную операцию.

12 июня утром турецкая эскадра, в которой насчитывалось семнадцать кораблей, шестнадцать фрегатов и много других судов, подошла к Гаджибею. Отсюда капудан-паша послал суда на разведку к о. Березани, но они были отогнаны крейсерами Лиманской флотилии, которые в свою очередь подходили к турецкому флоту и наблюдали за ним.

15 июня турецкий флот в числе пятидесяти семи судов лавировал между Гаджибеем и о. Березанью. 13 судов его подошли на вид Очакова и до ночи наблюдали за крепостью и движениями в лимане, а через десять дней турецкий флот, оставив часть судов у Гаджибея, снова появился перед Очаковом.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 264.

Но и на этот раз капудан-паша не решился даже обстрелять Очаков или завязать перестрелку с лиманскими судами. Турки держались осторожно. Видимо, не прошло ещё тяжёлое впечатление от поражения в лимане и особенно при Фидониси. Они даже не решались приблизиться к русским судам.

В конце июня турецкий флот подходил к Севастополю, но скоро удалился на север.

Тщетно ожидал Ушаков из Херсона приказа об активных действиях Севастопольской эскадры. Войнович не спешил предпринять что-либо лично и не позволял Ушакову искать встречи с противником.

Ушаков не мог равнодушно сносить такое бездействие, в то время как турецкий флот ходил безнаказанно. Он обратился к Потёмкину с письмом, в котором изложил свои соображения. Ушаков обращал внимание на то обстоятельство, что турецкий флот разделён на части. Одна, меньшая часть его кораблей находилась на рейде у Гаджибея, другая — крейсировала между Очаковом и Крымским побережьем. Он предлагал напасть Севастопольской эскадрой на меньшую часть и потопить её. Если же нельзя совершить эту диверсию, то он рекомендовал совершить поход к берегам Анатолии.

По сведениям, в Синопе готовились к спуску нового корабля. По этому случаю ожидалось прибытие линейного корабля, двух фрегатов и нескольких других судов со снаряжением. Ушаков предлагал уничтожить их. Кроме того, имелись данные о концентрации транспортных судов в других анатолийских портах для переброски войск в Анапу. Этому тоже следовало помешать. Диверсию Ушаков надеялся произвести раньше, чем успел бы прийти на помощь турецкий флот.

Но если бы пришлось, писал Ушаков, «повстречаться с неприятельским флотом, то и сему думаю в необходимом случае когда-нибудь быть должно»¹.

Потёмкин отложил на некоторое время предложения Ушакова и решил произвести при помощи флота другую операцию. Видя нерешительность Гуссейна в нападении на Очаков, он приказал Войновичу вместе с начальником очаковского гарнизона генерал-поручиком Гудовичем взять крепость Гаджибей. Нужно было очистить от войск

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 261.

противника побережье, находившееся в тылу действующей русской армии.

«Турки везде биты, боятся имени русского, отдают города казакам, тот же страх в них на море. Не должно оставлять в теперешней расстройке неприятеля без нанесения ему вреда на море», — подбодрял Потёмкин Войновича¹.

Войнович должен был с Лиманской эскадрой атаковать корабли противника на гаджибейском рейде и если не уничтожить, то по крайней мере заставить их удалиться². Гаджибей был укреплен слабо. Он имел редут с двенадцатью пушками и гарнизон с тремястами солдат. Однако же при поддержке с моря гарнизон мог долго сопротивляться.

1 сентября план совместной атаки был разработан, и Войнович доносил Потёмкину: «Располагаем сделать атаку в одно время на море и на земле»³.

3 сентября отряд Гудовича вышел из Очакова в направлении Гаджибея. Чтобы скрыть от противника свои намерения, отряд двигался ночью, скрываясь днём в складках местности и в камышах. Через десять дней передовая группа казаков подошла к Гаджибею и с хода атаковала редут. В короткой, но жаркой схватке укрепление было взято. Русская батарея из шестнадцати полевых пушек частым огнём отогнала турецкие корабли от берега. Два сильно повреждённых судна выбросились на берег, а команды их сдались в плен.

Войнович к моменту атаки Гаджибея, как было условлено, не пришёл с эскадрой, оправдываясь «наступлением бури». Он явно боялся встретиться с эскадрой капудан-паши, всё время крейсировавшего на виду Очакова и острова Тендры, и умышленно не вызвал Ушакова с Севастопольской эскадрой, как это ему приказывал Потёмкин, для атаки турецкого флота с двух сторон⁴.

Через несколько дней капудан-паша, узнав о взятии Гаджибея, бросился к нему и с дальней дистанции открыл стрельбу по берегу. Однако ядра не долетали до цели и никакого вреда не причинили отряду Гудовича.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 555.

² Там же, стр. 554.

³ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 88.

⁴ «Материалы», ч. XV, стр. 554.

После безрезультатной стрельбы турецкий флот ушёл в море.

Войнович упрямо стоял в лимане и не разрешал Севастопольскому флоту выйти на поиски неприятеля.

В сентябре 1789 г. Потёмкин вновь потребовал от Войновича соединить лиманские корабли с Севастопольской эскадрой, после чего отогнать турецкий флот от северного побережья Чёрного моря, где шли наступательные бои русской армии. Войнович с четырьмя кораблями и тринадцатью корсарскими судами вышел к о. Березани, но не решился идти дальше, так как турецкий флот находился у него на виду.

22 сентября с юга показалась эскадра Ушакова, вышедшая из Севастополя по приказу Потёмкина для изгнания «флота неприятельского в открытое море дабы спомоществовать потребным предприятиям и соединению флота»¹.

Капудан-паша заметил приближение Ушакова и, чтобы не попасть под удар с двух сторон, снялся с якорей и ушёл в юго-западном направлении. Ушаков шёл параллельным курсом, следуя за турецким флотом до Гаджибея. Затем, преодолевая противные крепкие ветры, эскадра Ушакова вернулась благополучно в Севастополь.

29 сентября Войнович с четырьмя кораблями и корсарскими судами, наконец, пришёл на севастопольский рейд. Здесь уже находились два новых корабля, приведённые из Таганрога бригадиром флота капитаном Пустошкиным, опытным и знающим моряком.

Таким образом, в конце сентября 1789 г. в Севастополе соединились все корабли Черноморского флота — одиннадцать кораблей и девять фрегатов, не считая других мелких военных судов². Это была уже внушительная сила.

В начале октября Потёмкин приказал Войновичу произвести «не раздельными, а общими силами поиски» неприятельского флота³.

8 октября эскадра из девяти кораблей и нескольких крейсерских судов под флагом Войновича пошла к дельте Дуная.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 273.

² Там же, стр. 294—295.

³ Там же, стр. 555.

Авангардом командовал Ф. Ф. Ушаков, арьергардом — бригадир-капитан Г. Голенкин. Преодолевая сильные ветры, эскадра в середине октября подошла к устью Дуная, нигде не встретив турецкого флота. Только мелкие неприятельские суда укрывались под стенами крепостей и из-за мелководья были недосыгаемы для флота.

Эскадра крейсировала вдоль берегов Румелии от Калнакрии до Гаджибея. С наступлением штормовой погоды Войнович 4 ноября со всем флотом вернулся в Севастополь, так и не увидев противника¹.

Гуссейн ещё раньше увёл свой флот к турецким берегам на зимовку.

Таким образом, Черноморский флот, руководимый Войновичем, почти всё лето 1789 г. простоял в гаванях, и ни разу не попытался вступить в сражение с флотом противника, свободно ходившим по морю.

Но капудан-паша Гуссейн тоже не проявил желания померяться силами с русским флотом. Тяжёлые потери от прошлогодних поражений ещё не были ликвидированы. Многие корабли не были готовы.

В 1789 г. русская армия имела значительные успехи. Она при поддержке гребной флотилии приступила к завоеванию Черноморского побережья до Дуная. В центре и на правом фланге предполагались действия австрийской армии.

Действия армии в Молдавии начались довольно поздно. В условиях неблагоприятной и затяжной зимы 1788—1789 гг. подготовка армии затянулась. Нехватало резервов. Шведская война продолжалась и поглощала все рекрутские наборы и свободные полки.

Несмотря на все старания, русскому правительству не удалось заставить союзную Австрию вести войну активно. Её войска, вступив в Молдавию и Сербию, попрежнему бездействовали. Турки начали наступление из Валахии и теснили австрийцев. Только решительные действия Суворова спасли австрийскую армию от полного разгрома.

21 июля 1789 г. Суворов в блестящем сражении при Фокшанах разбил тридцатитысячный турецкий корпус. Визирь вынужден был оттянуть от побережья на запад некоторые силы, чтобы обеспечить свой левый фланг.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 279—281.

Это создало благоприятные условия для наступления в приморье.

Главная армия, перейдя через Днестр, нанесла туркам последовательно ряд крупных поражений. 4 сентября был занят Кишинёв. 7 сентября Суворов вторично разбил турецкие войска на р. Рымнике. 30 сентября пал Аккерман. Взятием Бендер 3 ноября закончилась кампания 1789 года. Почти всё пространство от Днестра до р. Серета находилось в руках русской армии.

Однако эти победы оказались недостаточными, чтобы заставить Турцию просить мира. Англия и Пруссия прилагали все усилия, чтобы затянуть войну, обещая, на словах, туркам помощь.

«Теперь мы в кризисе,— записал в своём дневнике А. В. Храповицкий 24 декабря 1789 г.,— или мир, или тройная война, т. е. с Пруссией. — Пруссаки сбесились, мешают миру и готовы начать войну с нами и с императором»¹.

Никаких, конечно, военных действий против России и Австрии Пруссия вести не была в состоянии. Но её интриги, угрозы и демонстрации заставляли русское правительство принимать меры предосторожности.

«Не осталось почти никакого сомнения, чтобы король прусский не имел в намерении, общее с поляками, весною напасть на наши владения», — писала Екатерина Потёмкину 10 января 1790 г.²

Пришлось стянуть некоторое число полков в район Риги «для защищения Лифляндии от прусских и польских набегов»³. Самое неприятное было то, что английским дипломатам удалось привлечь на свою сторону Австрию. В середине 1790 г. на конференции Тройственного союза в Рейхенбахе присутствовал и представитель Австрии. На этой конференции Австрия согласилась немедленно заключить перемирие с Турцией на основе статус-кво, вести переговоры о мире при посредстве Тройственного союза и не оказывать России никакой помощи в войне с Турцией.

С выходом Австрии из войны положение России становилось затруднительным.

¹ Дневник А. В. Храповицкого, СПб 1874, стр. 321.

² «Русская старина», 1876, кн. XI, стр. 404.

³ Там же, стр. 413.

Начавшиеся весной 1790 г. неофициальные переговоры с Турцией окончились ничем. Потёмкин категорически отказался принять требование великого визиря Гасан-паша, подсказанное Англией, о созыве международного конгресса и наотрез отверг посредничество Пруссии.

Обе стороны готовились к возобновлению военных действий. Турция напрягала все силы и средства, чтобы подготовить армию и флот для решительной победы в 1790 г. или добиться хотя бы перелома в ходе войны в свою пользу.

На анатолийском побережье у Самсуна и Синопа сосредоточились войска для переброски их на судах в Анапу. Отсюда намечалось высадить десант на Крымский полуостров и захватить его.

Со всех концов Турецкой империи усиленно собирались люди для армии и флота.

Потёмкин также готовил армию и флот к дальнейшим наступательным боям. Он никак не мог простить Войновичу его неисправимую пассивность. Не был доволен он и работой Адмиралтейского правления, также руководимого Войновичем.

Потёмкин решил взять командование флотом в свои руки и ещё в начале октября 1789 г. объявил, «что в будущую кампанию флот будет под кайзер-флагом¹ в моём присутствии и предводительстве»².

Потёмкин не был моряком. Его командование мало принесло бы пользы флоту, если бы он не рассчитывал на помощь Ушакова, давно намеченного им в командуящие Черноморским флотом.

Нельзя было оставлять дольше Войновича во главе флота. Убедившись окончательно в его неспособности, Потёмкин в марте 1790 г. перевёл злополучного контр-адмирала в небольшую Каспийскую флотилию.

Командование Черноморским флотом «по военному употреблению» он поручил контр-адмиралу Ф. Ф. Ушакову³.

Командирами отдельных эскадр были назначены бригадиры флота капитаны П. Пустошкин и Г. Голенкин.

¹ К е й з е р - ф л а г — флаг генерал-адмирала, главнокомандующего всем русским флотом. Право поднимать кейзер-флаг присваивалось в виде особого пожалования. Потёмкин получил это право в 1787 г.

² «Материалы», ч. XV, стр. 275.

³ Там же, стр. 188, 290, 558.

Эти энергичные и знающие офицеры были надёжными помощниками Ушакова.

В апреле 1790 г. Ушаков мог уже доложить Потёмкину, что Севастопольский флот в основном готов к выходу в море¹.

При Войновиче он никогда не был готов к этому сроку.

Под руководством флотоводца Ушакова начался быстрый рост боевой славы Черноморского флота.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 292, 299.

Глава шестая

КОНЕЦ ГОСПОДСТВА ТУРЕЦКОГО ФЛОТА НА ЧЁРНОМ МОРЕ

1. Поиск у турецких берегов

В апреле 1790 г. Потёмкин вызвал в Яссы Ф. Ф. Ушакова на совещание. По предложению Фёдора Фёдоровича решено было помешать туркам осуществить десантную операцию в Крым.

Для этой цели эскадра под командованием Ф. Ф. Ушакова в составе трёх 50-пушечных кораблей, четырёх фрегатов, репетичного судна¹ и одиннадцати крейсеров 16 мая вышла в море и взяла курс на Синоп.

Бригадиру Голенкину Ушаков приказал с шестью линейными кораблями стать на рейде и быть готовым «на всякий случай» к выходу в море.

21 мая Ушаков подошёл к Синопу. В Синопской бухте было замечено два фрегата, семь мелких судов и на стапелях строящийся линейный корабль и несколько мелких судов. Ушаков приказал крейсерским судам под прикрытием двух фрегатов совершать нападения на транспортные и торговые суда вдоль побережья и своими действиями вызывать там тревогу. Сам же Ушаков с остальными судами подошёл к бухте и блокировал её.

¹ Репетичное судно — судно, которое ставилось в стороне от линии и дублировало сигналы флагмана для командиров судов эскадры.

Изучив расположение крепостных батарей и позицию стоящих под самой крепостью турецких судов, Ушаков решил из предосторожности не производить решительной атаки, «дабы не случилось повреждения мачт», так как русским судам пришлось бы выдержать огонь всех корабельных и крепостных пушек. Разумная осторожность, основанная на тонком учёте обстановки, в сочетании с исключительной решительностью в бою составляли замечательные флотоводческие качества Ф. Ф. Ушакова. Рисковать в данном случае не было смысла, тем более что Ушаков должен был произвести лишь демонстрацию и напомнить Турции о русском флоте, который уничтожит любые покушения на границы Российской империи. Поэтому задерживаться долго в одном месте было нецелесообразно.

Ф. Ф. Ушаков нашёл наиболее выгодным «перепалкою кораблей» нанести синопским «жителям и судам великий страх и беспокойство»¹.

С этой целью русская эскадра вошла в бухту и на виду крепости прошла вдоль берега, поражая крепость, город и батареи залпами из всех бортов.

«Неприятельские суда в такой были робости,— записано в журнале флагманского корабля,— что против крепости придвинулись вплоть к самой мелкости и беспрестанно места свои переменили»². А чтобы «нанести им более страху», Ушаков отправил корабль «Георгий» для обстрела турецких судов с короткой дистанции. Моряки выполнили задание успешно, попав несколькими ядрами в неприятельские фрегаты. Корабль «Георгий» вернулся к эскадре без повреждений и потерь. Лишь два матроса были легко ранены.

Тем временем крейсера охотились у берегов за торговыми судами, заставляя некоторые из них выбрасываться на берег, другие топили, а часть захватывали и приводили с грузами к эскадре. Восемь судов с грузами были взяты в плен у синопских берегов. Два из них были разгружены и на виду жителей Синопа сожжены. Пожар судов в глубине бухты ещё больше усилил переполох среди населения и гарнизона Синопа. Внезапное появление русской эскадры у берегов отдалённой от военного театра Анатолии, вторжение её в гавань и смелый обстрел кре-

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 302.

² Там же.

пости и городских укреплений произвели на турок сильное впечатление. Крейсерские суда, обстреливавшие берег, ещё «более расценивали страх и беспокойство»¹.

Крейсерами были захвачены в плен около ста шестидесяти человек. Освобождено от неволи более сорока черкесов и двенадцать русских солдат, попавших в плен в разных местах. Всех их везли в Константинополь на невольничий рынок.

Пробыв у Синопа несколько дней, Ушаков с эскадрой 24 мая пошёл к городу Самсуну, распространяя страх и панику дальше на восток по побережью.

В Самсунской бухте крейсера нашли лишь несколько мелких торговых судов и обстреливали их, одновременно дружно отвечая на огонь крепости.

Отсюда эскадра Ушакова, «довольствуясь одним нанесением страха» и составив план крепости и бухты, направилась, «ни мало не мешкав», к Анапе. По сообщениям пленных, там стоял линейный корабль, фрегат и ещё несколько мелких судов.

Маловетрие и густые туманы задерживали движение эскадры. Лишь к вечеру 29 мая она подошла к Анапе, на рейде которой действительно стояли линейный корабль, фрегат и пять купеческих вооружённых судов.

Турки сильно встревожились. Только недавно с Анапы была снята осада, которую вёл весьмитысячный отряд под руководством главнокомандующего на Кавказе генерала Бибикова.

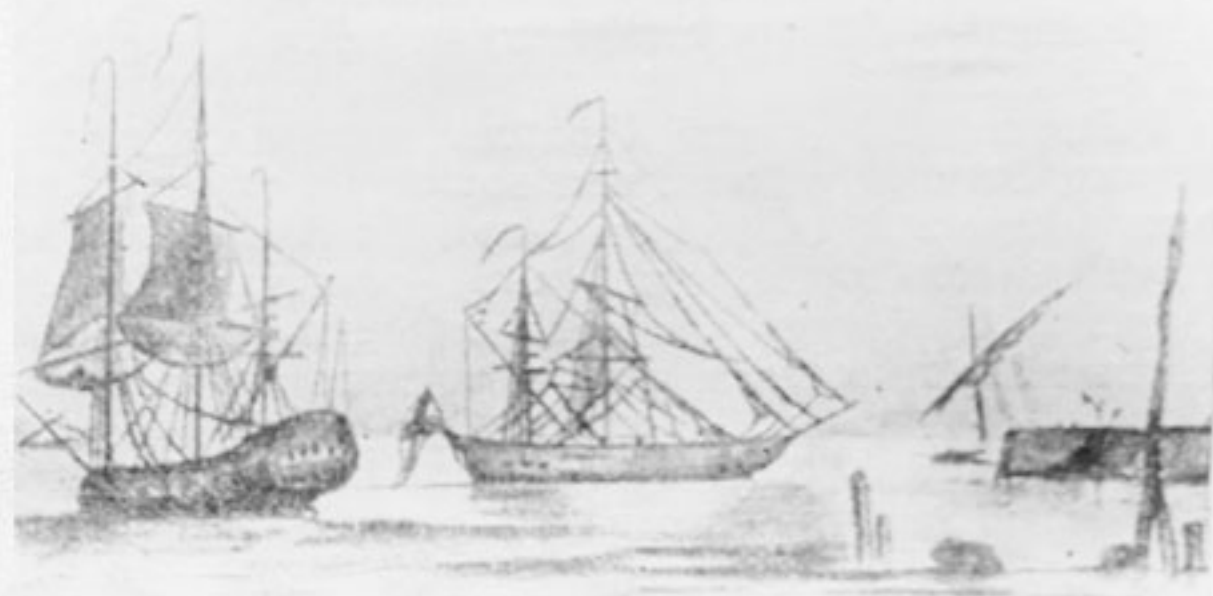
Заметив приближение русской эскадры, турки приготовились к обороне города и крепости. Неприятельские суда спешно подтянулись под самые стены крепости.

Ф. Ф. Ушаков смело ввёл эскадру в бухту и стал на якорь.

Промеры показали, что в бухте имеются длинные опасные отмели. Ночью корабли подтянулись ещё ближе к берегу и по примеру флагмана начали «бить неприятеля ядрами, бомбами и брандскугелями»². С русских кораблей было хорошо видно, как рвались на берегу бомбы, от брандскугелей вспыхивали пожары, которые, однако, противнику удавалось тушить.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 303.

² Там же, стр. 305.

Бомбардирский корабль (в центре).

С крепостных и многочисленных береговых батарей турки отвечали «жестокою пальбою». Но их бомбы и каркасы¹ не долетали до цели и «на воздухе лопались» безрезультатно. Ядра же, наоборот, перелетали через русские суда и тоже не причиняли никакого вреда.

В полночь Ушаков, оберегая корабли от повреждений, прекратил стрельбу и оттянул суда на дистанцию вне выстрелов.

На следующее утро турки возобновили обстрел русской эскадры. Но ни одно ядро не долетало до линии кораблей, несмотря на то, что за ночь противник поставил ещё несколько батарей, разместив их очень выгодно.

Отсутствие в эскадре брандеров² и бомбардирских кораблей не давало возможности уничтожить укрывшиеся под берегом суда противника. Повторять атаку Ушаков не стал, так как основная задача потревожить противника «наведением страха» была выполнена успешно. В городе Анапе и её окрестностях замечено было чрезвычайное смятение и тревога.

¹ Каркасы — зажигательные, метательные снаряды.

² Брандер — судно, наполненное горючими и взрывчатыми материалами, предназначавшееся для взрыва или поджога неприятельских кораблей путём сближения с ними вплотную.

Теперь нужно было поспешить к основным силам флота.

Утром 2 июня Ушаков снялся с якоря и направился в Севастополь, куда прибыл 5-го числа. Здесь эскадра присоединилась к флоту, стоявшему на рейде в совершенной готовности.

Трёхнедельный поиск Ушакова окончился весьма успешно. Эскадра «обошла всю восточную сторону Анатолии и берега Абхазские от Синопа до Анапы, господствуя сильною рукою при оных», — отмечал Ушаков в рапорте Потёмкину. На всём огромном протяжении неприятельского побережья были «посеяны страх и смятение».

В Севастополь были приведены восемь транспортов с пшеницей. За время похода было сожжено и потоплено двенадцать мелких судов противника.

Нападение на анатолийские и кавказские порты заставило султана поторопить капудан-пашу Гуссейна с выходом в Чёрное море.

2. Сражение в Керченском проливе

По возвращении в Севастополь Ушаков безошибочно полагал, что турецкий флот не замедлит появиться у русских берегов и скорее всего со стороны Керченского пролива.

«Просил я позволения у е. с. (его светлости, т. е. князя Потёмкина. — А. А.) вторично идти со флотом в поход, — ожидаю какое будет повеление», — писал Ушаков обер-интенданту С. Афанасьеву 7 июня 1790 г., т. е. через два дня после возвращения из похода¹.

Ушаков понимал, что встреча с турецким флотом должна произойти непременно. Он хотел и искал её. Победоносное сражение могло решить вопрос не только об окончании войны, но, самое главное, о закреплении России на Чёрном море.

К предстоящим боям с сильным противником Ушаков готовился, как всегда, тщательно. На этот же раз он особенно внимательно и придирчиво проверял и осматривал боевые корабли. Многого нехватало на флоте, но самым неприятным было отсутствие наличных денег.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 307.

«Дохожу до такой крайности, — жаловался Ушаков Афанасьеву, — что вынужден заложить собственный мой дом и, покупая необходимо надобные вещи, исправлять все необходимости, дабы быть готову» к походу¹.

Деньги Ушаков занимал, и всё недостающее на флоте приобреталось. 26 июня Ушаков рапортовал Потёмкину: «Состоящие на рейде десять кораблей, шесть фрегатов и прочие крейсерские суда к выходу в море готовы»².

Десять линейных кораблей при шести фрегатах представляли силу, с которой не мог не считаться противник, даже имеющий многочисленный флот. Ушаков, непосредственно создавший флот, кропотливо готовивший личный состав, верил в его силу и готов был на решительные бои с противником.

Потёмкин, рекомендуя Ушакову присоединить к Севастопольскому флоту херсонские и таганрогские суда, высказывал опасение, как бы они не были уничтожены противником на пути в Севастополь.

На это Ушаков уверенно отвечал Потёмкину: «При готовности ныне Севастопольского флота, оные последовать могут без всякого сомнения, ибо не уповаю, чтобы неприятель, зная о силах нашего флота, осмелился показаться при здешних берегах»³.

В конце июня Ушаков установил боевой порядок для кораблей и фрегатов, стоявших на рейде. В кордебатанию вошли четыре корабля и два фрегата, которые в походе и бою оставались под командованием Ушакова. Флаг свой Ушаков поднял на 80-пушечном корабле «Рождество Христово». Авангардия состояла из трёх кораблей и двух фрегатов и находилась под начальством бригадир-капитана Голенкина. Арьергард был составлен из того же числа кораблей и фрегатов.

Появление турецкого флота в Чёрном море ожидалось со дня на день. В середине июня Потёмкин разрешил Ушакову «со всеми изготовленными кораблями и фрегатами выступить в море». Он приказывал ему «противу городов поисков не делать», чтобы «напрасно не расстреливаться»⁴. Главная цель похода заключалась в победо-

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 307.

² Там же, стр. 308.

³ Там же.

⁴ «Материалы», ч. XV, стр. 567.

носном сражении с неприятелем. Этого-то и хотел Ушаков.

2 июля 1790 г. Севастопольский флот под флагом Ушакова в составе десяти кораблей, шести фрегатов, репетичного судна, двух брандеров и пятнадцати корсарских судов спешно вышел в море.

Накануне у крымских берегов против Георгиевского монастыря показался неприятельский флот, который шёл на восток, к Керченскому проливу.

Ушаков погнался за турецким флотом, чтобы «решить с ним дело». Тихие, до полного штиля, ветры затрудняли движение флота. Утром 6 июля русский флот подошёл к Феодосии. Здесь Ушаков узнал от коменданта порта, что турецкий флот за день до прихода его на феодосийский рейд прошёл в направлении Керченского пролива.

Ушаков поспешил в пролив, чтобы помешать противнику высадить войска на Крымский полуостров. 8 июля в 7 часов утра русский флот подошёл к проливу и лёг на якорь против Таманского полуострова, надёжно прикрывая вход в Керченский пролив и охраняя подступы Крыма. Во все стороны были высланы разведывательные суда. Одно разведывательное судно Ушаков специально послал к Анапе, где, по его предположению, скорее всего находился флот неприятеля.

Ушаков не ошибся. В десятом часу со стороны Анапы с крейсера был дан сигнал, что видны «посторонние суда». Через полчаса в утреннем тумане показался турецкий флот, шедший от анапского берега по ветру под всеми парусами прямо на линию русских судов.

Противник имел десять линейных кораблей, из них четыре флагманских, четыре «отборных» и два «поменьше», восемь фрегатов и тридцать шесть мелких судов разного типа и величины. Флотом командовал капудан-паша Гуссейн (см. схему 1).

Заметив противника, Ушаков приказал немедленно сняться с якоря, лечь в боевую линию и приготовиться к бою на левом галсе. Для усиления мощности огня Ушаков поставил в линию батални и фрегаты, так как среди кораблей находились 46- и 50-пушечные, «построенные на вид фрегатов». По существу, это были большие фрегаты, названные линейными кораблями. Крейсерские суда расположились за линией флота под ветром.

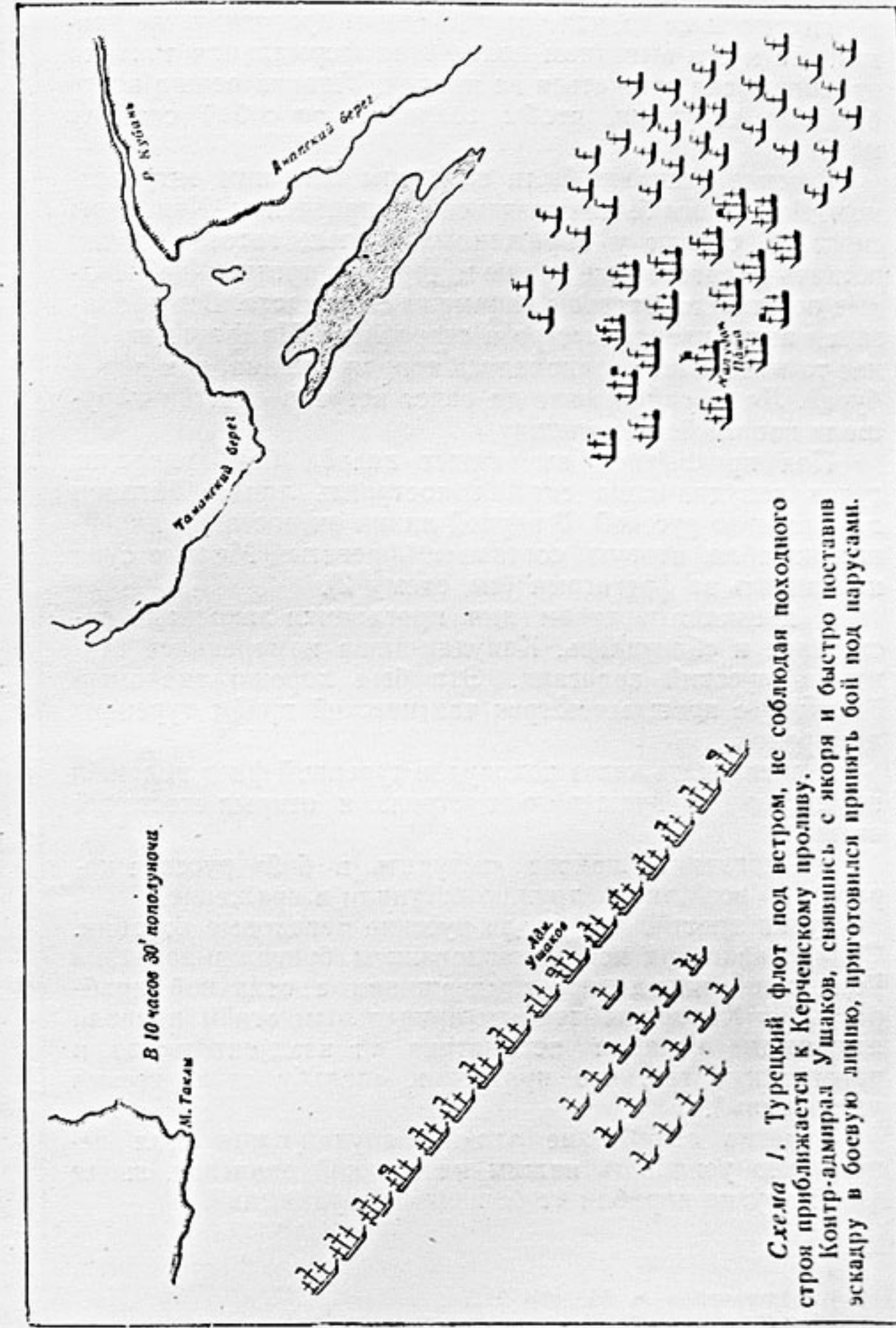

Схема 1. Турецкий флот под ветром, не соблюдая походного строя приближается к Керченскому проливу.

Контр-адмирал Ушаков, снявшись с якоря и быстро поставив эскадру в боевую линию, приготовился принять бой под парусами.

Несмотря на то, что при численном превосходстве противника и его выгодном положении формальная тактика предписывала сражаться на якорях, Ушаков решил вести бой под парусами, чтобы сохранить за собой свободу манёвра.

Русские экипажи были охвачены большим энтузиазмом. Все готовы были сразиться с неприятелем. Канониры спокойно стояли у заряженных пушек, готовые точно послать смертоносные залпы в корабли противника. Полные решимости матросы занимали свои места. Все приказания выполнялись быстро и сноровисто. На флоте на какое-то мгновение установилась полная тишина, как перед бурей. Лишь скрип мачт да свист ветра в снастях нарушали напряжённую тишину.

Под прикрытием высланных вперёд бомбардирских судов капудан-паша спешил построить линию баталии параллельно русской. В первой линии он поставил линейные корабли, вторую составили фрегаты. Мелкие суда находились за фрегатами (см. схему 2).

К двенадцати часам дня противники закончили построение и сблизились. Капудан-паша намеревался атаковать русский авангард. Это был хорошо знакомый Ушакову с прошлых встреч тактический приём турецких адмиралов.

В двенадцать часов пополудни турецкий флот подошёл на дистанцию пушечного выстрела и открыл жестокий огонь.

По сигналу Ушакова «вступить в бой» русские корабли по всей линии дружно вступили в сражение.

Турки яростно атаковали русские передовые корабли. Однако авангард под командованием бригадир-капитана Голенкина нападение «выдерживал с отличной храбростью». Канониры точным прицельным огнём привели атакующие корабли неприятеля «в замешательство и расстройку» так, что противник «пальбу свою весьма уменьшил»¹.

Заметив ослабление атаки, капудан-паша стал непрерывно усиливать нажим на русский авангард, вводя в бой другие корабли «с большими орудиями»².

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 312.

² Там же.

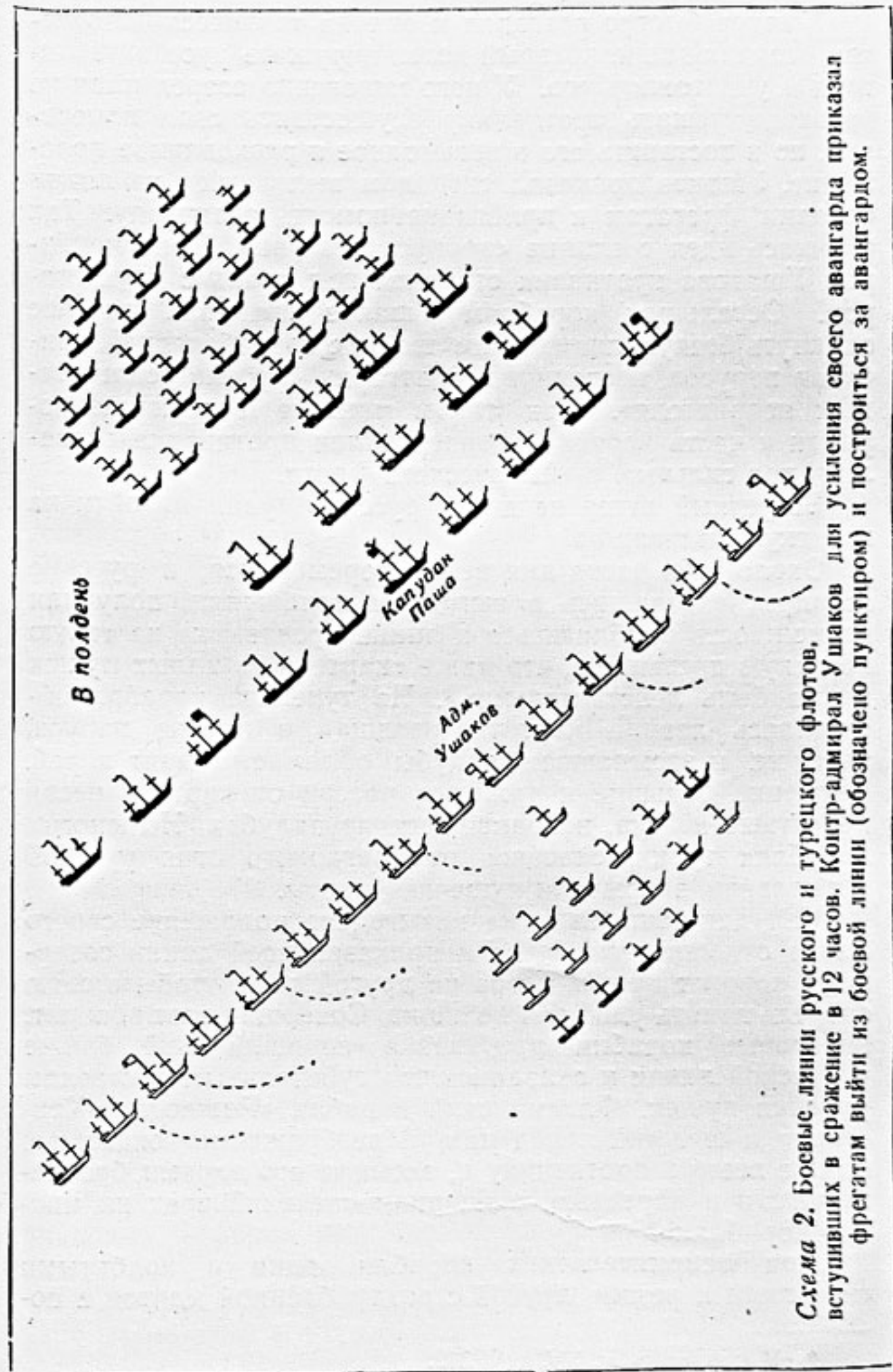

Схема 2. Боевые линии русского и турецкого флотов, вступивших в сражение в 12 часов. Контр-адмирал Ушаков для усиления своего авангарда приказал фрегатам выйти из боевой линии (обозначено пунктиром) и построиться за авангардом.

Ушаков быстро разгадал и оценил тактический замысел капудан-паши, который хотел окружить русский авангард и уничтожить его. У него мгновенно созрел план не только помешать противнику осуществить свои намерения, но и поставить его в невыгодное и рискованное положение. Ушаков приказал сигналом выделиться из линии батальи фрегатам и прийти на помощь авангарду. Так родилась идея создания «корпуса резерва». Этим манёвром Ушакова противник ставился под огонь с двух сторон. Остальным кораблям Ушаков приказал плотнее сомкнуть боевую линию. Сам же он с кордебатальей, прибавив парусов, поспешил к авангарду «против усилившегося неприятеля». При таком манёвре атакующие корабли и часть кораблей кордебатальи противника оказались под сильным огнём русского флота.

Встречный ветер не давал русским судам подойти на короткую дистанцию.

Около трёх часов дня ветер переменился, и русские эскадры, оказавшись в выгодном положении, получили возможность приблизиться к линии противника на такую короткую дистанцию, что даже «картечь из малых пушек могла быть действительна»¹. На турецкие корабли обрушилась лавина картечи, рвавшая в клочья паруса, такелаж и засыпавшая палубы обломками мачт и рей. Особенно большие и тяжёлые потери от картечи несли десантные войска, находившиеся на палубах. На многих кораблях турки, спасаясь от ураганного огня русской артиллерии, закрывали пушечные порты.

Капудан-паша заметил невыгодное положение своего флота относительно ветра и приказал всей линии совершить поворот против ветра на другой галс, чтобы в свою очередь занять удобную позицию. Совершая этот поворот, некоторые корабли противника подошли ещё ближе к русской линии и оказались под губительным обстрелом русских пушек. Флагманский корабль «Рождество Христово» и шедший перед ним «Преображение» оказались ближе всего к противнику и, засыпая его ядрами, брандс-кугелями и картечью, причинили «великий вред на многих кораблях».

Два неприятельских корабля, один с подбитыми стеньгами и реями, другой с раздроблённой мачтой и по-

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 312.

вреждённым рулём, потеряв управление, оказались так близко к русским кораблям, что появилась опасность столкновения с ними. Этим воспользовались русские канониры и произвели на них страшные опустошения.

Турецкий корабль вице-адмирала с сильно подбитыми парусами и рангоутом, плохо слушаясь руля, идя параллельно русской линии, подвергся обстрелу всех русских судов. Сбитые турецкие флаги, в том числе и вице-адмирала, полетели в море. Один из них был поднят посланной с корабля «Георгий» шлюпкой и стал почётным трофеем.

Увидев, в какое трудное положение попали его корабли, капудан-паша вместе с остальными судами спустился под ветер и бросился на помощь. Идя параллельно русской линии контр-галсом¹, он попал под прицельный огонь всех пушечных калибров. Русские моряки наблюдали «великое повреждение его кораблей и множество подбитого экипажа»². При этом кирлангич с людьми был потоплен.

Ушаков мастерски использовал переменившийся ветер и совершил искусный манёвр. Он с кораблями кордебатальи, выйдя из линии на помощь авангарду, оказался на ветре. Чтобы напасть на турецкие суда с ветра всеми силами, он сигналами приказал авангарду «вдруг поворотить овер-штаг»³. Флагманскому кораблю «Рождество Христово» приказано было стать во главе боевой линии. Все корабли, не соблюдая порядковых номеров, должны были как кому удобно, но как можно скорее вступить в кильватер корабля Ушакова. Ставить корабль командующего первым в линии батальи и позволять кораблям входить в линию «по способности случая» было неслыханным нарушением тактических канонів и категорически запрещалось всеми западноевропейскими уставами. В Англии за подобные нарушения полагалась смертная казнь.

Но Ушаков смело ломал отсталые и обветшалые формы боя и на практике доказывал преимущество своих новых тактических приёмов.

Разрешение командирам кораблей не соблюдать порядковых номеров при вхождении в линию позволило

¹ Контр-галс — курс, противоположный курсу противника.

² «Материалы», ч. XV, стр. 313.

³ Овер-штаг — поворот корабля против ветра на другой галс.

Ушакову построить новую линию боя в исключительно короткое время. Решиться на такой манёвр в момент сражения можно было, только хорошо зная своих командиров и экипажи, веря в их мастерство, смелость и выучку. Ушаков хорошо знал своих воспитанников, знал и верил им. Оказавшись на ветре со всем флотом, Ушаков, развернув все паруса, стал надвигаться на неприятеля. Капудан-паша, не ожидавший такого манёвра, пришёл в полное замешательство. Ему приходилось перестраивать боевую линию под ветром и при атаке русских кораблей, и он решил вырваться вперёд. Прибавив парусов и прикрывая повреждённые корабли, пользуясь лёгкостью хода обшитых медью и имеющих хорошие обводы судов, Гуссейн стремился опередить русские корабли (см. схему 3).

Но как ни старался капудан-паша уйти от удара, Ушаков, сигналив о погоне, «спускался с поспешностью на него». И только тяжёлый ход многих русских кораблей позволил турецкому адмиралу продолжать уклоняться от боя.

Ушаков понял хитрость турецкого адмирала, который «провожая время, ожидал темноты ночи», чтобы скрыться от преследования. Но Ушаков бессилён был помешать этому. Тяжёлый ход кораблей не позволил ему настигнуть очень потрёпанного, но всё ещё сильного и имеющего преимущество в ходу противника (см. схему 4).

В девять часов вечера ночная темнота скрыла неприятельский флот. Это спасло его от преследования и уничтожения повреждённых кораблей.

Не видя турецких судов, так как они не зажигали огней, Ушаков продолжал идти тем же курсом, надеясь ночью при восходе луны или утром оказаться вблизи неприятельского флота. Чтобы держаться в линии и не потеряться в темноте, Ушаков приказал зажечь на судах опознавательные огни.

Всю ночь шли под всеми парусами, но так и не увидели судов противника. Утром следующего дня турецкая эскадра также не была обнаружена.

На некоторых русских судах обнаружили повреждение в рангоуте, не отремонтировав их, нельзя было идти на поиск неприятеля к румелийским или анатолийским берегам. Поэтому Ушаков повернул эскадру к Феодосии и

В 5 часов 30' пополудни

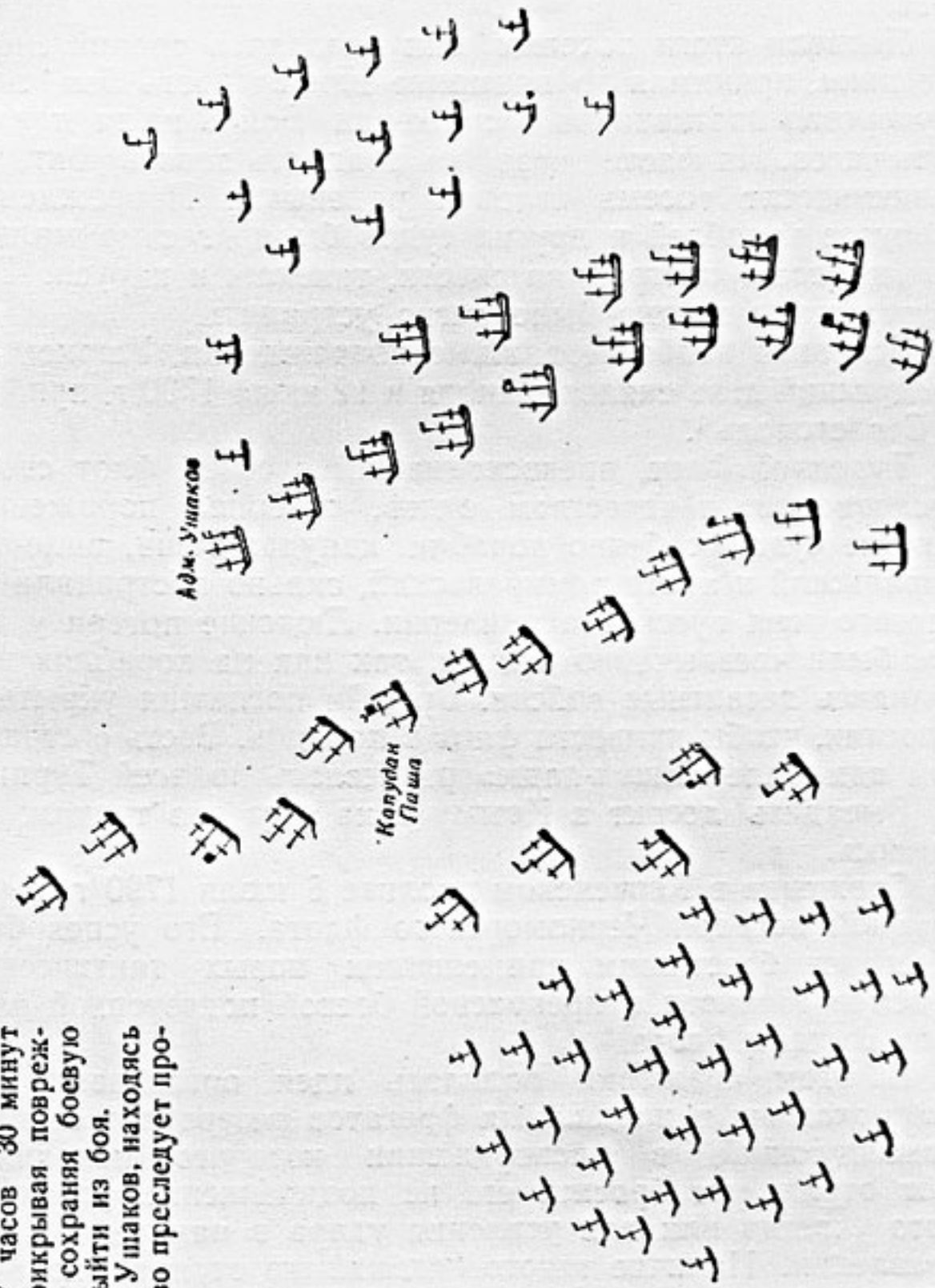

Схема 3. В 17 часов 30 минут турецкий флот, прикрывая повреждённые корабли и сохраняя боевую линию, пытается выйти из боя. Контр-адмирал Ушаков, находясь на ветре, настойчиво преследует противника

утром 9 июля лёг на якорь в дальнем расстоянии от берега.

Подвели итоги потерям, они оказались сравнительно невелики, принимая во внимание длительность боя, силу и упорство противников в сражении. Бой 8 июля длился пять часов. На флоте оказалось двадцать девять убитыми и шестьдесят восемь человек ранеными. Повреждения корпусов кораблей и других судов были «весьма малы». Больше всего пострадали снасти, такелаж и паруса. Все повреждения можно было легко устранить.

Исправив наиболее важные повреждения, Ушаков на следующий день снялся с якоря и 12 июля 1790 г. прибыл в Севастополь¹.

Турецкий флот, превосходивший русский флот своей численностью и качеством судов, потерпел поражение. Многие суда, особенно корабли капудан-паши, вице-адмиральский и контр-адмиральский, сильно пострадали от меткого огня русской артиллерии. Людские потери у турок были чрезвычайно велики, так как на кораблях находились десантные войска. Гуссейн поспешил укрыться в портах, чтобы привести флот в порядок. Весть о страшном адмирале «Ушак-паше» разнеслась по всей Турции.

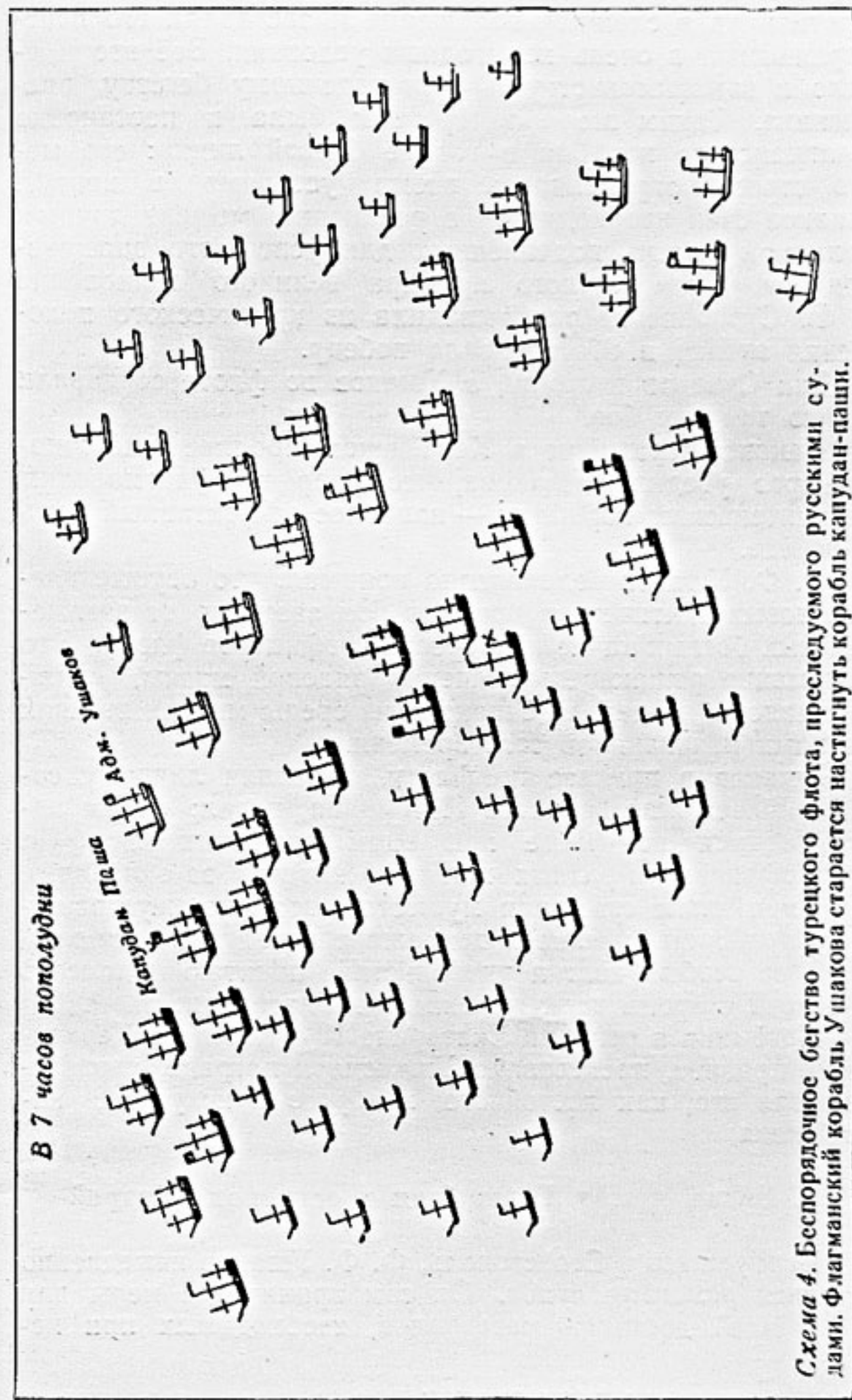
Высадить десант в Крыму и на этот раз туркам не удалось.

Сражение в Керченском проливе 8 июля 1790 г. было крупной победой Черноморского флота. Его успех был обеспечен блестящим применением новых тактических приёмов Ушакова и прекрасной боевой подготовкой личного состава флота.

В этом сражении родилась идея организации из быстроходных и подвижных фрегатов резервного отряда. Командующий, в распоряжении которого находился этот отряд, мог бросить его на подкрепление угрожаемого участка или для усиления удара в намеченном направлении. Наличие такого подвижного отряда, впоследствии названного эскадрой «кейзер-флага», сыграло в дальнейших блестяще проведённых Ушаковым сражениях немаловажную роль.

Совершенно новым манёвром в тактике морского боя была перестройка боевой линии в ходе боя без соблюдения ранее установленных мест. Такой манёвр ставил

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 311—314.

противника в сложное положение и заставлял его пере-
страиваться в очень невыгодных условиях. Всё это при-
вело к замешательству и беспорядочному бегству про-
тивника. Таким же новаторством была и постановка
флагманского корабля в голове боевой линии: его ме-
сто строго определялось всеми уставами в центре.
Ушаков счёл необходимым в решающий момент личным
примером увлечь подчинённых для успешного заверше-
ния боя. Сила личного примера великого полководца
А. В. Суворова не раз выводила из критического поло-
жения армию и обеспечивала победу.

Так Суворов в армии, а Ушаков во флоте создавали
новую тактику боя.

Наконец, сражение в Керченском проливе ещё лиш-
ний раз убедило Ушакова, что удар по флагманским
неприятельским кораблям — наиболее эффективный путь
к победе.

Ф. Ф. Ушаков великолепно понимал, что осуществле-
ние новых тактических приёмов боя зависело от замеча-
тельных боевых качеств матросов и офицеров флота. Это
понимание решающего значения рядовой массы, «ниж-
них чинов», выделяло Ушакова из среды многих высших
военных начальников того времени.

Ушаков в приказе по флоту, объявляя личному со-
ставу флота благодарность Потёмкина, писал: «Всем на-
ходившимся во флоте при оном сражении штаб- и
обер-офицерам и разных чинов служителям за оказанные
ими при оном сражении мужество, отлично неустраши-
мую храбрость, рвение и прилежное исполнение должно-
стей, за особый долг и удовольствие почитаю приписать
и с моей стороны всякую похвалу и благодарность»¹.

Потёмкин в реляции Екатерине II о победе в Керчен-
ском проливе, представляя Ушакова к награде, характе-
ризовал его, как достойного, храброго и искусного на-
чальника.

3. Битва между Гаджибеем и островом Тепдрой

Вернувшись в Севастополь, Ф. Ф. Ушаков немедленно
занялся ремонтом судов. Он сам принял все меры для
скорейшей доставки материалов, необходимых при ис-

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 316.

правлении повреждённых судов. Ремонт судов произво-
дили не только мастеровые, но и судовые команды. Это
обеспечило скорое исправление кораблей.

По поводу успешного окончания ремонта в приказе
по флоту Ушаков отмечал, что работы «проводились
с отменным рачением и скоростью весьма поспешно», за
что он приносит «должную благодарность» всем офи-
церам и «их подчинённым». Особо был отмечен в при-
казе капитан-бригадир Голенкин, «который неусыпным
своим попечением, трудами и отменным рачением спо-
собствовал успешному окончанию ремонта судов»¹.

Ф. Ф. Ушаков предполагал, что капудан-паша поста-
рается быстрее исправить свой сильно пострадавший
в последнем бою флот и поспешит выйти в море. И дей-
ствительно, 2 августа на горизонте с юго-западной сто-
роны против Балаклавы появилась турецкая эскадра
в тридцать два судна. Среди них насчитали двенадцать
фрегатов. Эскадра шла курсом на восток. Это была
эскадра, отвлекающая внимание противника от главного
удара. Турецкое командование хотело приковать Сева-
стопольский флот к восточным берегам Крымского полу-
острова, сделав вид, будто намеревается высадить там
десант.

Главные же силы султанского флота были сосре-
дочены между Дунайским гирлом и Гаджибеем. Коман-
довал султанским флотом тот же капудан-паша Гуссейн.
В помощь ему был придан старый моряк в чине полного
адмирала Саид-Бей. Капудан-паша имел задачу не до-
пустить Очаковскую флотилию к Дунайской дельте, где
она должна была поддержать с моря наступление сухо-
путной армии².

Потёмкин приказал Ушакову, соединившись с Лиман-
ской эскадрой, отогнать от устья Дуная турецкий флот,
а при удобном случае и разбить его.

В начале августа суда Севастопольского флота были
исправлены. Но Адмиралтейство своевременно не доста-
вило ядер, пороха и других артиллерийских боеприпасов.
А на флоте их было недостаточно. Ушаков, рвавшийся
в море, нервничал и требовал доставки боеприпасов «ско-
рою почтою».

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 319.

² Там же.

«Я до тех пор не успокоюсь, пока не выйду в море», — писал он в Адмиралтейство 2 августа 1790 г.¹

Наконец, артиллерийское снаряжение было получено, и 25 августа Севастопольский флот под флагом Ушакова в составе десяти кораблей, шести фрегатов, репетичного и бомбардирского кораблей, двух брандеров и семнадцати крейсеров вышел в море.

Ушаков вёл флот к острову Тендре, где ему было приказано соединиться с Лиманской эскадрой. Сам он, однако, полагал, что нужно было идти прямо к Гаджибею и атаковать неприятельский флот внезапно.

Поход же к Днепровскому лиману легко обнаружился противником, и преимущество внезапного нападения пропало.

28 августа русский флот подошёл к острову Тендре. Наблюдателями был замечен неприятельский флот, стоявший на якоре в шестнадцати километрах от гаджибейского берега. Турецкий флот имел четырнадцать больших линейных кораблей, восемь фрегатов и двадцать три «отборных и лучших разного сорта судов». Турки вели себя настолько беспечно, что даже не выслали сторожевых судов.

Пользуясь попутным ветром, Ушаков приказал под всеми парусами идти на сближение и атаковать противника с хода. Не ожидавшие опасности турки, заметив быстро несущийся на них русский флот, растерялись, начали спешно рубить якоря и ставить паруса. Не соблюдая ни малейшего порядка, весь турецкий флот двинулся в направлении Дуная.

В десятом часу утра Ушаков увидел, что турецкие передовые корабли вместе с кораблём капудан-паши ушли далеко вперёд и совсем оторвались от своего арьергарда. Ушаков, придерживая свои корабли к ветру, старался отрезать отставшие суда противника, прижать их к берегу и окружить.

Гуссейн скоро заметил, в какой опасности находится его арьергард. Он вынужден был повернуть обратно, приказав всему флоту построиться ему в кильватер. Так капудан-паша был принужден перестроить свою боевую линию. Турецкие флагманские корабли сосредоточились впереди.

Ушаков сигналами приказал своим эскадрам, не прекращая наступления, строиться в линию баталии; затем он повернул боевую линию параллельно турецкой эскадре. Чтобы усилить авангард на случай нападения на него, Ушаков приказал трём передовым фрегатам выйти из строя и, составляя «корпус резерва», занять место против передовых кораблей.

В третьем часу дня Ушаков поднял сигнал «спускаться на неприятеля». Русские корабли подошли на ближнюю дистанцию и открыли сильный огонь по всей турецкой линии. Хорошо обученные и закалённые в боях с турецким флотом, русские канониры с удивительным хладнокровием и точностью наводили свои пушки и с короткой дистанции обрушивали на противника смертоносные залпы.

Турки, по опыту знавшие силу русского огня, не смогли и на этот раз долго противиться ему. «Не стерпя жестокого огня, с великою силою на него производимого, — читаем в флагманском журнале, — противник начал уклоняться под ветер», т. е. уходить от боя.

На флагманском корабле Ушакова всё время держался сигнал о преследовании противника. Русские моряки, воодушевлённые первым успехом, чувствуя своё моральное превосходство над многочисленным турецким флотом, на всех парусах теснили противника, непрерывно поражая его корабли из пушек всех калибров.

К пяти часам вечера турецкая линия баталии была разбита, и противник стал в беспорядке уходить. По приказанию Ушакова авангард и кордебаталия сосредоточили огонь по турецким флагманам, которые находились среди передовых самых сильных кораблей. Удар по передовой части турецкой линии был дружным и сокрушительным. Лучшие русские корабли «Рождество Христово», «Преображение», «Александр» и другие подходили вплотную к турецким кораблям и били их в упор залпами целых бортов. Более всех пострадали корабли капудан-паши и адмирала Сеид-Бея. Лучшая часть турецкого флота дрогнула и стала беспорядочно отступать в сторону Дуная. Это окончательно расстроило турецкий боевой порядок. Все суда султанского флота бежали, спасаясь от преследования страшного «Ушак-паши».

Погоня за отступавшим противником продолжалась до восьми часов вечера. И на сей раз капудан-паша

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 319.

ушёл от полного разгрома лишь благодаря лучшему ходу кораблей и ночной темноте. Русский флот оставался в море под парусами. К ночи ветер стал крепчать, появилась крупная волна. Пришлось бросить якорь. Часть мелких крейсерских судов ушла к берегам Очакова и там укрылась от ветра.

На рассвете 29 августа на русских кораблях заметили недалеко лавирующий турецкий флот. Он был настолько рассыпан, что некоторые его суда находились у русских под ветром на очень близком расстоянии.

К удивлению и беспокойству Ушакова, когда рассвело, выяснилось, что фрегат «Амвросий Медиоланский» стоит среди группы турецких судов. При спущенных флагах турки, видимо, считали его своим. Выдержка и находчивость командира капитана 2-го ранга Михаила Нелединского спасла фрегат от плена. Нелединский, не поднимая флага, снялся с якоря вместе с турецкими судами и некоторое время шёл с ними, а затем отстал, поднял русский флаг и благополучно присоединился к своему флоту.

Ф. Ф. Ушаков дал сигнал сняться с якоря, поднять паруса и преследовать противника. Турки, обнаружив неожиданно близкое соседство русского флота, растерянно стали рубить канаты, так как выбирать якоря не было времени, и спешно ставить паруса, чтобы выйти на ветер. Капудан-паша с несколькими кораблями ушёл далеко в море. Повреждённые накануне 74-пушечный корабль «Капитания» под флагом адмирала Саид-Бея и 66-пушечный корабль «Мелеки-Бахри»¹ отстали и в десять часов утра были отрезаны от своего флота.

Саид-Бей попытался следовать за своим флотом, но, настигнутый и обстрелянный кораблём «Св. Андрей», потерял часть парусов и ещё больше сбавил ход. Скоро к нему подошли ещё два русских корабля и, окружив его, открыли «жестокий огонь». Турецкий флагман продолжал сопротивляться. Адмирал Саид-Бей ожидал помощи от капудан-паши. Но Ушаков, отправив командира авангарда Голенкина с двумя кораблями и двумя фрегатами на преследование «Мелеки-Бахри», приказал

¹ «Мелеки-Бахри» в переводе с турецкого языка на русский означает «Владыка морей».

остальному флоту преследовать уходившие турецкие корабли с капудан-пашой во главе, а сам пошёл к окружённому турецкому флагману. Корабль Ушакова, подойдя к «Капитании» на дистанцию тридцати сажень, залпами своих мощных орудий нанёс ему «наиболее жесточайшее поражение». Став в кильватер Ушакову, разрядили свои пушки и другие три корабля. Однако противник держался мужественно. Тогда 84-пушечный корабль Ушакова подошёл к носу неприятельского корабля и, остановившись, готов был «сделать ему лаг всем бортом», т. е. дать залп из всех пушек одного борта. После этого, несомненно, корабль пошёл бы ко дну.

«Но в сие время люди неприятельского корабля, — читаем в журнале русского флагмана, — выбежали все наверх на бак и на борты, поднимая руки кверху, кричали на мой корабль и просили пощады и своего спасения»¹.

Ушаков, прекратив бой, выслал вооружённые шлюпки для снятия с корабля команды. Со шлюпок были видны на «Капитании» страшные разрушения. Все три мачты были сбиты по самую палубу. Корпус разбит до крайности, и корабль заливало водой. От «влепившегося» в корму брандсгегеля распространялся большой пожар, быстро охватывавший весь корабль. Пока шлюпки приближались к кораблю, чудовищные языки пламени лизали уже борта и воду вокруг корабля, не давая подойти к нему. С большим трудом передовой шлюпке удалось снять лишь адмирала Саид-Бея, капитана корабля Мегмет-Дарие-Заим-Мустафу-Агу и ещё восемнадцать чиновников. Другие шлюпки не могли приблизиться к горящему и тонущему кораблю. Налетевший шквальный ветер ещё больше раздул пожар. В одно мгновение корабль превратился в огромный костёр, брызжащий во все стороны мириадами искр и застилающий всё вокруг густым едким дымом. Шлюпки поспешили уйти на соседние суда. Через короткое время огонь дошёл до кюйт-камеры², и страшной силы взрыв превратил остатки вражеского корабля в груды горящих щеп и обломков.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 326.

² К ю и т - к а м е р а — помещение на кораблях, в которых хранится порох и боеприпасы.

Корабль «Капитанья» был совершенно новый, только первый раз вышедший в море. Этот лучший корабль турецкого флота имел на вооружении крупнокалиберные медные пушки. Экипаж его состоял из восьмисот человек, которые почти все погибли в огне и при взрыве. Кроме двадцати человек, спасённых вместе с адмиралом, было поднято из воды державшихся на обломках ещё восемьдесят один человек. На корабле погибла «весьма знатная сумма» денег, составлявшая всю казну флота.

Второй турецкий корабль «Мелеки-Бахри», будучи отрезан, попытался спастись на мелях между Кинбурном и Гаджибеем. Однако бригадир Голенкин с кораблями настиг его, и турецкий капитан, видя безнадежность положения, сдался с командой без боя. Экипаж корабля состоял из шестисот пятидесяти человек, но в живых оказалось пятьсот шестьдесят человек¹.

Начинавшийся шторм не позволил Ушакову продолжать преследование турецкого флота, который находился далеко на ветре. К тому же на флагманском корабле «Рождество Христово» большим ядром была разбита фок-мачта, а на других судах имелись повреждения в рангоуте и снастях. Ушаков вернул из погони суда и пошёл на соединение с генерал-майором де Рибасом, который с Лиманской флотилией не принимал участия в бою, а «делал... разные движения, и тем неприятелю наводил страх и беспокойство»². Бросив якорь на гаджибейском рейде, Ушаков послал крейсера «в разные места» для обнаружения подбитых судов. Скоро был приведён турецкий лансон³ с двадцатью девятью людьми команды. На другой день были взяты в плен бригантина и пловучая батарея с большими пушками и сорока тремя людьми команды.

Турецкий флот потерпел очень тяжёлое поражение. Пожар и взрыв флагманского корабля на виду у всего султанского флота произвёл на турок подавляющее впечатление. Капудан-паша больше не помышлял о сопротивлении. На его кораблях все только и думали о том, чтобы поскорее уйти от грозного русского адмирала и

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 326.

² Там же, стр. 333.

³ Лансон — мелкое речное судно для перевозки войск.

его флота. Турецкий главнокомандующий Гуссейн поспешно бежал. Несколько дней он собирал свой флот у Калиакрии, а затем, несмотря на шторм, пошёл прямо в Константинополь¹. По пути турки потеряли ещё один линейный 74-пушечный корабль со всем экипажем и несколько мелких судов. Все они были сильно повреждены в бою и не выдержали шторма.

Таким образом, султанский флот в двухдневном сражении потерял три первоклассных линейных корабля и несколько мелких военных судов. На многих судах были сильнейшие повреждения. Огромными оказались и людские потери: 733 человека попали в плен, свыше 1 500 человек погибли в бою и утонули в море. Очень многие были ранены².

Потери русских были совсем ничтожны: убитых двадцать один человек, раненых двадцать пять.

Корабли и другие суда имели очень мало пробоин, больше пострадали паруса и рангоут.

Исключительные боевые успехи этого сражения объясняются зрелым флотоводческим мастерством Ф. Ф. Ушакова, который обеспечил русскому флоту тактические преимущества в бою. Ушаков умело использовал момент внезапности, атаковав противника тремя походными колоннами. Таким образом он не потерял времени на перестроение в боевую линию.

Угрозой отрезать арьергард Ушаков заставил отступавшего противника принять бой в невыгодных для себя условиях.

Выделив резервный отряд, он усилил авангард и нанёс мощный концентрированный удар по флагманским кораблям противника, чем дезорганизовал всю его линию и принудил к отступлению.

С другой стороны, победа была достигнута благодаря превосходной боевой подготовке и высоким моральным качествам личного состава флота.

Победа у острова Тендры очень обрадовала Потёмкина. Он назвал её знаменитой и предложил Черноморскому правлению вписать «сие достопамятное происшествие в журналы Черноморского адмиралтейского пра-

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 363.

² Там же, стр. 327 и 333.

вления, ко всегдашнему воспоминанию храбрых флота черноморского подвигов»¹.

В донесении Екатерине II о победе Потёмкин дал Ушакову восторженную характеристику: «Я не могу довольно описать храбрости, искусства и доброй воли командующего контр-адмирала и кавалера Ушакова»².

5 сентября пленённый корабль «Мелеки-Бахри» под надёжным конвоем отправился в Херсон для исправления. Но из-за глубокой осадки он не прошёл в херсонскую базу и был приведён в Севастополь. Здесь его починили, поставили семьдесят четыре пушки и назвали «Иоанн Предтеча». В будущую кампанию он участвовал в решающей битве с турецким флотом при Калиакрии.

6 сентября Ушаков снялся с якоря и через два дня с флотом прибыл на севастопольский рейд. По прибытии в гавань Ушаков объявил в приказе «наипризнательнейшую свою благодарность» личному составу флота «за храбрые подвиги» и в ознаменование победы приказал «выпалить» с флагманского корабля из пятидесяти одной пушки³.

Вместе с эскадрой пришли из Лиманской флотилии корабли «Навархия», «Вознесение Господне» и три фрегата — «Макроплия», «Федот Мученик» и «Григорий Великия Армении».

В Севастополе быстро устранили повреждения на судах, и эскадра снова была готова к боевым подвигам. На севастопольский рейд была вызвана ещё Таганрогская эскадра, состоящая из двух 46-пушечных кораблей и девяти мелких судов под командованием бригадир-капитана П. В. Пустошкина.

Несмотря на то, что турецкий флот сильно пострадал и ушёл в Константинополь, Потёмкин опасался появления его снова у Дуная, где Лиманская гребная флотилия участвовала в операциях вместе с сухопутной армией.

Для охраны подступов к Дунайскому гирлу Потёмкин приказал Ушакову вывести флот к устью Дуная.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 332.

² Там же, стр. 571.

³ Там же, стр. 334.

16 октября Ф. Ф. Ушаков с четырнадцатью кораблями, четырьмя фрегатами и двадцатью мелкими судами направился к Аккерману, «поспешая в соединение с лиманскою флотилиею». Пять фрегатов и другие суда остались охранять Севастополь. Флот шёл тремя колоннами в тесном строю. 19 октября он подошёл к Гаджибею. Здесь Ушаков узнал, что Лиманская флотилия под командой генерал-майора де Рибаса 18-го числа пошла к Аккерману. Флот направился туда же. На следующий день Ушаков получил сообщение, что флотилия ушла к Дунаю, куда направился на всех парусах и флот. Здесь Ушаков поставил корабли между сулинским и килийским рукавами и охранял флотилию, вступившую в борьбу с береговыми батареями, прикрывавшими вход в рукава Дуная, и турецкими речными судами.

Крейсерские суда Ушакова непрерывно вели разведку. Пребывание флота поздней осенью в открытом море становилось небезопасным.

31 октября Потёмкин приказал Ушакову пройти вдоль румелийского берега и посмотреть, нет ли где турецкого флота, после чего отправиться в Севастополь и заняться приготовлением судов к будущей кампании. Ушаков осмотрел побережье до мыса Калиакрии, нигде не обнаружив противника, и вернулся в Севастополь 14 ноября. В то время как Ушаков с флотом охранял подходы к Дунайскому гирлу, Лиманская флотилия помогала армии штурмовать крепости, расположенные в многочисленных рукавах Дуная. При активном участии флотилии были взяты крепости Тульча и Исакча с главными складами турецкой армии.

18 ноября флотилия подошла к первоклассной, сильно укрепленной крепости Измаилу и приняла активное участие в осаде и навеки прославленном суворовском штурме Измаила (11 декабря 1790 г.).

Следует отметить, что гребные суда флотилии оказались превосходно построенными и хорошо выдержали непогоду и все бои. Начальник гребной флотилии генерал-майор де Рибас в донесении Адмиралтейскому правлению писал: «Все суда гребной флотилии благополучно, в стройном порядке и без малейшего повреждения, вошли в Дунай. Бури, которые они перетерпели, проходя море, ясно доказывают крепость их состава, а сие свидетельствует полное искусство строителей оных, в чём и

имею долг отдать истинную справедливость»¹. Потёмкин предписал даже именовать флотилию «Черноморским гребным флотом»².

Падение первоклассной крепости Измаил, считавшейся в те времена неприступной, произвело удручающее впечатление на султана и его правительство. Великий визирь Гассан поплатился головой за это. На его место был назначен видинский паша Юсуф. По приказу султана из Архипелага в Константинополь привели несколько турецких судов под русскими флагами и объявили, что они якобы захвачены в плен в бою.

Приняты были жестокие меры против сторонников мира с Россией. В Константинополе если кто-нибудь, забывшись, произносил одно только слово «Измаил», то его немедленно схватывали и ссылали на галеры.

Несмотря на падение Измаила, Турция продолжала упорствовать и не соглашалась на заключение мира. Предложения о перемирии были отвергнуты Потёмкиным, который требовал: «мир или война».

Теперь, когда Швеция вышла из войны, а Англия и Пруссия в своей ставке на Турцию явно потерпели политическую неудачу, Екатерина ещё более стояла на своём.

«Я уверена, что ты... не упустишь случай последний к заключению мира, — писала она Потёмкину 29 августа 1790 г., — неужели... султан и турки не видят, что шведы их покинули, что прусаки, обещав им трактатом нас и венский двор атаковать в прошедшую весну им чисто солгали, с них же требовать будут денег за издержки, что вооружались; чего дураки ждать могут; лучше мира от нас не достанут, как мы им даём; а послушают короля прусского — век мира не достанут, по-неже его жадности конца не будет»³.

В конце сентября Екатерина указывала Потёмкину, что только победы русского оружия приведут к миру, ибо «не побив их турецкие союзники будут всячески торок от мира удерживать»⁴.

Несмотря на истощение страны, Порта под влиянием Англии и Пруссии собирала новые силы для продолжения войны.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 348, 357—358.

² Там же, стр. 372.

³ «Русская старина», 1876, кн. XII, стр. 425.

⁴ Там же, стр. 638.

Требовался ещё решительный удар по султанской армии и флоту, чтобы Турция признала своё окончательное поражение.

4. Разгром турецкого флота у Калиакрии

Весной 1791 г. международное положение России было очень напряжённым. В марте Англия и Пруссия договорились ультимативно потребовать от России выполнения всех их требований, в противном случае грозить объявить войну. Глава английского правительства Питт просил у парламента кредитов на войну с Россией и спешно вооружал в Портсмуте флот в тридцать шесть кораблей и двенадцать фрегатов для нападения на Кронштадт и Петербург¹.

Однако английская торгово-промышленная буржуазия, имевшая деловые связи с Россией и очень заинтересованная в обширном рынке сбыта, подняла бурный протест против войны. Буржуазная партия вигов решительно выступила в парламенте против военных планов Питта.

Русский посол в Англии С. Р. Воронцов предупредил Питта, что он будет всеми средствами «стараться, чтобы нация узнала» о намерениях, «столь противных её интересам», что он «убеждён в здравомыслии английского народа» и надеется, «что громкий голос общественного мнения заставит» его «отказаться от несправедливого предприятия»². Воронцов обратился к влиятельным членам парламента, бывшим в оппозиции к правительству, и настроил их против войны с Россией. Затем он составил «записки», в которых убедительно доказывал, что Питт ведёт Англию к «разорению посредством уничтожения её торговли» с Россией и «что всё это делается ради интересов её чуждых»³. «Записки» такого содержания были разосланы в такие, например, промышленные центры, как Манчестер, Лидс, Уекфильд и др. Под влиянием их прокатилась волна митингов протеста с требованием к парламенту унять Питта.

¹ А. Бриккер, Россия, Англия и Пруссия 1781—1791 гг., «Русский вестник», т. 193, СПб 1887, стр. 33.

² Там же, стр. 34.

³ Там же, стр. 36.

Кроме того, более чем в двадцати газетах печатались статьи соответствующего содержания. В Лондоне на стенах домов появились надписи мелом: «Не хотим войны против России».

Под влиянием общественного движения некоторые министры отошли от линии своего премьера. Питт, боясь серьёзного внутреннего кризиса, вынужден был признать себя побеждённым и отказаться от агрессивной политики по отношению к России¹. Готовый к походу флот был разоружён.

В мае князь Н. Репнин, принявший командование Дунайской армией, сообщая Ушакову некоторые известия из Стамбула, между прочим писал: «По настоящему обороту политических дел уповательно английский флот ни в Балтийское ни в Чёрное море не будет. Итак вам остаётся управляться только с одним турецким, с которым надеюсь вы скоро разделаетесь, и с тою же славою, которую вы уже себе приобрели»².

Турция, покинутая своими союзниками, оказалась в одиночестве.

К кампании 1791 года, в которой предполагалось окончательно разгромить турецкий флот, черноморские моряки под руководством Ушакова готовились упорно и тщательно.

Ещё в январе 1791 г. Потёмкин назначил контр-адмирала Ушакова членом Черноморского адмиралтейского правления, «в котором, — писал он Ушакову 11 января 1791 г., — вам и присутствовать когда отправляемое вами, при командовании флотом служение может позволить»³.

Таким образом, весь Черноморский флот с его многочисленными вспомогательными службами сосредоточился теперь в руках Ушакова.

В феврале 1791 г., уезжая в Петербург, Потёмкин секретным ордером поставил перед Ушаковым главную задачу: «Поручаю в. п. устремить все ваши силы и способности к скорейшему приготовлению флота... Я благонадежен на усердие ваше к службе, что всё будет исправлено в скорости»⁴.

¹ А. Бриккер, Россия, Англия и Пруссия 1781—1791 гг. «Русский вестник», т. 193, СПб 1887, стр. 37.

² «Материалы», ч. XV, стр. 387.

³ Там же, стр. 373.

⁴ Там же, стр. 374.

Действительно, все корабли, фрегаты и мелкие суда к маю были готовы выступить в море. Ещё в марте крейсерские суда начали разведывательные походы. Русские крейсера доходили до анатолийских берегов и приводили захваченные турецкие транспортные суда с пленными турками, от которых получали некоторые сведения о состоянии турецкого флота.

Турция мобилизовала последние резервы и пополнила Дунайскую армию. Селим III не терял надежды уничтожить русский флот. Из так называемых варварийских владений Турецкой империи были стянуты в Константинополь местные эскадры. Здесь развеивались флаги тунисцев, алжирцев, триполйцев и жителей албанского побережья — дульциниотов. Всё это были смелые и предприимчивые мореходы, умелые в нападениях на торговые корабли и прибрежные населённые пункты. Верховное командование флотом находилось в руках капудан-паши Гуссейна. В его распоряжении было восемь адмиралов. Среди них находился прославленный смелыми пиратскими набегами на Средиземном море храбрый алжирский паша Саид-Али.

На него султан возлагал большие надежды. В нём он хотел найти достойного противника «Ушак-паши». По дошедшим слухам, Саид-Али самоуверенно обещал султану привезти в Константинополь закованного в цепи непобедимого Ушакова.

Под флагом Гуссейна собралось восемнадцать линейных кораблей, семнадцать фрегатов и более сорока разных других вооружённых судов. Турецкое командование предполагало захватить русские суда в плен абордажем. Варварийские отряды хорошо владели этим видом боя.

Задержанный стягиванием сил и долгими сборами, сводный турецкий флот появился в Чёрном море лишь в начале июля 1791 г.

Севастопольский флот ещё в начале мая был готов выйти в море при первом появлении неприятеля. Он насчитывал пятьдесят четыре военных судна, из них шестнадцать линейных кораблей.

«Считая флот готовым к выходу в море, — писал Потёмкин Ушакову 11 мая 1791 г., — я сим предписываю тотчас вам выступить по прошествии весенних штормов... Направьте плавание к румелийским берегам, и если где найдёте неприятеля, атакуйте... Я вам препору-

чаю искать неприятеля где он в Чёрном море случится и господствовать на Чёрном море, чтобы наши берега были им неприкосновенны»¹.

В начале июля кубанский и кавказский корпуса под командованием генерала Гудовича осадили город и крепость Анапу. От пленных Гудович узнал, что осаждённые ждут прибытия турецкого флота себе на помощь. Об этом он сообщил Ушакову.

10 июля Севастопольский флот в числе шестнадцати линейных кораблей и двадцати девяти других судов вышел в море, держа курс на Керченский пролив, для «поисков неприятельского флота, оказавшегося в той стороне»².

На следующий день у мыса Айя, южнее Балаклавы, на востоке показалась небольшая группа неприятельских судов. Утром 12 июля появился и весь турецкий флот, состоявший из восемнадцати кораблей, семнадцати фрегатов и двадцати двух разных мелких судов³.

Противники достаточно сблизилась, чтобы, построившись в боевую линию, начать сражение. Но турецкий адмирал явно уклонялся от боя.

«От сего времени четыре дня сряду ходил я с флотом соединённо против онаго всегда в виду, в близком расстоянии, и прилагал всевозможное старание, дабы его атаковать и дать решительный бой, — доносил Ушаков Потёмкину. — Но когда я был на ветре, всегда он старался уклоняться от нашего флота и искал случай выигрывать ветер, но я всегда его во оном предупреждал дать с лучшею пользою баталию с ветра»⁴.

Так и не удалось Ф. Ф. Ушакову навязать турецкому флоту сражение. Он дважды с передовыми кораблями настигал противника и «принуждал строиться к бою». Но всякий раз большинство его кораблей отставало из-за тяжёлого хода настолько, что, по словам Ушакова, «день приходил уже к вечеру, а корабли нашего флота не все ещё были в собрании».

А тем временем неприятельский флот, обладая хорошими мореходными качествами, уходил далеко на юг.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 387.

² Там же, стр. 395, 396.

³ Там же, стр. 396.

⁴ Там же.

В четырёхдневной погоне за турецким флотом на некоторых русских судах от крепкого ветра, большого волнения и качки появилась течь, обнаружались поломки рангоута, снастей и другие «заметные повреждения». По наблюдениям Ушакова, турецкие корабли тоже имели «немалое повреждение». При таких условиях Ушаков не решался продолжать погоню. Находясь в девяносто пяти верстах от Балаклавы, он вернулся 18 июля в Севастополь, чтобы как можно скорее устранить неисправности и снова идти в море. «Почитаю, что он (противник — А. А.), будучи весьма в превосходных силах, ещё не умедлит возвратиться к нашим берегам для решительной баталии, чего и я со флотом нетерпеливо ожидаю, ибо сия баталия должна быть решительна», — писал Фёдор Фёдорович Потёмкину¹.

Генерал Гудович, пользуясь тем, что турецкий флот был отвлечён преследованием Ушакова и, наконец, ушёл на юг, усилил бомбардировку города и крепости. Утром 22 июля войска пошли на штурм и в жестоком бою взяли Анапу. Более восьми тысяч турок и черкесов погибли в сражении, много их утонуло в море. В плен попало свыше тринадцати тысяч человек.

На следующий день после падения Анапы на горизонте появился турецкий флот. Однако скоро на нём заметили, что Анапа находится в руках русских. Делать здесь было нечего, и турецкий флот ушёл к румелийским берегам.

Уход флота противника дал возможность генералу Гудовичу овладеть ещё одной приморской крепостью — Суджук-кале.

Отсутствием турецкого флота у дунайских берегов воспользовался и командующий Дунайской армией кн. Репнин. 27 марта были взяты город и крепость Мачина. Через несколько дней пал город Браилов. Здесь турки потеряли около четырёх тысяч человек. Разрушив крепость и другие укрепления, русские войска вернулись в Галац, и в течение двух месяцев не предпринимали решительных действий.

Визирь воспользовался передышкой и стянул в район Мачина, Браилова и Бабадага крупные силы. Под Мачином стал сам верховный визирь Юсуф-паша с восьми-

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 396, 397.

десятитысячным войском. Сюда подтянулись уцелевшие суда турецкой Дунайской гребной флотилии.

Потёмкин приказал Репнину уничтожить армию визиря при Мачине. 27 июня Репнин предпринял наступление четырьмя колоннами и на следующий день в кровопролитном шестичасовом сражении разбил армию визиря. Турки потеряли около пяти тысяч убитыми и в беспорядке бежали к Гирсову.

Русским досталось тридцать пять медных пушек и пятнадцать знамен.

Потеря Анапы и Суджук-кале и тяжёлое поражение под Мачином заставили султана и его диван подумать о мире. Верховный визирь запросил перемирия и вступил в переговоры с Репниным о мире. Но турки не спешили с подписанием предварительных условий мира. Их флот был ещё невредим и, хотя очень осторожно, искал случая или высадить десант в Крыму, или разбить русский флот. При таких условиях было бы легче добиваться почётно мира.

Ф. Ф. Ушаков, получив известия, что турецкий флот собрался в портах Румелии, 29 июля вышел в море с шестнадцатью кораблями, двумя фрегатами, двумя бомбардирскими судами, репитичным судном и семнадцатью крейсерами. Авангардом командовал капитан генерал-майорского ранга Голенкин, арьергардом — капитан-бригадир Пустошкин. Оба были храбрыми и талантливыми помощниками Ушакова. Вместе с ним они окончили Морской корпус, одновременно получили мичманские чины. Теперь они честно служили под начальством своего знаменитого товарища по корпусу.

К сражению Ушаков готовился внимательно, стараясь учесть условия боевой встречи с противником и возможность абордажного боя.

Из одиннадцати крейсеров во главе с лучшим фрегатом «Св. Марк» была создана резервная эскадра «для абордажей и прочих могущих быть надобностей». Количество людей на эскадре было увеличено¹. Кроме того, Ушаков выделил резервные корабли и фрегаты, которые предполагал бросить на опасные участки боя или создавать ими решающий перевес в силах в направлении своего основного удара.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 399, 400.

31 июля около двух часов дня на русских эскадрах заметили турецкий флот, стоявший на якоре в пяти милях от мыса Калиакрия под прикрытием большой береговой батареи. Здесь находилось восемнадцать больших кораблей, из них девять под адмиральскими флагами, десять больших и семь малых фрегатов и много других мелких судов. Всего семьдесят восемь боевых единиц¹. Ушаков тремя походными колоннами под всеми парусами решительно двинулся между берегом и судами противника и, несмотря на сильнейший огонь с батарей, отрезал турецкий флот от сообщения с берегом. Этим оригинальным и исключительно смелым манёвром флот Ушакова с самого начала занял очень выгодное положение (см. схему 5).

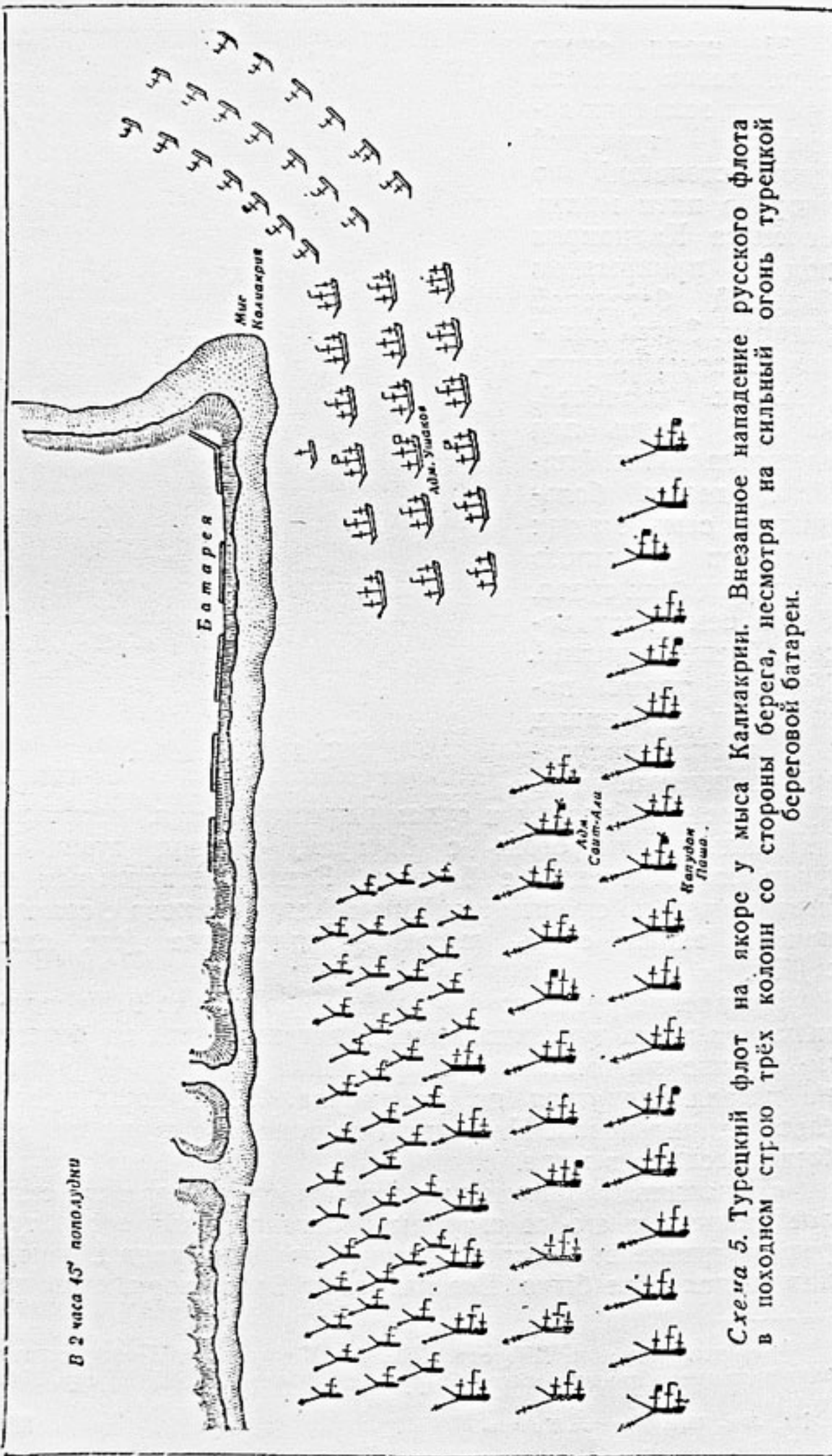
Появление русского флота было настолько неожиданным, что часть турецких команд, веселившихся на берегу по случаю магометанского праздника рамазан-байрама, не сумела вернуться на свои суда. Беспечность турок была удивительной. Ни одного сторожевого судна ими не было выслано в море.

«Нечаянный» приход русского флота, до дерзости смелое нападение его со стороны берега вызвали среди турок страшное замешательство. Никакой команды, никаких сигналов не было. Все наспех рубили якоря, ставили

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 400. А. Кротков, Последняя запись замечательных событий в русском флоте, СПб 1893, стр. 296.

С. А. Пустошкин.

В 2 часа 45' пополудни

Схема 5. Турецкий флот на якоре у мыса Калиакрии. Внезапное нападение русского флота в походном строю трёх колонн со стороны берега, несмотря на сильный огонь турецкой береговой батареи.

паруса и спешили как можно скорее вырваться в море. При этом некоторые турецкие корабли от крепкого ветра и спешки сталкивались, ломали друг другу мачты, бугшприты, рвали снасти и мяли борта.

Капудан-паша с несколькими кораблями бежал под ветер и неумело строил боевую линию, часто меняя галсы. Заметив эти движения капудан-паши, Ушаков, всё ещё находясь в походном порядке, энергично двинулся на него. Но опытный алжирский адмирал Саид-Али, успевший построить свою эскадру, увидел, какая опасность грозит Гуссейну; он быстро вышел на своём лёгком корабле «Капудание» вперёд и увлёк за собой весь турецкий флот. Таким образом была построена боевая линия на левом галсе.

Ушаков, не прекращая преследования, приказал сигналом спешно построиться в боевую линию параллельно неприятельскому флоту и двигаться на него «со всевозможной поспешностью» (см. схему 6).

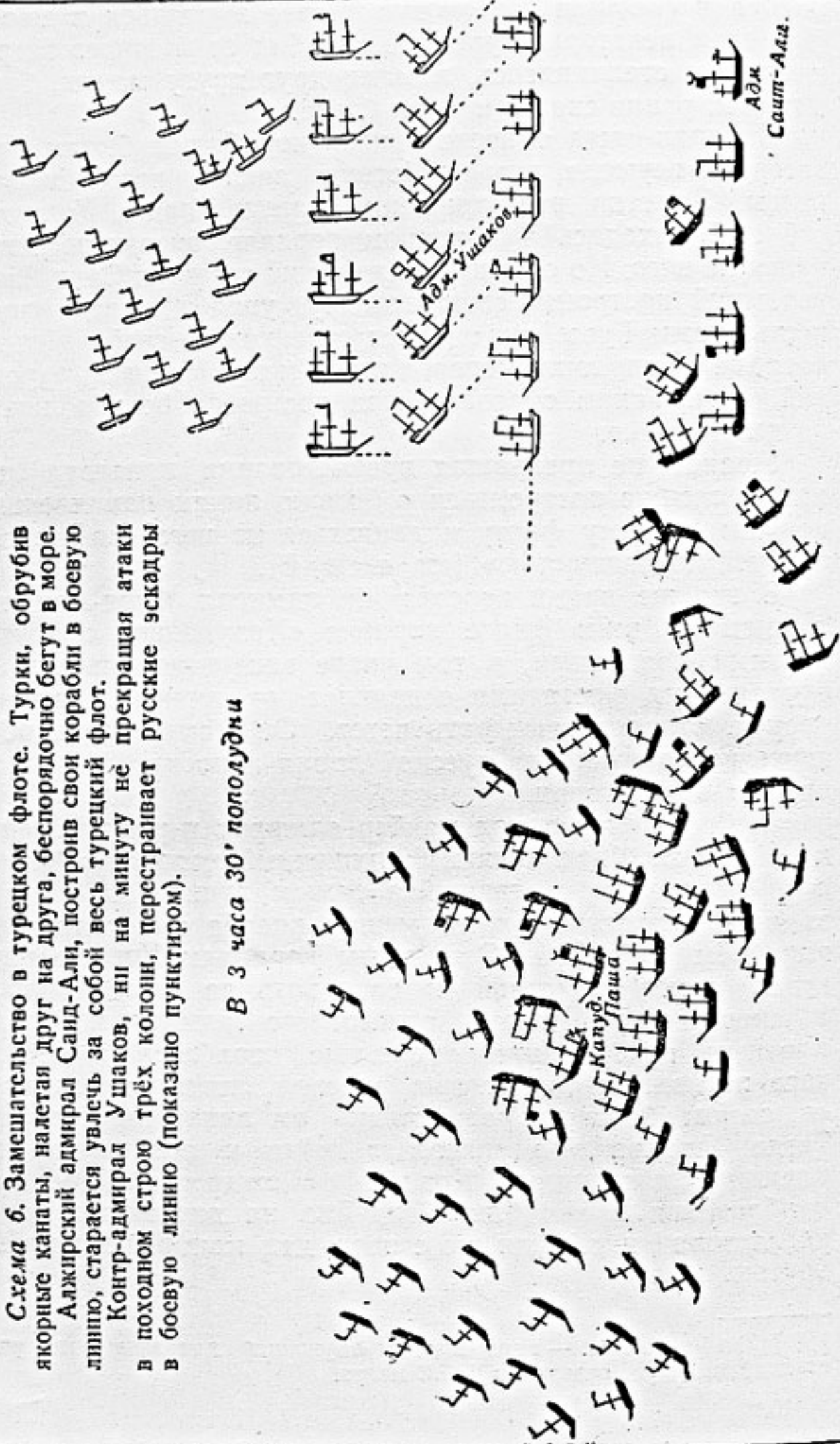
В это же время корсарский адмирал Саид-Али на лучшем во всём флоте корабле «Капудание» с двумя другими кораблями, в том числе вице-адмиральским, и несколькими фрегатами отделился от линии и вышел вперёд, стараясь выиграть ветер. Он намеревался обогнуть передовые суда русской линии и поставить их под огонь с двух сторон.

Ф. Ф. Ушаков понял манёвр алжирца и решил предупредить его. Флагманский 80-пушечный корабль «Рождество Христово», считавшийся самым лучшим и быстроходным в русском флоте, вышел вперёд и погнался за кораблём Саид-Али. Остальным кораблям Ушаков приказал сомкнуть строй и следовать за ним. Корабль Ушакова скоро догнал алжирского адмирала. Сзади плотным строем шли остальные корабли. В четыре часа пятнадцать минут дня русская линия находилась «в самом близком расстоянии» от линии противника. Тогда Ушаков дал сигнал подойти к неприятелю на ближнюю дистанцию. Корабль «Рождество Христово» приблизился к кораблю Саид-Али на дистанцию полукабельтова¹ и, обойдя его с носа, дал мощный залп всем бортом.

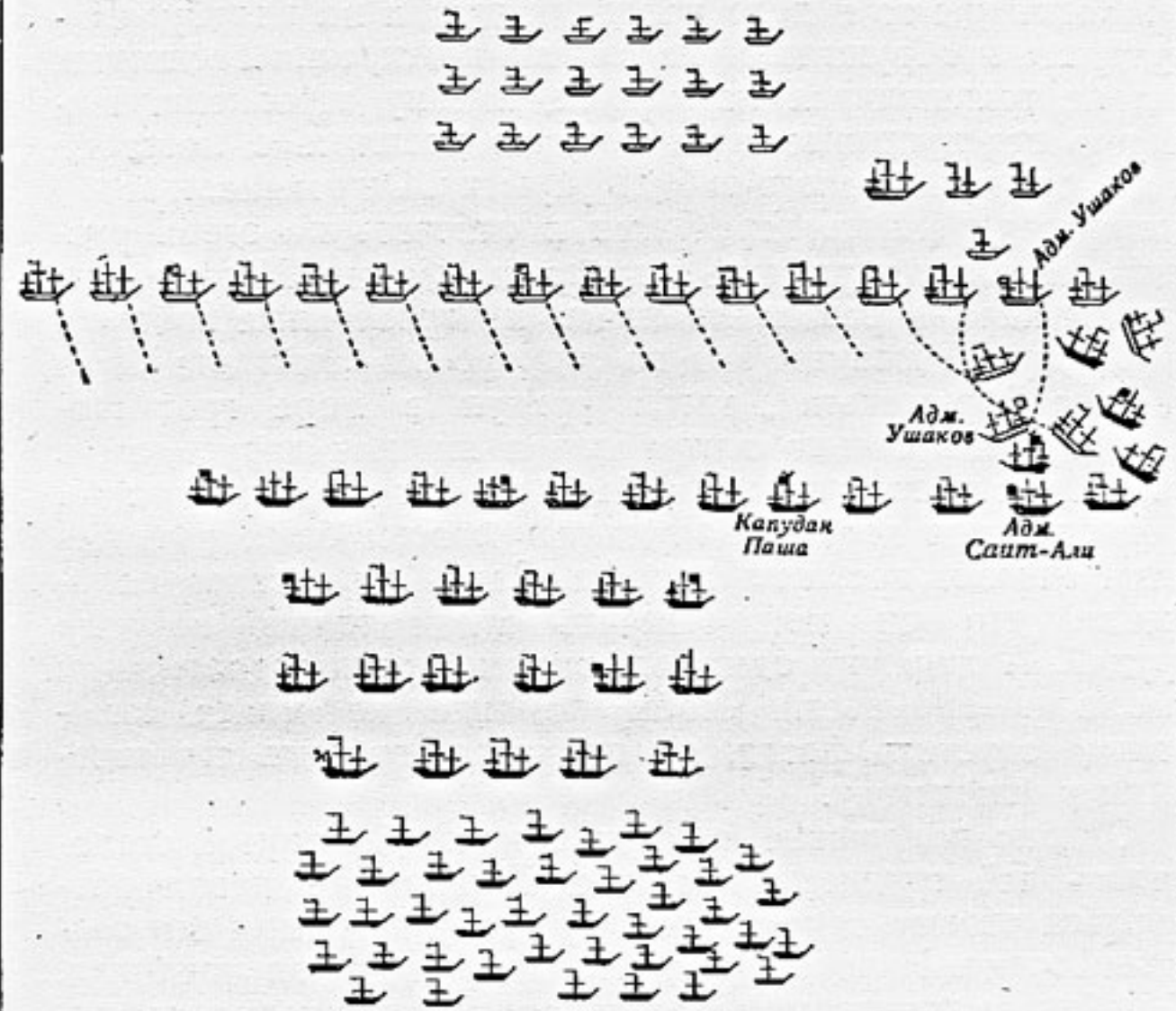
¹ Кабельтов — мера длины, служащая для измерения расстояний на море, равняется 185,2 метра.

Схема 6. Замешательство в турецком флоте. Турки, обрубив якорные канаты, налетая друг на друга, беспорядочно бегут в море. Алжирский адмирал Саид-Али, построив свои корабли в боевую линию, старается увлечь за собой весь турецкий флот. Контр-адмирал Ушаков, ни на минуту не прекращая атаки в походном строю трёх колонн, перестраивает русские эскадры в боевую линию (показано пунктиром).

В 3 часа 30' пополудни

В 5 часов пополудни

Схема 7. Сражение русского и турецкого флотов. Бой флагманского корабля Ушакова с алжирским кораблём Саид-Али. Атака русскими судами турецкой боевой линии (показано пунктиром).

Ушаков так был разгневан на Саид-Али за его хвастливое обещание привезти его скованным к султану, что гневно крикнул ему с юта¹: «Саид бездельник! Я отучу тебя давать такие обещания». При этом он погрозил хвастуну кулаком.

В пять часов вечера началось жаркое и решительное сражение (см. схему 7).

¹ Ют — кормовая часть верхней палубы судна.

Разбить флагманский корабль, уничтожить его или заставить уйти из линии боя — этот излюбленный тактический приём Ушакова был применён им и на этот раз.

Канониры то и дело наводили пушки на палубу «Капудание» и обрушивали на головы алжирских десантных солдат, толпившихся на палубе, лавину шрапнели. На смерть перепуганные люди безумно носились с места на место в поисках какого-нибудь укрытия. Они мешали своей команде управлять кораблями и отвечать на огонь русских. В клочья рвались паруса и снасти. Меткие выстрелы ядрами разбивали мачты и корабельные корпуса.

В первые минуты боя на алжирском флагмане была снесена фор-стенга¹, затем рухнул в море грот-марсель². Очень сильно пострадали и нижние паруса, да и «в прочих частях корабль был разбит до крайности». Позолоченная корма «Капудание» совсем была разворочена. Ушаков поставил корабль Саид-Али в такое положение, что он мог отвечать огнём только носовых орудий. Алжирский адмирал, видимо, решил драться до последней крайности. Чтобы команда не могла самовольно спустить флага, он приказал прибить его гвоздями к флагштоку.

Однако положение корабля с каждой минутой становилось всё труднее и опаснее. Ушаков не давал опомниться своему самоуверенному врагу и громил его безостановочно. Наконец, Саид-Али не выдержал поединка. С побитым корпусом и растрёпанными парусами он повернул в середину турецкой линии и закрылся от опустошительного огня русских артиллеристов.

Ф. Ф. Ушаков остался доволен первым успехом боя. По всей линии было видно, как успешно действовали русские корабли против нестройной линии противника, как метко расстреливали его в упор ядрами и картечью.

На выручку Саид-Али пришли во главе с вице-адмиралом два корабля и два фрегата. Они почти окружили корабль Ушакова, мешая ему преследовать «Капудание».

Алжирский вице-адмирал зашёл вперёд и открыл огонь из кормовых орудий по флагману «Рождество

Христово». Второй корабль противника подходил с левого борта, а фрегаты его расположились с правого.

Ушаков вызвал к себе передовые корабли «Александр», «Иоанн Предтеча» и «Фёдор Стратилат». Они, приняв сигнал, поспешили к своему адмиралу. А тем временем команда корабля «Рождество Христово», воодушевлённая личной храбростью своего любимого адмирала, неотступно руководившего боем с открытого мостика, напрягала все силы и с двух бортов безостановочно стреляла по противнику. Не выдержав русского огня, корабли алжирского вице-адмирала с «немаловажным повреждением» поспешили укрыться в строю турецких кораблей, открыв таким образом подбитый корабль Саид-Али.

Ушаков приказал пришедшим к нему на помощь кораблям попытаться окружить уходившие передние турецкие корабли. Сам он на корабле «Рождество Христово» погнался за уходившим в середину своей линии кораблём Саид-Али, «дабы его не отпустить». Ворвавшись в строй турецкой линии, Ушаков открыл сильный огонь по кораблю Саид-Али и ближайшим к нему неприятельским судам. Следуя сигналу Ушакова, передние русские корабли тоже врезались в турецкую линию.

Появление русских кораблей в середине турецкого строя привело турок в сильнейшее замешательство. Их корабли один за другим уходили из линии, перемешивались и «друг друга били своими выстрелами».

Поражение турецкого флота стало совершенно очевидным. Ободрённый успехом, русский флот «всею линией передовыми и задними кораблями совсем его окружил, — писал в рапорте Потёмкину Ушаков, — и производил с такою отличною живостью жестокий огонь, что повредя многих в мачтах, стеньгах, реях и парусах, не считая великого множества пробоин в корпусах, принудил укрываться многие корабли один за другого, и флот неприятельский при начале ночной темноты был совершенно уже разбит до крайности, бежал оборотясь к нам кормами, а наш флот, сомкнув дистанцию, гнал, и беспрерывным огнём бил его носовыми пушками, а которым способно и всеми лагами»¹ (см. схему 8).

¹ Фор-стенга — деревянный брус, продолжающий переднюю мачту.

² Грот-марсель — второй снизу парус на средней мачте.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 401—402. Лаг — в данном случае борт корабля.

После трёх с половиной часов упорного сражения победа над султанским флотом была полной. Преследование беспорядочно уходящего неприятеля было настойчивым и успешным. Ушаков принимал меры, чтобы отрезать часть кораблей и взять их в плен.

Только случайность спасла турецкий флот от полного уничтожения. В половине девятого вечера внезапно переменился ветер и быстро стемнело. Турецкие корабли один за другим исчезали из вида в ночной темноте и сгустившемся от выстрелов дыму. Скоро совсем заштилело, паруса окончательно повисли. Русский флот лёг в дрейф. Течением разносило суда в разные стороны. Через некоторое время подул ветер с северо-запада. Уходящий флот противника оказался на ветре. Ушаков повернул свой флот и в 12 часов ночи поспешно пошёл в направлении, куда исчез флот противника. Он надеялся при рассвете 1 августа увидеть турецкие корабли. Утром в 6 часов с салинга¹ едва были заметны мачты турецкого флота, уходящего под ветром в Босфор.

Ушаков, прибавив парусов, старался нагнать противника и уничтожить его, даже если бы для этого понадобилось войти в пролив и идти к самым стенам Константинополя. Но неожиданно северный ветер усилился до степени шторма. Некоторые корабли имели серьёзные повреждения в стенах, реях и парусах. У корабля «Александр Невский» от подводных пробоин образовалась «великая и опасная течь». С горечью пришлось оставить преследование и искать укрытия для исправления повреждений.

У мыса Эмине флот бросил якорь и немедленно приступил к устранению повреждений.

Через два дня все следы боя на судах были ликвидированы: подводные пробоины «исправлены благонадежно», разбитые стены, реи и салинги заменены новыми. «Флот мне вверенный состоит в хорошем состоянии», — рапортовал Ушаков Потёмкину².

Здесь же были подведены итоги потерям, которые оказались совсем небольшими: семнадцать убитых и двадцать восемь человек раненых на всём флоте.

¹ С а л и н г — рама, надеваемая на мачту для укрепления стены, служила местом для наблюдения.

² «Материалы», ч. XV, стр. 402.

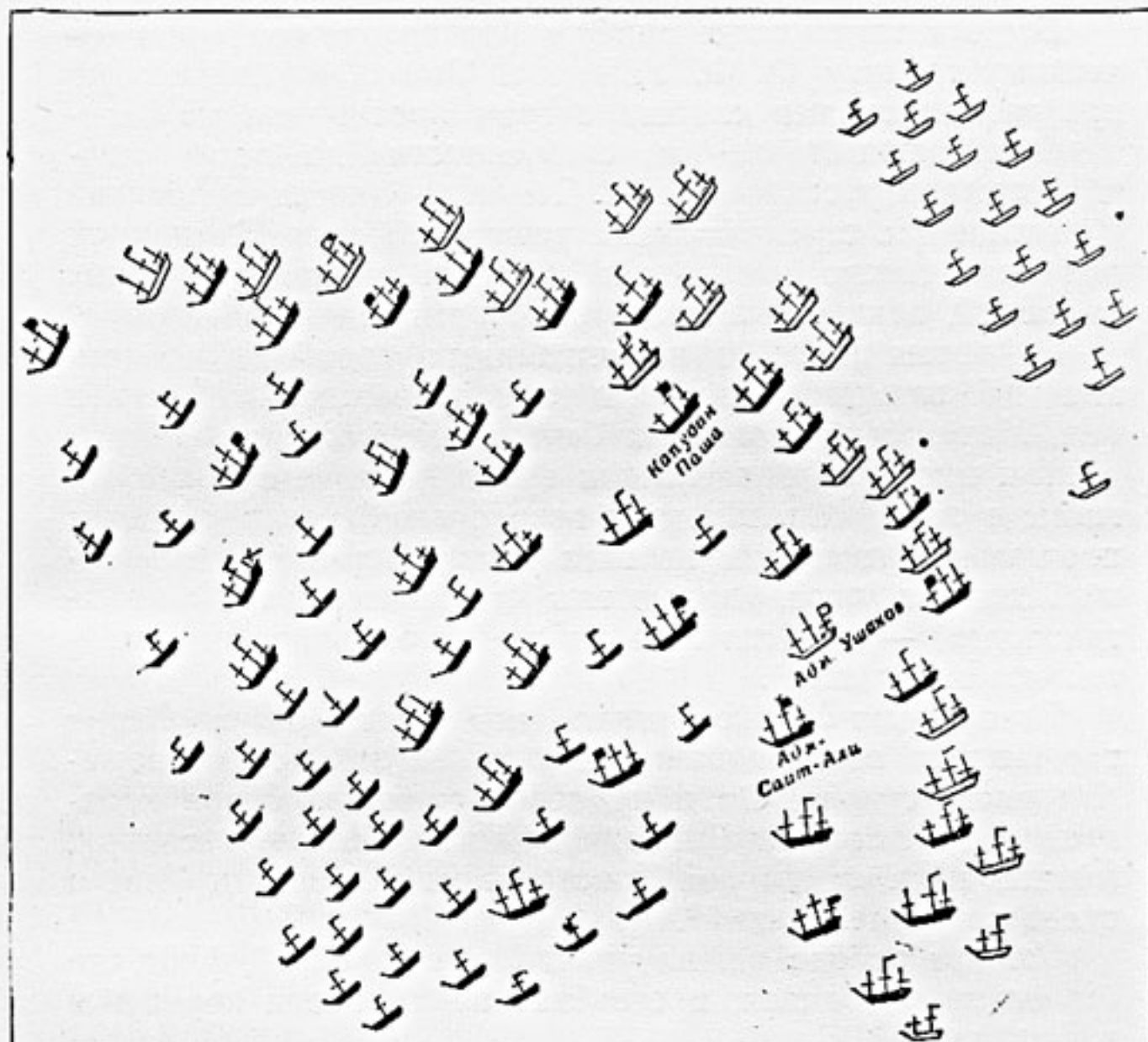

Схема 8. Полное поражение турецкого флота, спасающегося бегством.

Русские корабли, ворвавшись в середину турецкого боевого строя, преследуют противника.

Флагманский корабль Ушакова старается настигнуть корабль Саид-Али и громит его из пушек.

Корабль командира авангарда Голенкина преследует корабль капудан-паши.

Малые потери русских объясняются исключительной быстротой и смелостью действий всех судов флота, до дерзости смелым и неожиданным выбором направления атаки, большой маневренностью отдельных кораблей в боевой линии и нанесением сокрушительных ударов по решающим объектам противника — флагманским кораблям — с предельно короткой дистанции.

Все эти тактические приёмы боя принадлежали творческому таланту Ф. Ф. Ушакова. Они основывались на прекрасном знании слабых сторон противника, на великолепной подготовке и слаженности действий личного состава русского флота. Такая тактическая новизна в сочетании с стремительным темпом была неожиданной даже для такого бывалого и опытного практика морских сражений, каким был алжирский адмирал Саид-Али.

Во время починки повреждённых кораблей посланные на разведку крейсера в сопровождении фрегата «Св. Марк» у румелийских берегов разбились, потопили и сожгли много неприятельских судов. Четыре судна были взяты в плен. «Словом, при всех оных берегах таковым поражением жителям во всех местах нанесён величайший страх и ужас, уповаю тож чувствуемо и в Константинополе», — доносил Ушаков в Черноморское адмиралтейское правление¹.

От пленных Ушаков узнал, что будто бы в Варне укрылась от преследования алжирская эскадра «в немалом числе судов». Он немедленно снялся с якоря и отправился с флотом к Варне, чтобы истребить эту эскадру, а затем идти «к стороне Константинополя искать флот и судов неприятельских»².

Ушаков твёрдо решил уничтожить турецкий флот, где бы он ни находился, и серьёзно намеревался ворваться в Босфор.

Кто знает, как бы прошла эта весьма опасная операция, но в Константинополе ждали появления флота неукротимого «Ушак-паши» с неописуемым ужасом.

Турецкий флот, потерпев страшное поражение, несмотря на двойное превосходство в количестве судов и огневой мощи, бежал к своим берегам. Некоторые его корабли были до того избиты, что при наступившем крепком ветре пошли ко дну. Другие еле-еле дотянули до берега Анатолии и Румелии. Капудан-паша Гуссейн, боясь ответственности за поражение, долго не давал о себе знать.

Только Саид-Али со своей алжирской эскадрой с трудом достиг Босфорского пролива и ночью подошёл к Константинополю. На алжирском флагмане «Капуданне»

имелось свыше четырёхсот пятидесяти человек убитых и раненых. Корабль был так повреждён в подводной части, что начал тонуть, сигнализируя о бедствии пушечной стрельбой.

Оглушительный грохот выстрелов под самым сералем ночью поднял весь город. Жалкий вид разбитых, с оборванными парусами и такелажем алжирских судов, множество убитых и изувеченных в командах, неизвестность, что стало с капудан-пашой и остальным его флотом, — всё это произвело удручающе тяжёлое впечатление на население столицы, султана и его диван. И если до сих пор были колебания в подписании условий мира, то после победы русского флота при Калнакрин султан погнал гонцов к визирю с предписанием немедленно заключить мир.

«Контр-адмирал Ушаков весьма кстати Селима напугал», — писала Екатерина Потёмкину¹.

Никто не сомневался теперь, что неутомимый противник вот-вот появится у стен столицы. Такие предположения, как мы видели, были небезосновательны. Храповицкий по этому поводу записал в дневнике, что турки поспешили подписать мир и остались «довольны тем, что князь (Потёмкин — А. А.) теперь Ушакова остановить должен, но доказано, что возможность есть идти прямо в Константинополь»².

8 августа Ушаков подходил к Варне, готовясь напасть на неприятеля. Вдруг были замечены две кирлангичи, отделившиеся от берега и смело идущие прямо на русский флот. Навстречу им вышли крейсера. Скоро в сопровождении их кирлангичи подошли к борту флагмана и передали Ушакову известие Репнина о подписании перемирия и приказ прекратить военные действия и возвратиться к своим портам.

Больше делать было нечего. Ушаков, пройдя вдоль румелийского берега до Дуная, 20 августа вернулся с флотом в Севастополь.

После сражения под Калнакрин Турция вынуждена была признать полное и окончательное поражение своего флота на Чёрном море и тщетность попыток возвратиться северное Черноморское побережье.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 405.

² Там же, стр. 403.

¹ «Русская старина», кн. XII, стр. 651.

² Дневник А. В. Храповицкого, стр. 372.

Отныне на юге соотношение военно-морских сил изменилось в пользу России. С победой при Калиакрии русский флот стал господствовать на Чёрном море.

Благодаря огромной энергии Ф. Ф. Ушакова на Чёрном море был создан боеспособный военно-морской флот. Невысокое качество кораблей возмещалось в бою точными, быстрыми и хорошо слаженными действиями экипажей и особенно высоким мастерством канониров.

Переговоры с Турцией о мире тянулись долго. Потёмкин требовал уплаты контрибуции в 12 миллионов пиастров, признания за Россией Очакова и земель от Буга до Днестра. Турки под влиянием интриг английского посланника Энсли и особенно прусского Дица, тщетно пытавшихся сорвать переговоры, медлили с подписанием мира.

Потёмкин не дожидаясь заключения мира, 5 октября 1791 г. он внезапно скончался на пути из Ясс в Николаев. Для ведения переговоров был назначен А. А. Безбородко, который успешно повёл переговоры, закончившиеся 29 декабря 1791 г. подписанием в Яссах мирного договора.

Ясский мирный договор подтвердил постановления Кучук-Кайнарджийского трактата, признал присоединение Крыма и Тамани к России и передал России Очаков и все земли до Днестра.

Таким образом, четырёхлетняя война 1787—1791 гг. закончилась окончательным и прочным утверждением царской России на всём северном Черноморском побережье от Кубани до Днестра, приобретением права держать военно-морской флот в Чёрном море и проводить торговые корабли через проливы Босфор и Дарданеллы.

Чёрное море перестало быть «турецким озером», вместе с приобретением необходимого для России выхода к морским путям на юге были утверждены и обеспечены исконно русские границы.

Глава седьмая

Ф. Ф. УШАКОВ И СТРОИТЕЛЬСТВО ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ПОСЛЕ ЯССКОГО МИРА

По окончании войны флот вернулся в Севастополь. Предстояли большие работы. Почти все корабли нуждались в капитальном ремонте. Однако плодотворная деятельность Ф. Ф. Ушакова на флоте после Ясского мира была чрезвычайно затруднена. К управлению Черноморским флотом, используя свои связи при дворе, вернулся вице-адмирал Н. Мордвинов. За ним потянулись его сторонники.

Это были адмиралы старой школы, погрязшие в рутине, убеждённые противники нововведений на флоте. С косностью Мордвинова, Войновича, де Рибаса и других Ушакову, как мы видели, приходилось бороться ещё в 80-х годах. И вот теперь Мордвинов снова оказался во главе Черноморского флота, став непосредственным начальником Ушакова.

Однако Мордвинов бессилён был отнять или хотя бы умалить славу Ушакова.

Обойтись без него он тоже не мог. Не было в русском флоте тогда равного Ушакову по опыту, знаниям и таланту.

В ходе борьбы за Чёрное море флот сыграл исключительную роль. Несмотря на большие финансовые затруднения во время войны, Потёмкин изыскивал средства и удовлетворял нужды флота. После Ясского мира мате-

риальное положение Черноморского флота сильно ухудшилось.

Назначенный в августе 1793 г. главным правителем Екатеринославской губернии и Таврической области Платон Зубов, хотя и обещал всемерную поддержку флоту, на деле же мало заботился об его укреплении.¹ Отпущенные по бюджету денежные средства Черноморское адмиралтейское правление получало очень неаккуратно. За три года, с 1792 по 1795, государственное казначейство не додало Черноморскому флоту 8 394 360 рублей².

Мордвинов, чтобы досадить Ушакову, отпускал ему из полученных сумм самое незначительное количество денег и создал в Севастопольском флоте такое положение, что зимой 1795—1796 гг. нечем было кормить матросов. Екатерина II потребовала от Мордвинова объяснения, «от чего сие последовало» и почему этот «недостаток не был отвращён заблаговременно»?³ Мордвинов оправдывался ссылками на общие трудности после войны.

Ф. Ф. Ушаков смело обличал Мордвинова в невнимании к нуждам Севастопольского флота и не раз заявлял, что благодаря ему «флот противу прежнего упадает и приходит в ветхость»⁴. Это было тем более недопустимо, что в конце 1792 г. из Константинополя стали поступать известия о подготовке турецким адмиралтейством флота «в знатном количестве судов» якобы для усмирения восставших вассалов в Египте и других местах Оттоманской империи. На самом же деле Порты замышляла внезапно напасть на черноморские порты и истребить в них русский флот. «Хотя и не можем почитать сего за основательное по слабости и истощению турков от войны для них бедственной, — писала Екатерина в секретном указе Мордвинову 23 ноября 1792 г., — не меньше однакож находим благовременно принять надлежащую осторожность и поставить себя в полную готовность не токмо к ограждению подобных покушений, но и к обращению оных в вящий собственный вред туркам распространением на водах и твёрдой земле наших успехов»⁵.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 482.

² Там же, стр. 438.

³ Там же, стр. 477.

⁴ Там же, ч. XVI, стр. 155.

⁵ Там же, ч. XV, стр. 426.

Екатерина II потребовала от Мордвинова, не ожидая присылки денег, местными средствами привести парусный и гребной флоты в исправность, «дабы отнюдь не быть неготовыми против неприятельских намерений». Она предписывала Мордвинову принять меры к усилению защиты портов и особенно Севастопольского.

Общее руководство строительством укреплений на юге поручалось А. В. Суворову. Он тогда был назначен главнокомандующим войсками Екатеринославской губернии и Таврической области.

Тревога за безопасность границ на юге не проходила. Русский поверенный в делах в Генуе Лизакевич сообщал, что Французская буржуазная республика, с целью помешать участию Екатерины II в контрреволюционной коалиции, склоняла Порту вступить в союз с Францией и объявить войну России, обещая выделить эскадру из десяти кораблей и пяти фрегатов для совместных действий в Чёрном море¹.

В это время Ушаков находился в Петербурге. Екатерина II вызвала его в столицу на короткое время, желая посмотреть на черноморского героя, стяжавшего себе и флоту громкую военную славу. Она увидела в нём строгого, слегка угрюмого и неразговорчивого моряка, корабельные пушки которого куда красноречивее говорили, чем он сам. Хотя Ушаков был принят ласково, но в Петербурге он долго не задержался. В мае 1793 г. Ушаков вернулся в Севастополь к своему любимому флоту.

2 сентября 1793 г. Екатерина II за исключительные военные заслуги произвела Ф. Ф. Ушакова в вице-адмиралы, оставив его в прежней должности командующего Севастопольским флотом и начальника порта.

Возвратившись в Севастополь, Ушаков получил от русского поверенного в делах в Константинополе полковника Хвостова письмо, в котором сообщалось о засылке капудан-пашой шпионов в черноморские порты, а также о том, что в Константинополь беспрестанно прибывают войска, которые спешно отправляются в Анапу, Измаил, Браилов и Варну для исправления и укрепления крепостей. Туда же посланы были недавно прибывшие из

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 428, 429—431.

Франции четыре инженера¹. Эти данные Ушаков сообщил Мордвинову. Для борьбы с шпионажем были приняты срочные меры.

Помимо военного шпионажа, дворянско-крепостническое правительство Екатерины II особенно боялось распространения в армии и флоте революционных настроений. Поэтому принимались строжайшие меры к пресечению малейшей агитации в войсках и среди населения. Гражданское население, жившее в районе Севастопольского военного порта и Адмиралтейства, было выселено².

Напряжённая международная обстановка заставила срочно укреплять Черноморский флот. В первую очередь были приняты меры к увеличению личного состава. Зимой 1793 г. по указу Екатерины II в Черноморский флот были отправлены из Адмиралтейств-коллегии 123 лейтенанта и мичмана, 209 шкиперов, подшкиперов, штурманов, боцманов и «другого корабельного звания чинов», 1 400 старослужащих матросов «первостатейных и второстатейных, каждого по равному числу», около 90 лекарей, подлекарей и лекарских учеников.

Военной коллегии было приказано отправить во флот из артиллерийских команд в канониры и бомбардиры 500 человек и 2 400 человек для пополнения морских батальонов³. Такое пополнение личного состава значительно укрепляло морские силы на Чёрном море.

Принимались меры и к строительству новых кораблей и замене старых и малонадёжных. Екатерина II поставила перед Мордвиновым задачу всеми способами увеличить флот на Чёрном море до тридцати линейных кораблей⁴.

Угроза нарушения Турцией мира не проходила. Наоборот, в начале 1794 г. такая опасность возросла ещё больше.

«Угрожение войною от вероломной Порты Оттоманской явилось со дня заключения мира, — говорилось в указе на имя вице-адмирала Мордвинова. — Теперь делают они наивеличайшие усилия поставить нам твёрдые препоны и сильно вооружаются для поражения напада-

тельною войною, в намерении и сухим путём и водою нечаянно напасть на пределы областей наших»¹.

Положение, отмечалось в указе, может ещё ухудшиться, если Турция узнает об изгнании в конце 1793 г. войсками Французской республики контрреволюционных отрядов и английского флота из Тулона, а также о победах якобинцев над австрийской армией на Рейне².

Екатерина требовала от Мордвинова, чтобы к маю 1793 г. Черноморский флот был готов к выходу в море на случай выступления Турции. Она поставила Ушакову боевую задачу — в случае войны предупредить турецкий флот и не дать ему соединиться, так как часть его кораблей обычно находилась в константинопольских портах, а другая в черноморских. Для этого рекомендовалось закрыть выход из Босфора и истреблять неприятеля по частям³.

Осуществление таких операций было под силу только Ушакову. Это учитывала Екатерина II, с этим вынужден был считаться и Мордвинов.

После окончания войны Ф. Ф. Ушаков много внимания и сил затратил на поддержание флота в боеспособном состоянии. При исключительно скудном отпуске денег он всё же ухитрялся чинить суда, часто расходуя на это свои личные деньги. Севастопольский флот мог выйти в море при первой необходимости.

В середине мая 1794 г., согласно указу Екатерины II, Ушаков вышел на севастопольский рейд, по словам Мордвинова, «во всей своей силе, с крепкими, слабыми и с ветхими кораблями», но вооружёнными по военному времени. Флот насчитывал двадцать линейных кораблей и фрегатов и четырнадцать вспомогательных судов⁴.

Русской дипломатии удалось всё же удержать турецкое правительство от военного выступления против России, однако Черноморский флот оставался на рейдах.

Лишь одну эскадру, состоявшую из пяти кораблей, десяти фрегатов и четырёх других судов, Ф. Ф. Ушаков вывел в море для «обучения практике и эволюции».

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 434—436.

² Там же, стр. 459.

³ Там же, стр. 430, 431.

⁴ Там же, стр. 443.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 443.

² Там же.

³ Там же, стр. 444.

⁴ Там же, стр. 454—456.

Во флот прибыло много новых офицеров и рядовых, нужно было научить их по-ушаковски управлять судами и вести бой. Ушаков с присущей ему тщательностью и методической последовательностью принялся за обучение и совершенствование личного состава своего флота.

Приказы, изданные им 17 июля 1794 г. по случаю выхода в море для «экзерциции»¹, являются скорее инструкциями, заключающими в себе краткое изложение важнейших правил эволюции² флота, выработанных долгой практикой Ушакова и проверенных в многократных победоносных сражениях.

Важнейшие ушаковские правила действия кораблей сводились к следующему. Командиры судов всегда должны стараться «по удобности» быть ближе к кораблю командующего, при этом не мешать друг другу и избегать столкновений. Сигналы флагмана должны исполняться в «ту же самую минуту неотложно, как скоро какой сигнал поднят будет».

Никогда не ожидать сигнала о прибавке парусов, «лучше иметь их излишнее число нежели недостаток».

Никогда не убирать парусов раньше, чем корабль придёт на свое место. Лишь после этого «сделать всякую сноровку к остановлению хода». Особенно это важно для задних кораблей или «упавших под ветер».

По сигналу «прибавить парусов» ставить паруса «полным числом», а если не будет нужды нести все паруса, то их можно через три-пять минут подобрать.

При всякой эволюции или ордере нижние паруса не должны быть закреплены, «дабы в одну минуту исполнение можно было ими учинить».

Эскадры, идущие колоннами, должны соблюдать «умеренную дистанцию». Особенно передовая надветренная или подветренная колонна должна «иметь осторожность быть всегда в своих местах безотлучно». Остальные колонны обязаны выравниваться по передовой, соблюдать дистанцию между кораблями не далее ста сажен друг от друга.

При параллельном спуске колоннами «начинать исполнение всем вдруг». Ушаков требовал всегда стараться

быть ближе к передовым кораблям, «не распространяя дистанцию». Но при отставании задних кораблей, «ежели они идучи в своих местах под всеми парусами ходом успевать не могут», то «их должно несколько ожидать», чтобы «не весьма разорвать линию». Но если же корабли отстали, не поставив во-время «довольного числа парусов», то «таковых ждать нельзя», их следует «с неудовольствием принуждать сигналами» поспешить занять свои места.

Ф. Ф. Ушаков строго требовал от командиров кораблей быстрого и чёткого выполнения всех приказов. «Не есть уже эволюция ежели исполнение начинается медлительно, или неполным видом»¹.

«Краса исполнения эволюции и приятный вид есть в том, когда весь флот в различном движении, и с тем видом, что всякий спешит исполнить ему должное в полном виде как надлежит»².

Ушаков давал на исполнение сигнала пять минут. Но затем, «ежели кто-либо по двум или трём понуждениям окажется ещё не исполнительным, всякое такое излишество взыскано будет штрафом непременно», — предупреждал он командиров кораблей.

Относительно обучения и тренировки матросов Ушаков также был строг и требователен. От командиров судов он требовал постоянных занятий с матросами, всегда приучать их к быстрому и ловкому беганью по снастям при креплении или отдаче парусов. Для «моциону заставляя матросов бегать через салинг». Отдачу и прибавку парусов Ушаков требовал довести тренировкой до «отменной скорости».

Ушаков настойчиво и последовательно добивался «приучить людей к скорому и красивому управлению каждого дела»³.

Пробыв в море с эскадрой около двух месяцев «в разных движениях», Ушаков остался очень доволен учебными манёврами. В приказе по флоту он писал: «Всё то, что в коротком времени можно было приобрести, успели с довольным и хорошим успехом». Он объявил офицерам и матросам «за рачительное и прилежное

¹ Экзерциция — упражнение, обучение.

² Эволюция флота — передвижение, перестраивание, развёртывание строя, вообще манёвры, маневрирование.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 466—467

² Там же, стр. 469.

³ Там же, стр. 468.

исполнение каждого по своему долгу признательность и удовольствие»¹. Особенно он остался доволен канонирами. «Экзерциция пушечною пальбою в боевых линиях произведена исправно и в лучшем виде и положении», — отмечал он в приказе 7 августа 1794 г.²

Кроме боевой подготовки офицеров и матросов, руководства сложными и трудоёмкими работами по ремонту и килеванию судов почти после каждого выхода в море, Ушаков уделял много внимания устройству быта черноморских моряков. Он всегда заботился о сохранении здоровья матросов. Тяжёлая морская служба на парусных и гребных судах, постоянные изнурительные работы на берегу, не всегда свежая и доброкачественная пища, особенно во время походов в море, — всё это вызывало частые заболевания среди матросов и солдат. Поэтому первой заботой Ушакова было устройство госпиталя и налаживание лечебного дела.

Сразу же после ухода Войновича из Севастополя Ушаков приступил к строительству госпиталя на триста коек и привёл в порядок старые, сильно запущенные госпитальные помещения. Военные обстоятельства не могли отвлечь Ушакова от этого важного дела. Уходя с флотом на боевые операции, Ушаков не забывал давать указания о наблюдении за строительством госпиталя и заботливом уходе за больными.

«Если найдутся свободные люди, — писал он капитану Доможирову в приказе от 30 июня 1790 г., остававшемуся начальником порта, — не оставьте вспомоществовать старанием вашим о построении новой госпитали и о поправлении старых, имейте старание о сбережении больных служителей сходно с предписанием от меня об оном сделанным»³.

Благодаря заботам Ушакова на высоком берегу Южной бухты, напротив города, было выстроено светлое двухэтажное каменное здание госпиталя на триста коек. Рядом с ним находились казармы для госпитальных служащих.

Внимательно следил Ушаков и за содержанием больных в госпиталях. Он часто посещал их и давал чёткие указания по устранению замеченных недостатков.

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 471—472.

² Там же, стр. 471.

³ Там же, стр. 310—311.

Однажды, осматривая госпитали, он обнаружил большую смертность больных от поносов благодаря тому, что «в содержании пищи и питье состоят некоторые недостатки». Он немедленно приказал конторе Севастопольского порта «для лучшего содержания больных» отпустить достаточно пшеничной муки на варку киселя и выпечку булок. Других больных Ушаков распорядился кормить свежими продуктами, покупая «на варение шей капусту и прочее, что необходимо нужно» и вообще всемерно стараться «о здоровье служителей»¹.

Проводивший обследование Севастопольского порта по специальному указанию Павла I в 1797 г. контр-адмирал Карцов отметил в своём докладе, что госпиталь «бельём и прочими надобностями снабжён достаточно, больные пользуются и содержатся с рачением»².

Хорошая организация лечебного дела в морских госпиталях Севастополя была исключительной заслугой Ф. Ф. Ушакова.

Под неослабным наблюдением Ушакова для корабельных экипажей были построены каменные одноэтажные сухие и чистые казармы, покрытые черепицей. По берегу порта были воздвигнуты многочисленные здания Адмиралтейства, мастерских и магазинов, где хранилось всевозможное корабельное имущество. На берегу против каждой стоянки кораблей были сделаны площадки для складывания артиллерии и рангоута в случае разоружения судов.

Много усилий пришлось затратить на сушку низких берегов Корабельного и Киленбаночного заливов, чтобы избавиться от нездоровых испарений застоявшейся воды. Низины были засыпаны, а берега укреплены камнем. До этого, например, в заливе, где килевались суда, — отсюда он и получил название Киленбаночный — через каждые три дня приходилось менять рабочих, так как никто не мог выдержать удушливых миазмов, ядовитой волной ползущих из болот. Теперь возле Киленбанка находилось много мастерских и магазинов.

Корабли и прочие суда всегда стояли у своих причалов в большом порядке. По отзыву инспектора Карцова,

¹ «Материалы», ч. XV, стр. 336.

² Там же, ч. XVI, стр. 87.

все суда содержались «чисто и с возможною бережливостью»¹.

Тот же Карцов в своём донесении писал:

«Строение сих казарм и корабельных магазинов и отделка берега делается корабельными служителями без всякой от казны платы и с небольшим пособием казённых материалов»².

Много сделал Ушаков также для снабжения Севастополя водой, в которой постоянно чувствовалась нужда. Под его наблюдением от горных источников были проложены водопроводные трубы, во многих местах открыты колодцы и т. п.³.

Порт и город Севастополь при Ушакове очень отстроились. Многие офицеры и адмиралы обзавелись собственными домами, а некоторые и небольшими усадьбами с виноградными садами и огородами. Ушаков также выстроил себе просторный дом, который не раз закладывал под заём денег на нужды флота. Офицеры, не имевшие собственных домов, размещались в казённых.

По указанию Ушакова был организован частный перевоз через бухту, устраивались рынки, прокладывались дороги. В одной из балок недалеко от порта разбили сад для городских гуляний. В бывшем доме адмирала Мекензи открылся театр.

После смерти Екатерины II 6 ноября 1796 г. и вступления на престол Павла I в управлении Черноморским флотом произошли некоторые перемены. Адмиралтейское правление было подчинено Государственной Адмиралтейств-коллегии. Теперь каждый начальник порта получал повеления в рескриптах за подписью Павла и посылал ему лично все донесения по своему учреждению.

Мордвинов остался главным командиром Черноморского флота и портов, а Ушаков — командующим Севастопольским флотом и начальником порта.

1 января 1798 г. Павел ввёл новые штаты для флотов. На Чёрном море положено было иметь три 100-пушечных, девять 70-пушечных и три 66-пушечных корабля; шесть 50-пушечных и четыре 36-пушечных фрегатов; два бомбардирских судна и два катера.

¹ «Материалы», ч. XVI, стр. 87

² Там же.

³ Там же, ч. XV, стр. 480.

Гребной флот также усиливался. В 1797 г. Черноморский флот имел боеспособных два 84-пушечных, пять 74-пушечных и пять 66-пушечных линейных кораблей, одиннадцать 50- и 46-пушечных фрегатов и пятнадцать разных военных вооружённых судов. Кроме того, имелось шесть транспортов¹.

По новым штатам предполагалось качественно улучшить артиллерию и вооружить суда крупными калибрами.

Ушаков, всегда непримиримо относившийся к несправедливостям, особенно касавшимся службы и флота, и твёрдо отстаивавший своё мнение или предложения, продолжал бороться с зазнавшимися бюрократами Черноморского правления во главе с Мордвиновым, несмотря на его покровителей в Адмиралтейств-коллегии.

В 1796 г. между обоими вице-адмиралами разгорелся конфликт, который живо характеризует, как трудно было Ушакову бороться с рутинной и консерватизмом, отстаивая интересы любимого флота.

В 1796 г. Ушаков провёл испытания двух 74-пушечных кораблей новой конструкции «Захарий и Елизавета» и «Св. Пётр», построенных в Херсоне по чертежам, одобренным Херсонским адмиралтейским правлением и его руководителем Мордвиновым.

Ушаков дал подробную характеристику недостатков новых кораблей. Он указывал на неудобство сплошной второй палубы, где «шканцы с баком соединены», так как при стрельбе дым на верхней палубе дольше задерживается, чем в открытых кораблях, и мешает ведению огня. Он отмечал также, что оба корабля при свежем ветре «от валкости» сильно наклоняются и поэтому во время боя батареи нижней палубы стрелять не смогут. При поворотах корабля оказались «медленнее других»². В заключение Ушаков рекомендовал подобных кораблей не строить. Свои замечания, подтверждённые капитанами, он передал через Черноморское правление на рассмотрение Адмиралтейств-коллегии.

Однако Мордвинов и члены Адмиралтейского правления не посчитались с компетентным мнением Ушакова и заложили ещё два таких же корабля.

¹ «Материалы», ч. XVI, стр. 146—148.

² Там же, стр. 196—197.

В это время приехал на юг для инспектирования флота контр-адмирал Карцов. Он, познакомившись с материалами испытаний на месте, осмотрел корабли и согласился с мнением Ушакова.

Павел I, узнав об отрицательном отзыве Ушакова о новых кораблях, 17 мая 1797 г. приказал испытать их во время практического плавания эскадры под руководством Ушакова и о результатах «неукоснительно рапортовать».

С 1 июня по 3 августа 1797 г. эскадра из пяти кораблей, в том числе двух испытываемых, и двух фрегатов под флагом вице-адмирала Ушакова плавала между Севастополем и Одессой. Два месяца Ушаков изучал поведение новых кораблей в открытом море и при разных условиях погоды. После этого он ещё более убедился, что конструкция судов неудачна.

Мордвинов и члены Черноморского правления и на этот раз не согласились с мнением Ушакова и написали об этом в Адмиралтейств-коллегию.

Несмотря на тщательную проверку всех качеств новых кораблей в условиях, приближённых к боевым, Адмиралтейств-коллегия предложила Мордвинову, к этому времени получившему чин полного адмирала, произвести испытания под своим личным наблюдением. В мае 1798 г. на севастопольском рейде Мордвинов испытал остойчивость¹ новых кораблей при тихой погоде и на якорях. Испытания в таких условиях показали, по мнению Мордвинова, «весьма удовлетворительные результаты». С таким заключением адмирала «согласились» присутствовавшие «флагманы и капитаны». Ушаков возражал против искусственных условий испытания, указывая, что он испытывал корабли в открытом море и при разных условиях погоды. Но с его мнением не посчитались, и в Петербург пошли тенденциозно составленные материалы, обвинявшие Ушакова в пристрастном заключении.

Мордвинов мог торжествовать дешёвую победу. Павел I, выслушав его рапорт, признал, что «по опытам корабли те оказались лучшими», а поэтому «должно заключить, что протесты о неудобности кораблей сих со

¹ Остойчивость — способность судна плавать в прямом положении и выпрямляться после наклонения.

стороны вице-адмирала Ушакова последовали неосновательны по каким-либо личным ссорам»¹.

Самым обидным и незаслуженным для Ушакова было то, что Павел I велел указать ему, безусловно честному и беззаветно преданному долгу службы, чтобы впредь «всякая личность была отброшена, где идёт дело о пользе службы, и по одной токмо частной ссоре не замешивать казённых дел и таковыми вздорными представлениями не обременять правительства»².

Ободрённый успехом, Мордвинов, находясь на флагманском корабле перед уходом эскадры в море, при докладе Ушакова о «неучтивстве» капитана Сенявина в присутствии офицеров «вместо удовлетворения» сделал ему жестокий выговор за то, что «будто бы он с подкомандующими своими не умеет обходиться и жестоко с ними поступает и что не достоин выполнить высочайшую волю и повеление»³.

Удручённый неслыханно грубым, несправедливым и оскорбительным отношением Мордвинова, Ф. Ф. Ушаков написал Павлу I письмо, в котором подробно изложил историю дела с испытаниями кораблей, а также давнишнюю ненависть к нему Мордвинова за то, «что во время прошедшей войны перед двумя старшими перед ним (Мордвиновым и Войновичем. — А. А.) определён был начальствующим по флоту и черноморскому правлению»⁴.

«Ревность и усердие о сохранении интереса вашего императорского величества, — писал он царю, — с некоторого времени подвергли меня гневу и негодованию моего начальника (Мордвинова. — А. А.) ... Смерть предпочитаю я легчайшею несоответственному поведению и бесчестному служению; подчинённые усумнятся во мне в доверенности и надежде; военная дисциплина и субординация придут в упадок; кто защитит меня, не имущего покровительства...» В заключение он просил разрешения на приезд в Петербург, чтобы «объяснить лично о состоянии тех двух кораблей»⁵.

Трудно сказать, чем бы кончилась эта затянувшаяся ссора двух адмиралов, одного с большими связями, а дру-

¹ «Материалы», ч. XVI, стр. 244—245.

² Там же, стр. 245.

³ Там же, стр. 325.

⁴ Там же.

⁵ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 200.

того знаменитого лишь своими боевыми делами, если бы не понадобились военный талант и боевой опыт Ушакова. Международная обстановка потребовала от Севастопольского флота выполнения сложных военно-политических задач, которые были по плечу только одному вице-адмиралу Ушакову.

Павел I передал жалобу Адмиралтейств-коллегии для формального разбора, которая и затеяла обычную канцелярско-бюрократическую переписку по этому делу. Ф. Ф. Ушакову же была поручена ответственная экспедиция в Средиземное море, прославившая его и русский флот на весь мир.

Глава восьмая

ЭКСПЕДИЦИЯ УШАКОВА В СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

1. Военно-политическая обстановка в конце 90-х годов XVIII в.

Победа буржуазной революции во Франции вызвала глубокое беспокойство в правящей верхушке крепостнической России. Екатерина II смертельно боялась проникновения революционных идей в Россию, и весь последний период её царствования характеризуется усилением реакции внутри страны и активной борьбой против революционной Франции на международной арене. С первых дней революции Екатерина призвала европейских монархов к контрреволюционной интервенции против Франции. Однако сама она не смогла послать русскую армию на восстановление пошатнувшегося, а в 1792 г. и рухнувшего королевского трона. Помешали ей сделать это войны с Турцией и Швецией, а после заключения мира дипломатические комбинации вокруг Польши, закончившиеся, как известно, ликвидацией её как самостоятельного государства и подавлением восстания Костюшко. Вначале Екатерина II субсидировала французских белоэмигрантов. Затем она поддерживала создание союза реакционных держав, возглавляемого Англией.

После подавления восстания Костюшко Екатерина II готовилась поддержать вооружённой рукой контрреволюционную коалицию против Французской буржуазной республики, армия которой заставила Голландию, Пруссию,

Испанию и другие государства одно за другим выйти из коалиции и заключить мир. Войну продолжали лишь Англия и Австрия.

Смерть помешала Екатерине II отправить против революционной Франции уже подготовленную шестидесяти-тысячную армию.

Зато внутри страны Екатерина успела обрушиться на подавление в стране передового общественного движения. Первый русский революционный демократ А. Н. Радищев и замечательный просветитель Н. И. Новиков стали жертвами усилившейся реакционной политики самодержавия. Вспыхивавшие то там, то тут в огромной помещичье-дворянской державе крестьянские восстания подавлялись с неслыханной жестокостью.

Екатерина II, а затем её сын Павел I широко распахнули двери империи перед многочисленными французскими белыми эмигрантами и, в первую очередь, перед родственниками казнённого короля и его придворной челядью. Гостеприимный приют перепуганной революцией феодальной своры сопровождался огромными пенсиями, субсидиями и тому подобными расходами, средства для которых беспощадно выколачивались с трудящихся.

С вступлением на престол Павла I реакция в стране ещё больше усилилась. В то же время революционно-освободительные войны французской революции стали перерастать в захватнические и грабительские. Внешняя политика французской буржуазии, нажившейся на крупных спекуляциях во время войны, была направлена к дальнейшим завоеваниям и превращению захваченных стран в источник наживы.

По предложению талантливого генерала Бонапарта, Директория приняла план нанесения удара английской империи со стороны Индии, важнейшей её колонии. В первую очередь решено было перехватить средиземноморские английские колониальные коммуникации с Индией.

Весной 1798 г. в Тулоне, Марселе и других французских портах Средиземного моря торопливо вооружался флот, снаряжались транспортные суда, концентрировались войска экспедиционного корпуса для переброски в Египет и Малую Азию. Тридцатитысячную экспедиционную армию возглавил Бонапарт.

Цель экспедиции держалась в строжайшей тайне. Чтобы дезориентировать заинтересованные государства и особенно Англию, огромный флот которой вошёл в Средиземное море и наблюдал за французскими портами, специальные агенты Бонапарта распускали ложные слухи. По одним сведениям, готовилось вторжение Франции на Британские острова, по другим — Франция собиралась высадить войска на Балканах, заключить союз с Турцией, ввести флот в Чёрное море и напасть на Россию.

Подобные вести разносились по Европе, и, естественно, среди монархических правительств, ненавидевших революцию, вызывали большую тревогу. Павел I решил активно бороться против Директории. Он вступил с Англией в союз и, по требованию последней, в мае 1798 г. отправил на помощь английскому флоту Балтийскую эскадру из десяти линейных кораблей и трёх фрегатов под командованием вице-адмирала Макарова. В августе отправилась в Англию другая эскадра из пяти кораблей под начальством контр-адмирала Карцова.

В России с самого начала 1798 г. знали о подготовке во Франции какой-то большой экспедиции, но определить направление её не могли. Очень вероятным казался союз Директории с Турцией, так как Франция в течение ста лет поддерживала союзные отношения с Портой.

Поэтому вторжение французского флота в Чёрное море с согласия Турции и совместное нападение их на русские границы представлялось весьма возможным, что заставляло русское правительство принимать меры предосторожности на юге.

В это время пришли известия, что Порта подготовила флотилию судов и собирается отправить её под видом борьбы с восставшим виддинским пашой Пассван Оглу на Дунай. Там же концентрировалось большое количество войск.

Обеспокоенный этими известиями, Павел I указом от 4 февраля 1798 г. предписал Мордвинову привести Черноморский флот в боевую готовность.

Ф. Ф. Ушакову повелевалось вооружить двенадцать линейных кораблей и больших фрегатов с соответствующим числом вспомогательных судов и быть готовым выйти в море при первом известии о появлении в Чёрном море турецкого флота. Для охраны побережья от Керченского пролива до о. Тендры были посланы крейсерские суда.

Гребной флот также приводился в готовность. Днепровская гребная эскадра под командованием контр-адмирала Пустошкина должна была «оберегать от сюрприза» берега от Одессы до Овидиополя, а эскадра Днепровского лимана — от Одессы до о. Тендры.

С самой ранней весны Ф. Ф. Ушаков готовился встретить противника, с какой бы стороны моря он ни показался.

В начале апреля пришли новые известия, что французская эскадра якобы уже появилась в Мраморном море. 9 апреля Ушаков получил указ Павла I о немедленном выходе в море для крейсирования между Севастополем и Одессой¹.

Через две недели Ушакову приказывалось «стараться наблюдать все движения как со стороны Порты, так и французов, буде бы они покусились войти в Чёрное море или склонить Порту к какому-либо покушению»². О всех новых данных относительно турецкого и французского флотов Павел требовал от Ушакова немедленных донесений нарочным лично ему в Петербург.

Войска на юге с весны тоже подготавливались для немедленного похода к границам в случае необходимости³.

Павел I настолько серьёзно опасался появления Бонапарта на Черноморском побережье, что 13 мая 1798 г. снова отправил рескрипт Ушакову с указанием, как действовать против французов, если бы они вошли в Чёрное море.

«Как скоро получите известие, что французская эскадра покусится войти в Чёрное море, то немедленно сыскав оную, дать решительное сражение, и мы надеемся на ваше мужество, храбрость и искусство, что честь нашего флага соблюдена будет». Если бы французская эскадра оказалась «гораздо превосходнее» русской, то в таком случае Ушаков должен поступать, как «требует долг и обязанность» и «всеми случаями воспользоваться к нанесению вреда неприятелям»⁴.

К началу июля 1798 г. в Петербурге стало известно, что огромный французский флот, состоявший из 30 линей-

ных кораблей, 11 фрегатов и 48 других военных судов, прикрывая 300 транспортов с войсками, 19 мая внезапно покинул Тулон и пошёл на юг, вероятно, к турецким владениям. Павел I не знал тогда ещё о захвате французами 12 июня о. Мальты, принадлежавшего ордену иоаннитов, магистром и покровителем которого он тогда считался.

В Петербурге предполагали, что Бонапарт направится к берегам Порты. Это позволило русскому правительству конкретно оценить возможность нападения французского флота на Россию со стороны Чёрного моря.

Павел I через своего посла в Константинополе В. С. Томару предложил султану Селиму III помощь флотом и сухопутными силами для защиты его империи от «зловредных намерений Франции». Он был вполне уверен, что Селим III примет его предложение. И, не ожидая сообщений о согласии, 25 мая приказал Ушакову «немедленно отправиться в крейсерство около Дарданеллей» (имелся в виду Босфорский пролив). Оттуда Ушаков должен был послать лёгкое судно в Константинополь к Томаре с известием, что он имеет повеление оказывать Порте помощь «где бы то ни было» всеми силами эскадры. По получении от Томары сообщения о требовании Блистательной Порты помощи Ушакову предписывалось «тотчас следовать и содействовать с турецким флотом противу французов, хотя бы то и далее Константинополя случилось»¹.

Ушаков получил указ 4 августа, будучи с эскадрой в Севастополе, и немедленно стал готовиться к такому ответственному и серьёзному походу.

На следующий день Павел I послал указ и генералу Гудовичу, который назначался командующим армией, предназначавшейся для оказания помощи Порте на суше.

Конечно, Павел I намеревался помогать Порте не из каких-либо чувств симпатии к Селиму III или из желания защитить его империю. Он хорошо понимал, что, где бы ни высадился Бонапарт на турецкой территории, рано или поздно Турецкая империя попадёт под его влияние и французы окажутся в Константинополе, на Чёрном море, Балканах, Кавказе и т. п. Следовательно, с ними при-

¹ «Материалы», ч. XVI, стр. 224.

² Там же, стр. 232.

³ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 20

⁴ «Материалы», ч. XVI, стр. 239.

¹ «Материалы», ч. XVI, стр. 250.

дётся столкнуться неизбежно, но тогда в очень невыгодных условиях. Поэтому, рассуждали в Петербурге, не лучше ли заранее предотвратить подобные события привлечением на свою сторону Порты и совместной борьбой с Бонапартом.

В то время как диван обсуждал предложения Павла I, произошли события, которые окончательно раскрыли планы Бонапарта и заставили Порту, не колеблясь, принять помощь России, ещё недавно считавшейся её злейшим врагом.

Бонапарту удалось обмануть английского вице-адмирала Нельсона, сторожившего французские порты. Выйдя из Тулона 19 мая, он более сорока дней лавировал в Средиземном море, скрываясь в туманах, и 1 июля, не замеченный английским флотом, бросил якорь в дельте Нила. Высадив 36-тысячную армию на берег, Бонапарт захватил город Александрию и повёл стремительное наступление на Египет. Скоро почти весь Египет был завоеван, невзирая на то, что Нельсон, наконец, обнаружил французский флот, ушедший у него прямо из-под носа, погнался за ним и в сражении при Абукире 21 июля (1 августа) почти полностью уничтожил его.

Известия о высадке французов в Египте пришли в Петербург 7 августа 1798 г. В это же время Павел узнал и о захвате Бонапартом Мальты. Он воспринял это как вызов. Хотя непосредственной угрозы русским границам и не было, однако Павел I и его правительство понимали, что, завоевав Египет и Сирию, Бонапарт может овладеть Константинополем и проливами. Нужно было принимать срочные меры.

«Получил сегодня известие, — писал Павел I Гудовичу в указе от 7 августа 1798 г., — о завоевании французами Александрии и о намерениях начальника их Бонапарта распространить действия свои в области, Порте подвластные, обращая виды свои на Мекку, Медину и самый Иерусалим»¹.

Одновременно с этим было получено сообщение Томары о решении султана просить «деятельнейшей помощи... противу врагов всех царств и разрушителей всеобщего порядка». «Быв уже давно готовы к таковому содействию и предвидя гибель Порты, — говорилось

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 31.

в указе Гудовичу, — решились мы дать повеление нашему вице-адмиралу Ушакову идти на помощь туркам и действовать в Средиземном море с ними соединённо или же с английским флотом противу французских сил»¹.

Тогда же получил указ и Ушаков. В нём подтверждалось повеление от 25 июля «следовать немедленно к Константинопольскому проливу». В указе устанавливался район действия русской эскадры в Средиземном море, который должен был распространяться не далее Египта, Кандии, Мореи и Венецианского залива, «смотря по нужде и обстоятельствам»².

Павел I предупреждал Ушакова, чтобы он не входил в проливы, не получив через Томару заверения Порты о свободном пропуске русского флота назад в Чёрное море³.

В то время в России не было ни одного адмирала, который мог бы соперничать с Ушаковым в боевом опыте и славе. Весь Восток и вся Европа ещё помнили о его черноморских победах. В Турции имя «Ушак-паши» стало легендарным.

В течение одной недели Ушаков снарядил эскадру всем необходимым для выполнения ответственного задания.

В средиземноморском походе во всём блеске расцвёл флотоводческий гений Ушакова, а слава русских моряков навеки вошла в мировую историю.

13 августа 1798 г. эскадра из шести линейных кораблей, семи фрегатов и трёх мелких судов под флагом вице-адмирала Ушакова, имея запас морской провизии на четыре месяца, покинула Севастополь и взяла курс к румелийским берегам. Ушаков поднял свой флаг на 84-пушечном корабле «Св. Павел».

По свидетельству Егора Павловича Метаксы, участника экспедиции, описавшего её в своих «Записках», все корабли эскадры были лучшие в Черноморском флоте, а офицеры и матросы — отборные. «Все они не один раз бывали в деле, — читаем в «Записках» Метаксы, — большая часть из них... воспитана и обучена была самим

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 31.

² «Материалы», ч. XVI, стр. 253.

³ Там же.

адмиралом»¹. Среди капитанов находились Д. Н. Сенявин, И. А. Селивачёв, Е. Сарандинаки, А. П. Алексано, И. А. Шостак, А. Сорокин и др.

Общее число пушек на всех судах составляло 792, а общее число людей на эскадре — 7 406 человек. Десантных войск вовсе не было. Только 1 700 морских солдат находилось на судах на случай абордажа².

«В запас и в осторожность» Павел I велел вооружить резервную эскадру под командованием контр-адмирала Овцына. Задачей этой эскадры было «наблюдать за всем происходящим на Чёрном море, имея в особом внимании Крымские берега»³.

С дороги Ушаков послал в Константинополь к послу Томаре судно с запросом относительно пропуска русской эскадры в проливы. 23 августа Ушаков подошёл к Босфорскому проливу и крейсеровал в ожидании известий от Томары.

На следующий день было получено письмо от Томары, в котором Ушаков извещался о том, что войти в Босфор можно.

В тот же день Ушаков вошёл в пролив и бросил якорь в военном порту Буюк-дере⁴, в двадцати пяти верстах от Константинополя.

В турецкой столице с нетерпением ждали прибытия эскадры под командованием непобедимого «Ушак-паши». Толпы народа усеяли берега пролива и с огромным любопытством рассматривали русский флот, восторженно приветствуя русских моряков, так недавно ещё разгромивших в нескольких сражениях султанский флот, а теперь явившихся как союзники и друзья.

Успехами Бонапарта в Египте турки были не на шутку перепуганы и страшно обижены на своих старых «друзей», оказавшихся такими вероломными.

Узнав о подходе русской эскадры, Порты 22 августа объявила войну Франции и по своему обычаю бросила посланника её, Рюфена, в Семибашенный замок

¹ «Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы...». Рукопись, Рукописный отдел Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, стр. 8.

² Там же, стр. 8, 10—11.

³ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 31.

⁴ Буюк-дере — предместье Константинополя, летняя резиденция султана и послов при султанском дворе. Здесь же была и база турецкого флота.

Дарданелльский пролив.

(Едикуль). В Константинополе были разгромлены французские дома и посольство.

Как только эскадра стала на якорь, обменявшись салютами с крепостями, на борт флагманского корабля явился посол Томара и долго беседовал с Ушаковым, информируя его о настроениях дивана. Скоро к Ушакову явился придворный чиновник от великого визиря с обычными восточными поздравлениями о счастливом прибытии флота и передал ему «в знак благоприятия» много цветов и свежих припасов для эскадры.

По окончании взаимных церемоний и визитов начались совещания относительно будущих совместных действий. 28 августа состоялось совещание у великого визиря. На нём присутствовали Ушаков и Томара, с одной стороны, великий визирь, рейс-эффенди, великий драгоман¹ и ряд турецких морских чиновников — с другой стороны. При деятельном участии Ушакова совещанием было решено соединёнными силами освободить в первую очередь от французских войск бывшие венецианские острова в Ионическом море и острова, прилегающие к Морее, не допускать французских десантов из Анконы на Балканское побережье, а крейсерством от Морен до

¹ Рейс-эффенди — турецкий министр иностранных дел. Драгоман — переводчик.

о. Родоса прикрывать Архипелаг, не теряя из виду и о. Кандию.

На этом совещании Турция согласилась выставить шесть линейных кораблей, десять фрегатов и корветов и тридцать мелких вспомогательных судов. Верховное командование соединёнными эскадрами передавалось вице-адмиралу Ушакову. Командующий турецкой эскадрой вице-адмирал Кадыр-бей должен был во всём подчиняться русскому адмиралу. «Вашему превосходительству надлежит располагать общими делами, а Кадыр-бею вас слушать и повиноваться, но в наружности должно соблюсти равенство», — писал Томара Ушакову в апреле 1799 г., подтверждая договорённую с Портой форму взаимоотношений его с турецким адмиралом¹.

Приняв содержание русской эскадры на свой счёт, правительство Порты хотело отделаться лишь выдачей соответствующих денежных сумм на это. Но Ушаков, зная, как трудно доставать морское продовольствие в тех краях, решительно настоял, чтобы Порта доставляла продовольствие и всё необходимое флоту «натурою в своё время». Поэтому дивану пришлось выделить специального комиссара, который должен был заниматься заготовкой продовольствия и доставкой его соединённому флоту. Всем пашам Эпира, Пелопоннеса, Архипелага посылались султанские фирманы о заготовке провианта для флота к ноябрю 1798 г. Однако, несмотря на это, Ушакову впоследствии доставили много хлопот и неприятностей вопросы снабжения своего флота.

На втором совещании 30 августа, кроме Ушакова, Томары и высших чинов турецкого правительства, присутствовал и английский посланник Спенсер Смит. Он попытался было не допустить русских к Ионическим островам, направив соединённую эскадру к берегам Египта под видом помощи английскому флоту. Английская дипломатия и адмирал Нельсон хотели лишить русский флот самостоятельного значения в Средиземном море. Однако Ушаков понял намерение англичан. Он убедил визиря отправить к английской эскадре только десять канонерских лодок под охраной двух русских и двух турецких фрегатов, необходимых для действий у берегов

Александрийского порта, где укрылись некоторые французские суда. Предложение Ушакова было принято. Соединённая русско-турецкая эскадра отправлялась в Ионическое море.

Таким образом, коварный ход английских дипломатов был ловко и тонко отпарирован Ушаковым.

Ушаков не только не позволил себя обмануть, но и не дал англичанам возможности захватить господствующее положение на Средиземном море. Все старания Нельсона и английских дипломатов не допустить русских к захвату Ионических островов оказались тщетными. Адмирал Ушаков до конца экспедиции оставался самостоятельным в выполнении военно-политических заданий русского правительства. Часто месяцами не получая указаний из Петербурга из-за огромного расстояния, он с большим тактом решал сложные военные, политические и дипломатические задачи. Ф. Ф. Ушаков редко сочетал в себе талант флотоводца с большими дипломатическими способностями.

31 августа, по предложению султана, Ушаков с офицерами осмотрел турецкую эскадру, стоявшую на якоре недалеко от летнего султанского дворца Бешик-таша. Эскадра не была ещё готова к походу. Корабли и фрегаты, обшитые медью, хорошо оснащённые и вооружённые медной артиллерией, производили хорошее впечатление. Команды выглядели хорошо одетыми и на кораблях, по словам Метаксы, «видна была отменная чистота»¹. Ушакова попросили посмотреть пушечную стрельбу нескольких кораблей, о которой он отозвался с похвалой.

Показали Ушакову и турецкое адмиралтейство — Терсану. С большим вниманием он осмотрел строящийся 120-пушечный корабль.

«Осматривал я во всех подробностях 120-пушечный корабль, построенный на манер французских кораблей в совершенстве, только показался мне в рассуждении длины несколько узок, артиллерия приготовлена для него бесподобно большая и весьма хорошая, — доносил Ушаков Павлу I 6 октября 1798 г. — Все корабли и фрегаты обшиты медью, и нынешнее состояние их нахожу хотя не совсем совершенно против европейских флотов, но про-

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 255.

¹ Записки Е. Метаксы, П. 1915, стр. 15.

тив прежнего несравненно лучше, а частью и в настоящем порядке»¹.

Однако турецкий военный флот попрежнему не имел мало-мальски постоянных экипажей. Более или менее постоянными кадрами были командиры кораблей, некоторые офицеры, лоцманы и мастеровые. Последние, как правило, вербовались из греков и удерживались на службе большим жалованьем.

Матросы набирались без всякого разбору, где попало и всякий раз, когда флоту приходилось идти в поход.

Среди турецких матросов было много невольников, зимой работавших в адмиралтействе, а летом плававших на кораблях. При таком случайном составе экипажей турецкому командованию никакого порядка и дисциплины установить, разумеется, не удавалось. Например, проверку личного состава кораблей делали только один раз, перед выходом в поход. Затем уже никто не следил за жизнью команды, и в походе, по замечанию Метаксы, хорошо знавшего жизнь турецких кораблей, «всякий делает, что хочет»². На турецких кораблях всегда стоял невообразимый крик и беспорядок, особенно когда ставились или убирались паруса.

Командовать этой пёстрой, своевольной и буйной толпой было чрезвычайно трудно. Полным контрастом были русские корабли, поражавшие турок дисциплиной и порядком.

Однажды на совещании у великого визиря один высший турецкий чиновник заметил, что на двенадцати русских кораблях меньше шума, чем на одной турецкой лодке.

Никаких приборов на турецких кораблях не было. Компас имелся только на адмиральском корабле. Иногда лоцманы на свои деньги приобретали морские карты и некоторые приборы.

О лекарях и лекарствах на султанском флоте, по словам Метаксы, даже понятия не имели.

Турки показали Ушакову и арсенал. Осмотрев его, он дал совет заменить ядра и кнпеля³ лучшими. Через

¹ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 239—240.

² «Записки Метаксы», стр. 17.

³ Кнпель — артиллерийский снаряд, состоящий из двух чугунных ядер, насаженных на концы железного стержня. Применялся для разрушения мачт и снастей.

русского посла Порты просила Павла I продать ей артиллерийские снаряды. Павел I приказал Мордвинову отпустить ядра и бомбы по казённым ценам, но «не ослабевая нужных для себя запасов».

Все вопросы, связанные с походом, были разрешены с турецким правительством. Русская эскадра готова была к выполнению боевых заданий.

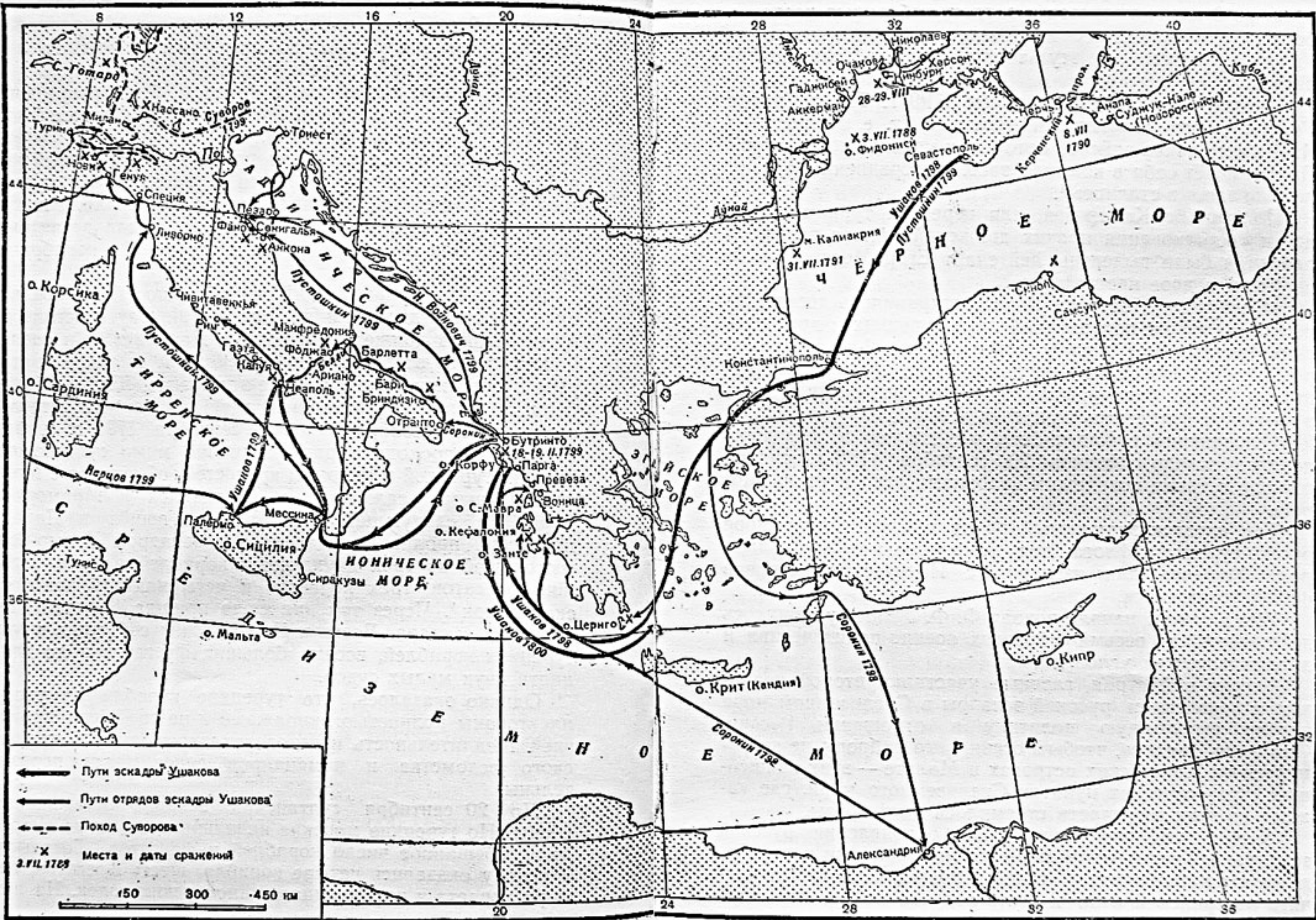
31 августа из Севастополя пришёл исправленный корабль «Троица» и присоединился к эскадре. Из турецкого адмиралтейства доставлены были на корабли шесть лёгких полевых пушек с боеприпасами для десантных операций. Для проводки флота в Архипелаг подобраны были искусные лоцманы.

2 сентября флагманский корабль посетили посланники союзных дворов и пожелали Ушакову счастливого пути. Ушаков должен был идти в Дарданеллы и соединиться там со второй турецкой эскадрой во главе со старым и опытным моряком вице-адмиралом Кадыр-Абдулбеем. Задержанный несколько дней противными ветрами с дождём и грозой, Ушаков 8 сентября 1798 г. снялся с якоря и, проходя парадной линией мимо султанского дворца, турецкой эскадры и крепостей, обменялся с ними условленными салютами и направился в Мраморное море. На следующий день Ушаков вошёл в Дарданелльский пролив и соединился с эскадрой Кадыр-бея, состоявшей из трёх двухдечных кораблей и трёх больших фрегатов, трёх корветов и четырнадцати канонерских лодок¹. Через три дня сюда пришла Константинопольская эскадра. Всего в Дарданеллах собралось шесть турецких кораблей, восемь больших фрегатов и до двадцати двух малых судов.

Однако оказалось, что турецкие корабли не укомплектованы полностью экипажами и не снабжены провизией. Медлительность и неповоротливость турецкого морского ведомства и командиров судов были поразительны.

До 20 сентября султанская эскадра продолжала сборы. Но турецкие морские начальники так и не снарядили обещанное число кораблей и фрегатов. Готовыми к походу оказались четыре корабля, шесть фрегатов, четыре корвета и четырнадцать канонерских лодок. На них

¹ «Записки Метаксы», стр. 27.

Военные действия русского флота под командованием адмирала Ушакова.

было до 6 тысяч матросов и солдат, набранных наспех и без разбора. Только огромный авторитет и железная воля Ушакова заставляли эту толпу мало-мальски подчиняться.

В одном из апрельских писем 1799 г. Томара писал Ушакову, что «галлионджи турецкие (т. е. матросы — А. А.) есть такое войско, которое, к удивлению и самой Порты, ведёт себя в команде вашей несравненно лучше, нежели здесь в столице»¹.

По просьбе Кадыр-бея, для перевода туркам сигналов и «истолкования прочих движений» флота во время плавания были выделены лейтенант Егор Метакса, один штурман и двое навигаторов.

14 сентября к острову Родосу отправились десять канонерских лодок под охраной двух турецких и двух русских фрегатов под начальством капитана 2-го ранга Сорокина. Он должен был передать лодки английскому капитану Гуду, блокировавшему Александрийский порт, а самому с фрегатами вернуться к эскадре.

Условившись с Кадыр-беем о сигналах и походном порядке эскадр, Ушаков 20 сентября 1798 г. снялся с якоря и тремя походными колоннами взял курс на Морею.

Так начался знаменитый поход в Средиземное море русско-турецкого флота под командованием вице-адмирала Ушакова для изгнания с Ионических островов французских войск.

Уже с самого начала похода Ф. Ф. Ушакову пришлось действовать в весьма сложных военно-политических и дипломатических условиях.

Англия и Австрия, главные участники второй коалиции, с появлением русской эскадры в Средиземном море повели вероломную политику в отношении России. Они очень боялись, чтобы Россия, чего доброго, не закрепилась на Ионических островах и Мальте — этих важнейших стратегических пунктах Средиземного моря, где каждое из этих государств стремилось иметь базы.

Австрийский император, узнав о появлении русской эскадры в Средиземном море, всеми правдами и неправдами стал подбивать жителей Ионических островов поднять австрийский флаг и стать под его покровительство.

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 255.

Павел I очень был недоволен своим союзником и категорически возражал против его притязаний.

Англичане также хотели овладеть Мальтой и Ионическими островами. Вице-адмирал Нельсон даже заготовил прокламацию к жителям Корфу, Кефалонии, Занте и Цериги, в которой предлагал покровительство флота британского короля и призывал их освободиться от французов и поднять английский флаг¹.

Ещё 7 октября 1798 г. Нельсон по поводу прихода русской эскадры в Константинополь послал английскому посланнику при Порте Спенсеру Смиту письмо, в котором ясно высказал своё отношение к русскому союзнику и изложил английские планы относительно островов. «После Египта, я намерен обратиться к Мальте, Корфу и прочим островам этим, почему надеюсь, что русскому флоту назначено будет находиться на востоке; если же допустят их утвердиться в Средиземном море, то Порта будет иметь порядочную занозу в боку... Распорядившись у Мальты и оставив там надлежащие силы для блокады порта, я после того сам пойду к Занту, Кефалонии и Корфу, желая посмотреть, что можно там сделать».

Через три недели Нельсон опять писал тому же Спенсеру Смиту: «Я надеюсь в скором времени иметь возможность показаться перед Корфой, Занте и проч. Посылаю вам прокламацию, написанную мною к жителям тех островов. Порта должна знать, какую большую опасность готовит себе в будущем, позволивши русским занести ногу на Корфу, и я надеюсь, что она будет стараться удерживать их на востоке»².

Таковы более чем совершенно отчётливые планы Нельсона относительно России. Однако английский адмирал не успел даже обнародовать этот любопытный документ, так как Ушаков быстро очистил острова от французских гарнизонов и поднял на них флаги Российской и Турецкой империй. Тем не менее Англия никак не могла обойтись без русской помощи ни на севере, где пятнадцать русских кораблей вместе с шестнадцатью английскими блокировали голландское побережье, ни в Средиземном море. Но здесь Нельсон хотел направить

¹ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 251.

² Там же, стр. 251—252.

русские силы одну часть на восток, к берегам Сирии и Египта, а другую часть на запад для блокады Анконы и южных итальянских берегов. Таким образом русская эскадра была бы распылена и отвлечена от Ионических островов, которые Нельсон рассчитывал прибрать к своим рукам.

С. Смит, как мы видели, в самом начале не удалось провести Ушакова. Позднее, во время блокады французского гарнизона в крепости Корфу, Нельсон снова старался заставить русского адмирала с эскадрой снять осаду Корфу и идти на помощь английскому флоту.

Турецкая эскадра, оставшись одна, конечно, не смогла бы удержать блокады, особенно учитывая враждебное отношение греческого населения островов к туркам.

31 декабря (11 января) 1798 г., например, русский посол Томара писал Ушакову: «На сих днях отозвался мне командор Сидней Смит, что адмирал Нельсон пишет вашему превосходительству дабы на подкрепление сухопутных сил... короля Обеих Сицилий... к Анконе отправленных, оставя... блокаду острова Корфу туда же с эскадрою вам вверенною на вящее стеснение Анконы отправились и обложили оную с морской стороны... Я прошу ни под каким видом с турецкою эскадрою не расставаться и блокады крепости в Корфу одним туркам не оставлять».

Всё же Томара советовал «в удовлетворение требований лорда Нельсона» отправить к Анконе «довольно сильный отряд»¹.

Ушаков послал в Адриатическое море эскадру из шести судов под командой контр-адмирала Пустошкина. Но это было сделано не по требованию Нельсона, а для уничтожения трёх французских кораблей, вышедших из Анконы к островам Лиса и Лезина с видимой целью доставить к Корфу подкрепление осаждённому гарнизону².

Исключительно из дипломатических соображений Ушаков первый сделал шаг к установлению делового контакта с союзным английским флотом и написал Нельсону несколько писем. В первом письме он поздравил английского адмирала с победой у Абукира, сообщал

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 189.

² Там же, л. 177.

о планах соединённой эскадры и посылал опознавательные сигналы на случай встречи русских и английских кораблей. Но Нельсон ответил лишь на третье письмо, когда узнал об успешном занятии островов. Письма Нельсона были внешне учтивы и любезны. На самом же деле он ненавидел русских и терпеть не мог Ушакова, видя в нём опасного соперника.

«Я ненавижу русских», — не раз откровенно говорил он окружающим¹.

В Петербурге не очень верили и своему новому союзнику — Порте Оттоманской, совместное военное выступление с которой так неожиданно сложилось. По уходе Ушакова в Средиземное море ещё долго продолжались переговоры русского посла Томары с диваном о подписании союзного договора, о статуте освобождённых бывших венецианских островов, которые Порте очень хотелось присоединить к своей империи.

Чтобы Турция не перевернулась, чего доброго, к своему бывшему союзнику — Франции, русское правительство хотело как можно глубже и острее перессорить их.

В секретном отношении Томары к Ушакову от 13 ноября 1798 г. были совершенно откровенно изложены важнейшие задачи русской политики относительно Турции. Ушакову рекомендовалось со своей стороны соблюдать все принятые тогда международные правила войны, а Кадыр-бея с его сбродом в командах ничем не стеснять, разрешая туркам делать что угодно с французскими пленными: пусть режут, убивают, грабят, нарушают капитуляции — всё это мол будет только на руку русской политике.

«Дозвольте мне, ваше превосходительство, — писал Томара Ушакову, — открыть вам в тайне высшей степени, что намерение высочайшего двора есть стараться чем можно более раздражить взаимно Порту и Францию». Добиваться этого, по мнению Павла и его посла, нужно следующим путём:

«Соблюдая с вашей стороны в рассуждении французов правила войны вообще принятые не должно понуждать к наблюдению их турков. Пушай они что хотят делают с французами, и турецкий начальник хотя в са-

¹ Акад. Е. В. Тарле, Адмирал Ушаков на Средиземном море, М. 1948, стр. 140.

мом деле вам подчинён, но в наружности товарищ», поэтому «нарушение им капитуляции вам приписано быть не может, потому что отдающиеся гарнизоны в его распоряжении остаются, относительно отправления их во свояси или Турцию; а вам обременяться пленными не следует и невозможно»¹.

Таков был моральный облик императора Павла I, которого дворянские и буржуазные историки пытались изобразить великодушным и благородным рыцарем.

К большой чести Ф. Ф. Ушакова, он не побоялся, вопреки подобным наставлениям, категорически запретить туркам обычный для них грабёж и бесчеловечность по отношению к пленным и населению. Ушаков строго следил за этим. И за всё время экспедиции он действительно не допустил никаких насилий над населением или пленными. Он всегда строго и честно выполнял условия капитуляции. В этом ему дружно помогала вся масса русских офицеров и матросов. Русские моряки под руководством своего знаменитого флотоводца продемонстрировали перед всем миром подлинные образцы гуманизма, военной дисциплины и высокой моральной культуры.

2. Занятие Ионических островов

Среди Ионического архипелага, протянувшегося вдоль западного берега Балканского полуострова, выделялись сравнительно большие острова: Корфу, Паксо, Св. Мавра, Кефалония, Итака, Занте и Цериго. Острова эти, известные ещё под названием «Семь островов», принадлежали издавна Венецианской купеческой республике. Но в начале 1797 г. французская эскадра под командованием контр-адмирала Брюйэ захватила их и по Кампоформийскому договору с Австрией они были присоединены к Франции.

В архипелаг входили и другие острова, поменьше, например: Фано, Антипаксо, Мерлера, Самотраки, Меганиси, Каламо, Церигото, о-ва Строфадия и др.

С древнейших времён острова были заселены греками. Климат здесь мягкий, больших морозов почти не бывает. Зима и весна дождливы, но лето жаркое и сухое. Лучшим временем года считается осень.

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 185.

Население занималось земледелием, садоводством, виноградарством и огородничеством. Скот держали только рабочий и очень мало. По свидетельству генерал-майора Вяземского, побывавшего на Ионических островах в 1804—1805 гг. и оставившего интереснейший «Журнал», на о. Корфу насчитывалось не более 500 лошадей, до 300 волов «для пахоты», коров же совсем не было¹.

На островах в изобилии росли маслины, апельсины, лимоны, виноград, которые перерабатывались и приносили значительные доходы населению. Например, по словам Вяземского, главнейшими продуктами островов Корфу, Паксо, Занте и других были деревянное масло и вино². Своего хлеба хватало только на несколько месяцев, поэтому пшеница доставлялась с материка.

Широко развито было рыболовство. Много ловили кефали, икрой которой оживлённо торговали.

Некоторые острова имели хорошо развитые ремёсла: кожевенное, ювелирное, ткачество, шелкопрядение и др. Однако Вяземский был невысокого мнения о ремесленных изделиях. В «Журнале» он отмечает, что на островах «художников много, но работают весьма нехорошо»³. Остров Занте был известен выделкой кож, а Кефалония — ликёрами.

По французским данным в 1799 г., на островах жило 242 543 человека⁴. Классовое расслоение населения было ярко выражено. Дворянско-аристократическая верхушка в конце XVIII в. была небольшой и довольно захудалой, но всё ещё пытавшейся играть первенствующую роль в управлении островами. Крепостнические отношения почти исчезли.

Мелкое крестьянское землевладение было развито широко. Среди крестьян выделялась значительная зажиточная прослойка. В городах сосредоточивались буржуазия, ремесленный и мелкотоорговый люд. Классовые противоречия в городе и деревне не раз обострялись.

¹ «Журнал В. В. Вяземского» с 1775 по 1812 г., в 6 книгах. Рукописный отдел Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, стр. 40.

² Там же, стр. 33, 40, 48.

³ Там же, стр. 42.

⁴ Е. В. Тарле, указанное сочинение, стр. 48.

Морской офицер Броневский, побывавший на Ионических островах в 1805—1810 гг., сообщает, как французы пытались воспользоваться классовым антагонизмом для закрепления своей власти на островах. Но они ничего не сделали для населения, «кроме того, что некоторым, кои более им помогали, дали лучшие земли», отобрав их у тех, кто им не нравился¹.

Не удивительно поэтому, что всё поголовно крестьянство, узнав о прибытии русской эскадры для изгнания французов, поднималось против них. Французская буржуазия давно уже перестала церемониться с чужой собственностью в завоёванных землях. Против неё на островах выступали местное дворянство, большинство буржуазии и крестьянства.

Таким образом, абсолютное большинство населения Ионических островов желало избавиться от тяжёлого владычества французов и всемерно помогало русским.

Соединённые эскадры, выйдя из Дарданелл, только на короткое время останавливались у островов Хиоса и Идры, чтобы переменить лоцманов и захватить с собой восемь лёгких кирлангичей.

Ф. Ф. Ушаков решил завладеть сначала островом Цериго, самым южным из бывших венецианских островов, который служил французам промежуточным пунктом связи с Египтом.

24 сентября фрегаты «Григорий Великия Армении» и «Счастливый» отправились к Цериго с письменным воззванием Ушакова, в котором жители островов призывались «воспользоваться сильною помощью соединённого оружия... для низвержения несносного ига... и для приобретения прямой свободы...»².

Из этого воззвания население острова узнало о целях прибытия русского флота в Средиземное море и единодушно поднялось против французов.

Французский гарнизон, состоявший из пяти офицеров и ста пяти солдат, покинул город и укрылся в двух приморских крепостях.

28 сентября Ушаков с флотом подошёл к Цериго и высадил десант. Фрегаты открыли огонь по крепости. Французский отряд, находившийся там, без единого вы-

стрела спустил флаг и начал отступать в другую крепость, Капсала, стоявшую на противоположной стороне острова.

Крепость Капсала стояла на высокой и крутой скале и была обнесена высокими стенами. Засевшие в ней французы готовились упорно защищаться. Десантный отряд из трёхсот русских и двухсот пятидесяти турок, с несколькими полевыми пушками и боеприпасами, преодолев труднопроходимую горную местность, изрезанную оврагами, подошёл к крепости. С судов были свезены несколько тяжёлых пушек и доставлены к крепости. Скоро были построены две батареи для устройства брешей в крепостных стенах. К 1 октября всё было готово к штурму. Командир десанта капитан-лейтенант Шостак предложил осаждённым сдаться. Они отказались. Тогда по сигналу Шостака батареи открыли огонь. Три фрегата и авизо били залпами также по крепости. Противник отвечал довольно оживлённо. Несколько часов продолжался сильный обстрел крепости. Французы несли большие потери, особенно ранеными, но упорно сопротивлялись. Только увидев лестницы и другие приспособления для штурма, они выбросили белый флаг и запросили условия сдачи. Ушаков поставил мягкие условия: французы, сдав оружие, отпускались под «честное слово» не воевать против России, Турции и их союзников — солдаты в течение одного года и одного дня, а офицеры до конца войны. Всем сдавшимся разрешалось уехать в Анкону, где находился французский гарнизон, или Марсель.

Жители Цериго, главным образом греки, встретили русских с большой радостью. Ушаков объявил, что население получает право самоуправления и может свободно избрать себе «правление из дворян и из лучших обывателей и граждан, общими голосами признанных способными к управлению народом»¹.

Выборное право получали только дворяне и «второй класс», т. е. купцы, домовладельцы, судовладельцы и другие представители буржуазии. Верховная власть оставалась в руках Ушакова, как главнокомандующего.

Это был первый шаг Ушакова в политическом устройстве островов. Он, повидимому, ещё раньше обдумал

¹ «Записки морского офицера Броневского», т. II, стр. 101.

² Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 254.

¹ Е. В. Тарле, указанное сочинение, стр. 52.

форму будущего управления островов и избрал самоуправление.

Для охраны острова Ушаков оставил одиннадцать рядовых с офицером. Такой же отряд выделил и Кадырбей. При необходимости отряд мог быть увеличен за счёт мобилизованных жителей¹.

Вторым островом, которым наметил овладеть Ушаков, был Занте. Задержанный крепкими противными ветрами, Ушаков подошёл к о. Занте 13 октября. На острове находился сильный французский гарнизон, состоявший из 444 солдат и 47 офицеров. На берегу французы имели несколько батарей. Главным же укрепленным пунктом была крепость, стоявшая на крутой, трудно доступной горе.

Ушаков выслал вперёд два фрегата под начальством Шостака, приказав ему сбить батареи и высадить на остров десант. Меткий огонь фрегатов быстро подавил батареи противника, и десант начал высадку на берег.

Появление русского флота и орудийная стрельба привлекли внимание населения. Вооружённые толпы стали стекаться к месту высадки десанта. Жители о. Занте знали уже о действиях русских против французов и горячо откликнулись на призыв Ушакова. Они с восторгом приветствовали русских моряков, помогая им высаживаться на берег. Некоторое замешательство среди них вызвало появление турок, злейших врагов и угнетателей греческого населения. Но скоро они сравнительно успокоились, узнав, что главную роль в экспедиции играет русский адмирал.

К вечеру десант со всем необходимым для боя находился на берегу. Предстояло взять крепость, которую безуспешно обстреливали фрегаты, так как ядра их не долетали до цели. Капитан-лейтенант Шостак, командовавший и на этот раз десантом, послал коменданту крепости полковнику Люкасу требование о сдаче, но тот не согласился. Ушаков приказал взять крепость штурмом. Шостак с отрядом матросов и солдат пошёл к крепости. Толпы жителей сопровождали отряд, освещая фонарями гористый путь. Смелый поход отряда, окру-

¹ «Материалы», ч. XVI, стр. 335—336.

жённого огромной толпой жителей, множество фонарей, мерцающих в вечерних сумерках, произвели на французов, видимо, сильное впечатление. Не дожидаясь штурма, полковник Люкас, в штатском платье, чтобы не быть опознанным греками, которые имели много оснований растерзать его, вышел навстречу Шостаку.

Поздно вечером Шостак встретился с Люкасом и предложил условия сдачи. Он согласился на соблюдение воинских почестей при сдаче французским гарнизоном крепости и оружия. Личное имущество солдат и офицеров оставлялось при них. Но французы должны были вернуть населению всё награбленное у них добро.

Утром следующего дня французский гарнизон сложил оружие. Когда французы покинули стены крепости, то их с трудом удалось защитить от разъярённого населения, пытавшегося растерзать своих насильников и грабителей.

Ненависть эта объяснялась ещё и тем, что с приходом французов на острова почти прекратилась морская торговля, служившая для многих жителей главным источником существования и которая была пресечена англичанами, не позволявшими плавать в Средиземном море торговым судам тех городов, в которых находились французы. Всё растущее обеднение населения с прекращением торговли усиливалось повальными грабежами французских гарнизонов.

Французских пленных разместили на русских и турецких кораблях. Русские относились к побеждённому врагу великодушно. Но французы, попавшие на турецкие ко-

Маяк на острове Занте.

рабли, испытали страшные насилия и унижения. Однако турки под влиянием Ушакова не посмели расправиться с пленниками по своему обычаю.

Восемнадцать офицерам с семьями Ушаков разрешил уехать в Анкону. Остальные пленные были отправлены в Константинополь. На следующий день по взятии острова Ушаков вместе с капитанами и офицерами съехал на берег. Всё население острова вышло встречать знаменитого русского адмирала.

Оружейные выстрелы, колокольный звон, восторженные приветственные возгласы тысячной толпы сопровождали Ушакова и его моряков. Все дома были украшены коврами, шёлковыми материями, картинами и флагами. Дорогу Ушакова восторженная толпа устилала цветами. «Матери, имея слёзы радости, выносили детей своих и заставляли целовать руки наших офицеров и герб российский на солдатских сумках», — рассказывает очевидец Метакса в своих «Записках»; далее он пишет, что «из деревень собралось до 5 000 вооружённых поселян, которые толпами ходили по городу, нося на шестах русский военно-морской флаг»¹.

После торжеств по случаю освобождения Ушаков собрал «главнейших граждан» и объявил им, что они могут избрать себе временное правление «по примеру острова Цериго». На площади собралась огромная толпа, ожидавшая результатов совещания.

Но когда зантиоты узнали, рассказывает Метакса, что они останутся под управлением избранного ими правления, «то все взволновались и начали громогласно кричать, что они не хотят быть ни вольными, ни под управлением островских начальников, а упорно требовали быть взятыми в вечное подданство России, и чтобы определён был начальником или губернатором острова их российский чиновник, без чего они ни на что согласия своего не дадут»².

Эти настроения греков объяснялись боязнью попасть под власть турок, когда Ушаков уйдёт с эскадрой. Власть турок пугала греков ещё больше французского господства. Только русское покровительство казалось зантиотам самым надёжным и верным. Русский народ издавна ока-

зывал поддержку единоверным грекам. Хотя самодержавие, используя ненависть населения Балкан к турецкому игу в своих захватнических целях, не раз поднимало его против Турции, но всё же в договорах оговаривало амнистию участникам восстания, а себе право защиты греков и славян перед Портой, как, например, в Кучук-Кайнарджийском трактате.

Такое категорическое и откровенное требование жителей Занте ставило Ушакова в очень затруднительное положение. Оно могло привести к конфликту с Турцией и нарушить только что наладившийся союз. Ушакову пришлось выступить перед зантиотами с очень интересной речью, отражающей некоторые его политические взгляды и симпатии, а также показывающей большой дипломатический такт и тонкое понимание международной обстановки. «Он (т. е. Ф. Ф. Ушаков. — А. А.) с ласкою доказывал им пользу вольного, независимого правления». Далее Ушаков объяснял народу, «что русские пришли не владычествовать, но охранять, что греки найдут в них токмо защитников, друзей и братьев, а не повелителей, что преданность их русскому престолу, конечно, приятна будет императору, но что он для оной договоров своих с союзниками и прочими европейскими державами порушать никогда не согласится»¹.

После долгих увещаний Ушакову удалось несколько успокоить народ. Правление было составлено из «трёх первейших архонтов» и из «граждан ими избранных». «Городскую стражу» избрало само население.

Затем Ушаков позволил «дворянам и мещанам» избрать судей для рассмотрения политических и гражданских дел, «сходно обыкновенным правилам и заповедям Божиим»². В случае же нарушения судьями «правосудия и добродетели», на их место избирались другие. Особенно поразило зантиотов распоряжение Ушакова о возвращении гражданам хотя бы частично долгов, сделанных французами. Это распоряжение вызвало у них ещё большую приверженность к русским. Молва о внимательном и заботливом отношении Ушакова к нуждам населения широкой волной покатила по островам и ещё больше привлекала симпатии греческого и славян-

¹ «Записки Метаксы», стр. 50—51.

² Там же, стр. 51.

¹ «Записки Метаксы», стр. 51—52.

² Е. В. Тарле, указанное сочинение, стр. 60.

ского населения на его сторону, надёжно обеспечивая военную поддержку против французов.

Занимаясь устройством самоуправления на о. Занте, Ушаков 14 октября отправил к о. Кефалонии капитана 2-го ранга Поскочина с четырьмя кораблями для освобождения его от французов.

Поскочин успешно выполнил задачу, овладев островом без сопротивления. Когда он прибыл на остров, то к нему присоединилось много вооружённых жителей, среди которых было до тридцати офицеров, когда-то служивших в русском флоте. Французы, увидев скопление больших сил, бросили береговые батареи и поспешили укрыться в крепости. Однако Поскочин успел высадить отряд, который перерезал им путь к отступлению. Французы без сопротивления и с видимой охотой сдались в плен русским. Если бы они этого не сделали, то восставшее население расправилось бы с ними за грабительское хозяйничанье на острове.

18 октября с о. Занте Ушаков отправил капитана 1-го ранга Сенявина с русско-турецким отрядом из четырёх судов для овладения о. Св. Мавра, а сам с эскадрой пошёл к о. Кефалонии. По дороге он неожиданно узнал от шкипера одного купеческого судна, побывавшего в Анконе, что там французы спешно грузят два 60-пушечных корабля, которые якобы должны были отвезти на о. Корфу 2 000 солдат для усиления местного гарнизона. Ушаков решил помешать французам усилиться в Корфу.

20 октября отряд из трёх кораблей и трёх фрегатов под начальством капитана 1-го ранга Селивачёва был отправлен к о. Корфу. Он должен был наблюдать за французской эскадрой, стоявшей в Корфинской гавани, и прервать связь гарнизона с Италией и островами, где находились французские войска.

23 октября Ушаков с остальным флотом прибыл к Кефалонии. К нему привели французского коменданта крепости Ройе, который, по словам Метаксы, очень благодарил Поскочина «за вежливое и человеколюбивое обхождение», называя его «избавителем, защитившим как его, так и всех французов от мщения кефалонитов»¹.

¹ «Записки Метаксы», стр. 73—74.

Ф. Ф. Ушаков был сторонником широкой амнистии всем, кто так или иначе был замешан в связях с французами. И он не позволил совершить никаких насильственных над приверженцами «якобинцев». В городах о. Кефалонии были расставлены пикеты с двумя заряжёнными пушками перед каждым из них на случай возможных погромов домов сторонников «якобинцев».

Встретившись с Главным советом Кефалонии, составленным из дворян, Ушаков ответил на изъявления чувств благодарности за освобождение и с своей стороны «просил правителей соблюдать правосудие: быть в тесном между собою согласии и предать совершенному и искреннему забвению поступки всех тех, кои принимали какое-либо участие в последних политических событиях, или были защитниками введённого французами республиканского правления»¹.

Даже тогда, когда Ушакову были предъявлены на «некоторых злоумышленников», заседавших в учреждённом французами муниципалитете, прямые улики, то он «входя в положение сих несчастных граждан, покорствовавших, вероятно, более от страха, нежели от верных намерений, не обратил никакого внимания на донос сей и избавил мудрым сим поведением обвинённых, не токмо от неминуемых гонений, но и от бесполезных нареканий»².

Вообще Ушаков во всех случаях капитуляции французских войск всегда охотно ставил в условиях пункт

¹ «Записки Метаксы», стр. 75.

² Там же, стр. 75—76.

Маяк на острове Кефалонии.

«всеобщего прощения» за «обольщение правилами французской республики».

Павел I и его посол Томара придерживались противоположного мнения. От последнего Ушаков получил даже замечание за допущение амнистий.

«В присланной от вашего превосходительства капитуляции о сдаче крепости острова Корфу в 9 артикуле означен двухмесячный срок на невозбранный выезд с именными обывателей преданных французам и таковых же остающихся в островах за политические правила не беспокоить», — писал Томара Ушакову в марте 1799 г. Но потому только, что французы нарушали эту статью, Томара требовал от Ушакова невыполнения взятых обязательств. «Вследствие чего прошу... внушить новому правлению изгнать без пощады всех прилепленных к правилам французских людей»¹.

Однако Ушаков в данном случае и в ряде других твёрдо и последовательно выполнял взятые обязательства. Поэтому его слову верили беспрекословно и друзья и враги.

Ушаков, закончив организацию самоуправления Кефалонии и амнистировав местных жителей, собрался идти прямо к о. Корфу. Но пришло донесение от Сенявина о довольно сложной обстановке на о. Св. Мавра. Он доносил, что уже начал осаду хорошо укрепленной крепости с сильным французским гарнизоном под командованием генерала Миолетта, который намеревался упорно защищаться. Далее Сенявин сообщал уже совершенно неожиданную новость о том, что Али-паша Янинский ведёт тайные переговоры с французским генералом Миолеттом о сдаче ему крепости и острова Св. Мавра и предлагает за это тридцать тысяч червонцев и отправку гарнизона на свой счёт в любой порт по указанию французов. Одновременно Али-паша засылал своих агентов и к «островским старшинам», обещая им всякие блага под своей властью.

Паша действовал хитро и смело. Он делал вид, что старается для общего дела союзников. Поэтому русские не должны ему мешать, а скорее помогать. На самом же деле Али-паша хотел присоединить остров к своим лич-

ным владениям, отделённым от острова узким проливом, на «ружейный выстрел».

Али-паша вообще вёл себя, как ничем не ограниченный сатрап. Султан боялся его и не раз подсылал к нему под видом придворных чиновников убийц, но осторожный и хитрый паша избегал смерти, лишая голов тех, кто доносил или жаловался на него.

Али-паша был юридически подвластным султана, считался его слугой и изредка, когда хотел или находил выгодным, посылал султану дань, а сановникам дивана подарки (бакшиши). В действительности же он был полновластным властелином на западе Балкан. Столицей Али-паши был г. Янина (в Эпире). Его власть простиралась на Эпир, некоторые районы Фессалии, на Албанию, а иногда даже на западную Македонию. Он мог выставить до 40 тысяч пехоты и до 10 тысяч фессалийской конницы. В мирное время янинский паша держал 10 тысяч пехоты и 3 тысячи конницы. Албанцев считал он лучшим своим войском. Обладая хорошо вооружёнными отрядами, Али-паша занимался организованным разбоем на Балканах, истребляя при этом целые селения, предавая пленников самым невероятным пыткам.

Ушакову было ясно, что янинский паша чувствует себя на западе Балканского полуострова суверенным властелином.

«Милостивый государь, — писал Ушаков послу Томаре 18 декабря 1798 г. — Если возможно сказать истинную правду, мне кажется по всему, что господин Али-паша весьма сомнителен в верности Порте Оттоманской... даже из собственных его слов и из всех поступков заметно, что старается он быть самовластным и кажется сие близко. Он укрепляется сильно в своих местах, содержит войска свои и наводит страх другим пашам и местам, и как я предвижу, опасается только бытности моей здесь с российской эскадрою»¹.

Томара в подтверждение правильности предположений Ушакова сообщал: «Должно знать, что Али-паша есть один из своевольнейших пашей турецких, весьма мало повинующихся Порте, которая в повелениях своих ему и не изъясняется с тою твёрдостью, какую бы употребила

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 243 об., 244.

¹ Р. Скаловский, указанное сочинение, приложение 23, стр. 390.

с другими, и более надеется на уважение со стороны его к Вам и на убеждения Ваши, нежели на свои предписания»¹.

Нельзя было позволить янинскому тирану овладеть о. Св. Мавра. И Ушаков изменил свой первоначальный план. Он отправил к Корфу на подкрепление Селивачёва корабль «Св. Троица», два турецких фрегата и корвет, сам же с остальными судами соединённой эскадры 29 октября, оставив Кефалонию, пошёл к о. Св. Мавра. Через два дня эскадра бросила якорь на рейде острова.

Ещё до прибытия Ушакова Сенявин энергично распорядился осадой французов. Он окружил крепость пятью батареями, которые непрерывно вели огонь. Четыре были поставлены на возвышенностях острова, а пятая — на албанском берегу против крепости.

Ушаков одобрил действия Сенявина. Он осмотрел крепость и решил как можно скорее овладеть ею. Ушаков написал коменданту крепости письмо, в котором указывал на бесполезность сопротивления. Французы были окружены со всех сторон, помощь к ним уже не могла прийти. Добровольная сдача могла обеспечить благоприятные условия плена, в противном случае — генерал Миолетт «никакой пощады ожидать не должен».

С приходом эскадры Ушакова французы поняли безнадёжность своего положения. До этого они могли уйти с помощью Али-паши. Теперь этот шанс пропал, так как Али-паша не смел открыто показать свои связи с французами.

После некоторого размышления французы сообщили, что они сдадутся, если Ушаков переправит их на своих судах во Францию. Ушаков категорически отверг такие условия. Обстрел крепости возобновился. И Миолетт стал просить отправить гарнизон хотя бы в Анкону. Но и это предложение не было принято. От французов требовали полной капитуляции.

В это время «старшины» острова сообщили Ушакову, что 8 тысяч добровольцев ждут позволения принять участие в штурме. В крепости были уже пробиты бреши, и французы, боясь штурма, 1 (12) ноября выбросили белый флаг, а на следующий день, приняв все условия Ушакова, капитулировали.

В плен было взято 512 человек, в том числе 46 офицеров. Среди трофеев были два знамени, 59 медных и чугунных пушек и мортир, 817 ружей, 10 110 ядер и много других боевых припасов. Месячный запас продовольствия также достался победителям.

Таким образом, янинский паша не смог получить остров, который ему так хотелось иметь. При всей своей дерзкой смелости он побоялся открыто выступить против Ушакова. Он был слишком умён, чтобы не понимать риска, связанного с этим шагом.

Али-паша попробовал поспорить Ушакова с турками. Тайные агенты его подбивали турецких матросов не повиноваться русским. Однажды, вскоре после взятия о. Св. Мавра, большая группа турецких матросов учинила ночью на острове грабёж населения. Сбежавшие жители разогнали бандитов и, захватив несколько человек, доставили их к Ушакову. Событие было неприятно Ушакову, и он решил в корне пресечь турецкие грабежи. Отправляя к Кадыр-бею пять захваченных на месте преступления турок, Ушаков 5 ноября 1798 г. писал:

«Можем ли мы угнетённым жителям края сего обещать независимость, уважение к религии, сохранение собственности и наконец освобождение от ига французов, общих наших неприятелей, когда поступками нашими будем отвергать даваемые нами обещания»¹.

Ушаков обещал не сообщать об этом султану, «зная строгость законов его султанского величества в подобных случаях». Он предлагал Кадыр-бею строго наказать про-

Маяк на острове Св. Мавра.

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 191.

¹ «Записки Метаксы», стр. 100.

винившихся и принять меры к поимке других преступников, укрывшихся на острове.

Ушаков потребовал от турецкого адмирала «подтвердить подчинённым... флагманам и капитанам, чтобы наблюдаема была наистрожайшая дисциплина, и чтобы команды оказывали совершенное повиновение начальникам своим».

Затем Ушаков предложил Кадыр-бею объявить по турецкой эскадре следующие правила:

В десантные отряды отбирать людей «доброго поведения» и посылать на берег только во главе с «лучшими и исправнейшими офицерами», за поведение которых отвечают начальники.

Самовольные отлучки с кораблей строжайше запретить. Увольнение матросов на берег производить «малым числом», непременно без оружия и под присмотром «исправных урядников». Отпущенные матросы обязаны возвращаться на корабли с заходом солнца. Невывшихся в срок строго наказывать.

Подтвердить «нижним чинам», чтобы обходились с обывателями ласково, не причиняли никому обид, не требовали от жителей ничего и старались «поведением своим снискать их дружбу и доверенность».

Десантным отрядам доставлять во-время продовольствие, чтобы они не имели оснований требовать его от жителей или брать силой.

В заключение Ушаков рекомендовал Кадыр-бею «отличать и награждать исправных и послушных для поощрения»¹.

По свидетельству Метаксы, приказ Ушакова подействовал на турок «сильным образом, и беспорядки прекращены были на долгое время»².

Потерпев неудачу в отношении захвата островов, Али-паша тем не менее принялся захватывать бывшие венецианские владения на албанском побережье (крепости Бутринто, Парга, Превеза и Вонича), захваченные ранее французами.

В то время как союзные эскадры освобождали острова, Али-паша с 10-тысячным отрядом напал на г. Превезу, вырезал французский гарнизон в 250 человек

¹ «Записки Метаксы», стр. 101.

² Там же, стр. 102.

и большую часть населения, а также схватил русского консула майора Ламброса. Таким же образом он занял Воничу и Бутринто. Такая же тяжёлая участь ожидала и г. Паргу, которую Али-паша давно хотел захватить, чтобы в портах её держать свой пиратский флот. Янинский паша окружил Паргу и требовал добровольной сдачи. Паргиоты решительно отказались подчиниться эпирскому наместнику и обратились за помощью к Ушакову.

Старшины города явились к русскому адмиралу с письменной грамотой и, говорит Метакса, «неотступно умоляли его приобщить их к числу подданных российского императора».

Просьба паргиотов поставила Ушакова в очень трудное положение. На присоединение городов и островов к Российской империи он не имел полномочий. Кроме того, такие действия были опасны. Порта сама хотела присоединить бывшие владения Венеции. Выполнение просьбы паргиотов могло привести к осложнениям с Турцией, союз с которой в то время считался выгодным и необходимым.

Поэтому Ушаков настойчиво объяснял депутатам Парги: «Государь император предпринял сию войну единственно для того, чтобы освободить Ионические острова от французов... , что он ни мало не уполномочен приобретать для России новые земли или подданных; почему, к сожалению своему, требование жителей Парги удовлетворить не может и не в праве». Ответ Ушакова, рассказывает Метакса, «привёл несчастных депутатов в величайшее отчаяние; они пали к ногам адмирала Ушакова, зарыдали и просили... » позволить им хотя бы поднять русский флаг на крепости и дать трёх или четырёх русских солдат. В отчаянии депутаты заявили, что если им откажут в покровительстве и Парга не будет причислена «к прочим островам», то они предпочитают смерть, чем отдаться Али-паше. Если же он «явится с войсками и будет требовать сдачи города и крепости и признания власти его, тогда они, — пишет Метакса, — будучи доведены до крайнего отчаяния и не имея иных средств от него избавиться, перережут жён и всех детей своих, пойдут против него с кинжалами и будут драться до тех пор, пока все падут до единого с оружием в руках».

«Пусть же истребится весь несчастный род наш!» — кричали представители Парги¹.

Полная драматизма сцена эта очень взволновала присутствующих русских офицеров. Все напряжённо смотрели на Ушакова, который медленно шагал по каюте, не зная, на что решиться. Наконец, он твёрдо объявил депутатам, что «уважая горестное положение» их «и желая положить пределы дерзости Али-паши, он соглашается принять их под защиту соединённых эскадр на таком же основании, как и освобождённые уже русскими Ионические острова». Ответственность за это, «зная великодушие своего государя», он берёт «охотно на себя»².

Радости депутатов не было предела. Они получили русский и турецкий флаги, небольшой русско-турецкий гарнизон с несколькими пушками и одно судно для защиты города.

Не зная, как отнесётся Павел I к объявлению покровительства Парге, Ушаков послал в Петербург рапорт с объяснением причин, принудивших его принять такой шаг, и ходатайство за паргиотов.

Павел I одобрил действия Ушакова относительно Парги, участь которой он собирался определить одновременно с решением вопроса об венецианских островах. В самом конце декабря 1798 г. Томара сообщал Ушакову, что Порта, получив много жалоб на Али-пашу, посылает к нему «два повеления». В одном Али-паше предписывалось проявлять к Ушакову «более умеренности и наидружественнейшее сношение». В другом же повелевалось ему «учредить в Парге правление наподобие установленным» Ушаковым «в островах Венецианских»³. В Константинополе считали, что в «Превезе, Вониче и Бунтринто, таковые правления уже учреждены Али-пашой»⁴. Турецкое правительство делало вид, что Али-паша, хотя и допускает излишнюю жестокость, но делает то же дело, что и соединённые эскадры.

Томара рекомендовал Ушакову: «С Али-пашою яко с человеком весьма сильным должно будет стараться...

¹ «Записки Метаксы», стр. 129.

² Там же, стр. 129—130.

³ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 191.

⁴ Там же.

вести дружественные сообщения не только для того, чтоб заставить поступать по желанию Порты с обывателями, но и для собственной Вашей пользы в виде получения из Албании разного скота и других припасов...»¹.

Ушаков понимал и без наставлений посла, что с янинским властелином нужно быть очень осторожным, но в то же время решительным образом пресекать его вероломство. Он поддерживал с Али-пашой деловые связи в сдержанной и деликатной форме. Но, узнав о зверствах его в Превезе и наглом захвате русского консула, Ушаков решительно выступил на защиту чести своего государства и одновременно попытался спасти паргиотов.

Он послал к Али-паше лейтенанта Е. П. Метаксу с письмом от 29 октября 1798 г., в котором категорически потребовал немедленного освобождения консула.

«Узнал я..., к крайнему моему негодованию, что при штурмовании войсками города Превезы, Вы заплонили пребывавшего там российского консула майора Ламбреса, которого содержите в галере Вашей скованного в железах. Я требую от Вас настоятельно, чтобы Вы чиновника сего освободили немедленно и передали его посылаемому от меня... лейтенанту Метаксе». В противном же случае Ушаков предупреждал, что известит султана и своего государя о его «неприятных поступках»². Затем Ушаков сообщил, что совместно с турецким адмиралом Кадыр-беем принял меры к защите населения Парги, которое Али-паша покушается «поработить».

«Я обязанным себя нахожу защитить их, потому что они, подняв на стенах своих флаги соединённых эскадр, объявили себя тем под защитою Союзных Империй», — писал Ушаков³.

Али-паша принял представителя русского адмирала сдержанно вежливо и с любопытством. Он спросил лейтенанта, не «тот ли это Ушаков, который разбил в Чёрном море славного мореходца Сенд-Али?» Метакса подтвердил, что именно тот самый.

«Ваш государь знал, кого сюда послать», — с открытой досадой заметил Али-паша. Затем он прочитал письмо, написанное на греческом языке.

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 191 об.

² «Записки Метаксы», стр. 132.

³ Там же.

Прервав аудиенцию, под видом отдыха, он несколько часов размышлял, что следует предпринять и как держать себя с Ушаковым. Затем, призвав к себе Метаксу, Али-паша заявил, что посылает к Ушакову для переговоров своего представителя Махмет-эффенди¹.

Затевая переговоры, Али-паша хотел выиграть время и вынудить султана дать фирман на присоединение городов к его владениям. С другой стороны, Махмет-эффенди получил указание убедить Кадыр-бея не вмешиваться в дела «матерого берега», угрожая ему гневом капудан-паши Гуссейна, которого, по словам Метаксы, «турки, особенно морские начальники, страшлись более самого султана»².

Посланец янинского сатрапа рассыпался в лживых уверениях дружественного расположения Али-паши к жителям г. Парги и приверженности к русским. Однако Ушакова провести было не так-то легко. Кроме того, Кадыр-бей не поддавался советам Махмет-эффенди и передал Ушакову о кознях Али-паши.

Сначала хотели заковать янинского посланца и отправить в Константинополь как доказательство вероломства янинского паши. Но это означало бы полный разрыв с Али-пашой. Делать это было невыгодно по многим тактическим соображениям. Поэтому Ушаков отослал Махмета-эффенди обратно в Янину и вежливо отказал Али-паше в его претензиях на Паргу.

Твёрдый и решительный тон Ушакова заставили Али-пашу освободить консула Ламброса.

Всего за шесть недель (с 25 сентября по 2 ноября) эскадра Ушакова освободила четыре острова — Церигу, Занте, Кефалонию и Св. Мавра. На них было взято в плен до 1 500 французов, которых отправили в Морею, а оттуда в Константинополь. Из великодушия к побеждённому неприятелю Ушаков отпустил во Францию под честное слово не воевать в эту войну против России 70 офицеров с семьями³. На островах было захвачено 202 орудия разного калибра. Русские потеряли в боях всего навсего два человека убитыми и шесть ранеными.

¹ Эффенди — титул, который давался в Турции всем образованным людям.

² «Записки Метаксы», стр. 147.

³ «Материалы», ч. XVI, стр. 455.

Вид на остров Корфу.

3. Осада и взятие о. Корфу

Однако предстояло овладеть самым крупным островом Корфу, который имел первоклассные крепости и большой французский гарнизон.

В течение пяти веков остров Корфу принадлежал Венецианской купеческой республике. Французы захватили его вместе с другими островами в 1797 г. В окружности о. Корфу имеет свыше 200 километров. В конце XVIII в. на нём проживало до 58 тысяч человек, преимущественно греков. Главный город острова также называется Корфу. По данным же В. В. Вяземского, в начале XIX в. город имел 1 200 больших каменных домов, «тесно построенных», и в нём проживало 20 тысяч человек¹. На острове имелось до ста больших и малых деревень.

Город Корфу защищался двумя крепостями — старой и новой, стоявшими на противоположных концах города. По существу же, крепостей было пять, которые соединялись между собой системой разных укреплений. Старая крепость, или цитадель, была построена венецианцами на утёсистом мысе Дезидеро, который далеко вдавался в Корфинский пролив, отделяющий остров от материка. Крепость отрезалась от города широким и глубоким рвом, так что мыс казался островом, соединённым с горо-

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 253; «Журнал В. В. Вяземского», стр. 38.

дом подъёмным мостом. Стояла крепость на тридцатисажённой высоте восточной оконечности мыса и командовала над окружающей местностью. С её батареей можно было стрелять по всем направлениям. Возле крепости находилась широкая ровная площадь, служившая местом обучения и сбора войск. Горные береговые уступы скалистого мыса Дезидеро были обнесены несколькими рядами каменных стен и земляных валов, идущих от самой воды.

Новую крепость построили французские инженеры. Она состояла из трёх мощных укреплений, названных св. Авраам, св. Сальвадор и св. Рок. Новая крепость занимала обширную площадь и обнесена была несколькими рядами укреплений. Укрепления св. Рока, например, обложены были каменными глыбами и имели подземные подкопы с заложенными минами. Крепость с городом сообщалась только через тоннель. Словом, по словам Метаксы, «французские инженеры истощили тут всё своё искусство»¹.

Сам город Корфу, прикрываемый с двух сторон крепостями, со стороны моря защищался толстыми стенами, тянувшимися по береговой крутизне от старой до новой крепости. С островной стороны он был защищён широкими и глубокими рвами и крепкими стенами с разного рода крепостными сооружениями. На востоке в 400 саженьях от старой крепости находился каменистый остров Видо, горные вершины которого возвышались над всей местностью Корфу. Здесь французы построили пять сильных батарей с гарнизоном в 500 солдат. Северо-западнее Видо находился укреплённый островок Карантинный (Лазаретто). Укрепления островов Видо и Карантинного надёжно прикрывали восточные подступы к городу Корфу.

Ушаков, оценив местоположение о. Видо, сказал: «Вот ключ Корфы».

Французский гарнизон перед началом осады о. Корфу доходил до 3 тысяч человек. Продовольствием он был обеспечен на полгода. Оружием и боеприпасами снабжён очень хорошо. 636 пушек, мортир и гаубиц, преимущественно больших калибров, защищали и без того малодоступные укрепления.

¹ «Записки Метаксы», стр. 150.

С моря о. Корфу защищался небольшой, но довольно сильной эскадрой, состоявшей из двух кораблей (74-пушечный «Женерос» и 54-пушечный «Леандр»), 32-пушечного фрегата («Лебрюн»), нескольких шебек, бомбард и других мелких судов¹. Суда стояли северо-восточнее старой крепости в гавани и на рейде под защитой крепостных пушек и батарей о. Видо.

Таким образом, город Корфу представлял единый укреплённый район.

«Корфинские укрепления, — пишет Метакса, — почитаются одними из неприступнейших в Европе и... могут стать наряду с Гибралтаром и Мальтой»².

Этимн-то укреплениями и должен был овладеть Ушаков силами одного только флота.

Блокада Корфу началась ещё 24 октября, когда отряд капитана 1-го ранга Селивачёва закрыл с севера и юга Корфинский пролив и прервал сношения французского гарнизона с материком. Русские крейсерские суда захватили несколько судов противника с разными товарами и одну вооружённую 18 пушками шебеку с экипажем в сто человек. Шебека вошла в эскадру под названием «Макарий».

Вооружённый большой и сильной артиллерией, корабль «Женерос» при удобном для него ветре выходил с рейда и с дальних дистанций вступал в перестрелку с русскими кораблями. Но всякий раз уходил от меткого огня русских канониров с повреждениями.

9 ноября к острову Корфу прибыл Ушаков с четырьмя кораблями и двумя фрегатами и в бухте Мисанги бросил якорь. Теперь у Корфу собралось восемь кораблей, семь фрегатов и несколько мелких судов. Остальные суда находились в рассылке. С прибытием Ушакова блокада Корфу усилилась.

Ушаков расположил суда соединённых эскадр полукругом. Левый фланг дуги подходил к новой крепости, правый, огибая мыс Дезидеро, упирался в берег у монастыря св. Пантелеймона. Остров Видо охватывался с внешней стороны и находился в центре. С острова Карантинного французы были изгнаны, потеряв там 7 пушек и неоконченную постройкой батарею. В Корфинском про-

¹ «Материалы», ч. XVI, стр. 456; «Записки Метаксы», стр. 160.

² «Записки Метаксы», стр. 151.

ливе, в северной и южной его части, постоянно плавали крейсера. Французский гарнизон был зажат в тесной блокаде.

12 ноября корабль «Женерос», воспользовавшись благоприятным ветром, приблизился на пушечный выстрел к кораблю «Св. Троица», который стоял южнее старой крепости, и вступил с ним в перестрелку. Но заметив на ветре второй русский корабль, он поставил все паруса и ушёл обратно под крепость¹. Не отходя далеко от крепости, «Женерос» снова подошёл к русскому флагману «Св. Павел» и вступил с ним «в небольшое сражение». Корабль «Св. Павел» ответил огнём своих мощных пушек. Однако дистанция была настолько значительной, что «большие пушки не могли иначе доставать, как навесным и выстрелами». В этом поединке русские канониры адмиральского корабля показали французам ушаковский стиль стрельбы: «С корабля св. Павла заметно артиллерия действовала исправнее и весьма превосходным числом, — записано в журнале Адмиралтейств-коллегии, — французский корабль, почувствовав сие превосходство, тотчас оборотился через оверштаг и ушёл под крепость; на нём сделаны повреждения: разбита кормовая галерея, сбит гик, с которым и флаг опустился на низ, также... сделано несколько пробоин в борте и убито восемь человек»².

На корабле «Св. Павел» человеческих жертв не было, но перебитыми оказались несколько снастей³. Испытав силу и меткость русской артиллерии, французский корабль не хотел рисковать и больше не выходил из-под крепости.

Под Корфу начались самые тяжёлые испытания моральных и физических сил русских моряков. Ушаков всё теснее сжимал кольцо блокады с моря. Взять сильнейшие морские крепости одними кораблями казалось невероятным, да и подобных примеров история не знала. Французы, зная, что Ушаков не имеет десантных войск, спокойно шутили: «Русские хотят с кораблями своими въехать в бастионы!»⁴.

¹ «Материалы», ч. XVI, стр. 456.

² Там же, стр. 456—457.

³ Там же.

⁴ «Записки Метаксы», стр. 162.

Отсутствие десантных войск очень беспокоило Ушакова. «От неимения со мною сухопутных войск для десанта такое неудобство чувствую, что описать его не в состоянии, — писал он Томаре 27 января 1799 г. — Пока войск со мною корабельных для взятия крепостей было достаточно, тогда успехи наши были скоропостижны, крепость же Корфу по известности своей и по прибавленному ещё многому устройству весьма важная, гарнизону в ней французов с другими присовокупленными до трёх тысяч человек, а со мною на всей эскадре российской считая всех... со всеми расходами менее до двух тысяч, ежели бы всех их ссадить можно было на берег, ничто бы другое не мешало и ничего бы сюда прибавочного не ожидали, тогда и оными, хотя с трудом, но надеялся бы я принудить к сдаче на договор, но мы все рассеяны разделением по местам..., а притом ко всякому действию всегда готовимся...»¹.

Все суда Ушакову приходилось держать наготове. Французский корабль «Женерос» по всем признакам собирался прорвать блокаду и уйти, что в конце концов и сделал. Тёмной январской ночью 1799 г., воспользовавшись попутным ветром и беспечностью турецкого контр-адмирала Фетих-бея, охранявшего пролив, французский корабль, поставив все паруса, выкрашенные в чёрный цвет для маскировки, прорвал оцепление и вырвался на морской простор.

Ушаков послал к Фетих-бею офицера с требованием немедленно идти в погоню за ушедшим противником. Но турецкий контр-адмирал даже и вида не сделал, чтобы выполнить приказ главнокомандующего. Он начал сетовать на свою команду, которую даже не брался уговорить выполнить приказание адмирала, так как турецким матросам мол наскучило быть так долго на море и они «сильно ожесточены противу начальников». В заключение Фетих-бей прямо высказал своё мнение: «Француз бежит, чем гнаться за ним, дуйте ему лучше в паруса...»². Вообще от турецких союзников Ушаков серьёзной поддержки не получал. Однажды Селивачёв писал Ушакову: «Корабль турецкого паши нам никакой помощи не обещает, но по большей части прячется за нас или

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 180.

² «Записки Метаксы», стр. 188.

держится в отдалённости, дабы в случае нужды быть безопасну... их суда нам ненадёжная помощь»¹.

Беглеца преследовали два русских корабля, но «бесподобно лёгкий ход» 74-пушечного корабля «Женерос» спас его от плена.

С другой стороны, существовала реальная угроза переброски в Корфу французского десанта из Анконы или Бриндизи. Если бы французам удалось усилить корфинский гарнизон пятью или шестью тысячами человек десанта, то крепость взять было бы очень трудно. Ушаков учитывал эти обстоятельства и держал флот наготове. По этим причинам он не мог выделить много людей для действия на берегу². А без достаточного количества десантных войск трудно было рассчитывать на скорое падение Корфу.

Огромным препятствием в организации осады и штурма корфинских укреплений было отсутствие осадной артиллерии. «Осадной сухопутной артиллерии: пушек, гаубиц и снарядов ничего мы не имеем... а особливо пуль ружейных для войска, которое без них есть ничто, что есть ружьё, ежели нет в нём пуль»³.

Посланное из Константинополя судно с осадной артиллерией и боеприпасами, по сведениям Ушакова, где-то в Архипелаге «нечаянно сгорело»⁴.

Но больше всего Ушакова беспокоили вопросы снабжения эскадры продовольствием. По договору Порты обязалась снабжать соединённые эскадры провизией. О заготовке продуктов для соединённых эскадр даны были строжайшие султанские фирманы к морейскому, эпирскому и албанскому пашам. Но так как, по словам русского посла Томары, «все паши более или менее неверностью заражены», то султанские фирманы никакого действия на них не имели. Как выяснилось, ещё в ноябре 1798 г. никто никакого провианта для русско-турецкой эскадры и не заготовлял.

«Морской провиант на эскадре расходом весь кончился минувшего ноября в последних числах, — доносил Ушаков Павлу I 18 декабря 1798 г., — служители довольствуются сие время одной экономией от выдач слу-

жителям сохраненною, и оной остаётся не более как на одну неделю, или по самой нужде на десять дней... Настоит великая и крайняя опасность, ежели провиант в одну неделю или десять дней не успеет доставлением сюда, тогда от совершенного уже неимения на эскадре провианта находиться будем в крайнем бедственном состоянии и чем пропитать служителей способов не нахожу»¹.

По сообщениям Томары, в декабре 1798 г. из Константинополя было послано Ушакову продовольствие «на целый год», но оно не дошло до флота. По объяснению русского посла, «недоставление оного (т. е. провианта. — А. А.) произошло от своевольства шкиперов как турецких, так и российских, останавливающих по своим делам или прихотям в островах Архипелага. Некоторые из них до сего дня (март 1799 г. — А. А.) ещё там проживают»².

Конечно, дело было не в одних только шкиперах или непогоде, затруднявшей плавание транспортных судов. Здесь действовали враждебные силы России в лице отдельных чиновников дивана и балканских пашей.

«Недостаток в провианте больше всего беспокоил адмирала Ушакова, — пишет Метакса. — Заготовление оного в Наварине не имело желаемого успеха. Морейский наместник, отозвавшись недостатком денег для покупки сей..., считал себя ограждённым от всякой ответственности»³.

Только благодаря энергии Ушакова, его находчивости и инициативе люди на флоте не голодали. Посылая одного за другим своих офицеров к морейскому паше в Триполицу и Патрас для ускорения заготовок и отправки продовольствия, Ушаков искал способов добыть продукты на месте. «За всем тем начинаем... покупать пшеницу, посылать на мельницы, а потом будем изыскивать способы к печению хлебов, — писал Ушаков в рапорте Павлу I от 18 декабря 1798 г., — также и другой провизии ежели можем что доставить в покупку, будем об оном иметь старание; но денег наличных... у нас недостаточно»⁴.

¹ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 283.

² ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 181.

³ Там же, л. 176 об., 177 об.

⁴ Там же, л. 176 об.

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 285 об., 286 об., 287.

² Там же, л. 241, 241 об.

³ «Записки Метаксы», стр. 153.

⁴ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 287.

Плохо обстояло дело и с обмундированием. Матросы и офицеры сильно обносились.

«Служители эскадры мне вверенной крайнюю нужду терпят, не имея платья и обуви, не получая оных на нынешний год... средств никаких я не нахожу, ибо в здешнем краю ни мундирных материалов, ни обуви, даже и весьма за дорогую цену достать невозможно, да и на выдачу жалованья почти на целой год денег я ещё в наличии не имею», — сообщал Ушаков Павлу I¹.

В этот год зима выдалась на редкость дождливая и холодная. Люди находились всё время под дождями, мёрзли, простуживались и болели. Чтобы предохранить матросов и морских солдат хотя бы частично от простуды, Ушаков снабдил их албанскими капотами². «Можно утвердительно сказать, — заявляет Метакса, — что благо-разумная сия мера спасла, конечно, жизнь большей половины экипажей. В краях сих, где в зимнее время идёт почти беспрестанный дождь с пронзительным ветром и где ночи во всё время года холодны и сыры, албанские толстые капоты необходимы для сохранения здоровья и даже жизни»³.

Несмотря на все эти трудности, Ушаков организовал активную осаду Корфу. «Кто предпринять и вообразить может, — писал он Томаре 27 января 1799 г., — чтобы эскадры без сухопутных войск, без осадной артиллерии, без снарядов, словом сказать, безо всего, даже и без малых способных вооружённых судов одними кораблями и корабельными одними служителями могли бы взять таковую сильно укреплённую крепость, успех наш по сие время, мне кажется, достаточен, крепость весьма в тесной осаде и в ней осаждённые чувствуют во многом великий недостаток и чрезвычайную дороговизну»⁴.

В декабре 1798 г. эскадра Ушакова значительно усилилась. 9 декабря с двумя фрегатами пришёл от берегов Египта капитан 2-го ранга Сорокин. В течение трёх месяцев он участвовал в блокаде Александрии, но, не получая

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 283.

² Местная одежда из толстого сукна в виде бурки, набрасывалась на плечи и защищала от дождя, жары и холода. Служила также одеялом и постелью.

³ «Записки Метаксы», стр. 154.

⁴ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 177 об.

ни от турок, ни от англичан никакого продовольствия, вернулся к своей эскадре.

Во время пребывания у дельты Нила Сорокин захватил несколько французских судов, пытавшихся вырваться из блокады. На них было взято в плен восемнадцать французских офицеров, имевших при себе около тридцати тысяч червонцев. Ни Сорокин, очень нуждавшийся в деньгах для покупки продовольствия для команд, ни тем более Ушаков не конфисковали денег, принадлежавших, по заявлению французских офицеров, лично им, а не Директории. Всех офицеров Ушаков отпустил на родину под честное слово не воевать с Россией. «Собственность безоружных неприятелей была свято уважена... в сию добычами преисполненную войну», — подчёркивает Метакса¹.

Бескорыстие русских войск крайне изумляло французов, а турецкие союзники просто не могли постигнуть подобного отношения к неприятелю.

30 декабря 1798 г. (10 января 1799 г.) прибыл в Корфу контр-адмирал Пустошкин с двумя новыми 74-пушечными кораблями.

Отряд судов под командованием Селивачёва охранял Корфинский пролив с юга, а контр-адмирал Пустошкин с другим отрядом крейсировал в Адриатическом море («Венецианском заливе»), не позволяя французам доставлять подмогу корфинскому гарнизону.

К 1 января 1799 г. под Корфу собралось двенадцать кораблей, одиннадцать фрегатов и несколько мелких судов.

Базой флота Ушаков сделал старый венецианский порт Гуино (или Гувино), находившийся в пяти верстах от новой крепости. Французы боялись оставаться далеко от крепостей и, уходя, разрушили порт и город Гуино до основания. Здесь Ушаков сделал первую высадку и устроил госпиталь. В порту производился мелкий ремонт судов. Жители о. Корфу тепло приветствовали русских и выражали готовность помогать им во всём против французов. Из населения начали организовываться добровольческие отряды для борьбы с вылазками французов в деревни за провиантом.

¹ «Записки Метаксы», стр. 179.

Ушаков лично осмотрел местность вокруг Корфу и наметил места постройки батарей как опорных пунктов осады. Севернее новой крепости на холме Монте-Оливето, около приморского селения Мандукио, в середине ноября в три дня была построена батарея, на которой установили четыре полевых пушки, два картаульных единогога¹, две 53-фунтовые мортиры и две гаубицы такого же калибра. Для защиты батареи были высажены 310 русских морских солдат, 200 турецких матросов, к которым присоединилось 30 албанских добровольцев². Батарея прикрывала порт и город Гунио и держала под обстрелом новую крепость. 15 ноября батарея открыла огонь по крепости.

Для пресечения вылазок французских фуражиров, грабивших деревни, по просьбе жителей 19 ноября на южной стороне острова на возвышенности около монастыря Пантелеймона была построена в одни сутки батарея из трёх небольших пушек. Постройку и охрану батарей взяли на себя сами жители, обязавшиеся иметь на батарее отряд в 1500 человек. Командиром отряда назначен был греческий волонтер инженер Маркати. К нему был придан небольшой отряд русских солдат под командой поручика Канторино. Шебека «Макарий» прикрывала батарею с моря.

Едва были окончены работы, как рано утром 20 ноября отряд французов в 600 человек под командованием коменданта крепости генерала Шабо неожиданно напал на батарею. Греки, никогда не участвовавшие в бою, при первом появлении французской колонны бежали. Оставшаяся горсточка русских солдат храбро защищала батарею, но была подавлена огромным превосходством противника. Семнадцать человек попали в плен, четырьмя удалось уйти на шебеку, остальные погибли в рукопашной схватке. В плен были захвачены инженер Маркати и несколько греков, которых французы немедленно расстреляли. Все пушки достались противнику.

Ободренный удачей, в тот же день в первом часу дня генерал Шабо с тысячным отрядом стремительно атаковал

вал северную батарею. Греческие добровольцы и здесь без оглядки бежали с позиций. Но русские воины встретили неприятеля, как подобает испытанным бойцам ушаковской выучки. Канониры дружными залпами осыпали французов картечью. Но противник наступал с трёх сторон с «великою неустрашимостью». Русские воины штыками отбрасывали французов от батарей.

Жаркий и упорный бой длился до самого вечера. Ушаков, наблюдая за ходом боя, послал с кораблей подкрепление. Под вечер 200 гренадеров под командой храброго капитана Кикина бросились на французов с такой яростью, что они не выдержали и побежали. Гренадеры преследовали их до самой крепости, устилая трупами поле боя. В этой вылазке французы потеряли убитыми одного батальонного начальника, несколько офицеров и доста рядовых, а ранеными — более двухсот человек.

Потери русских были значительно меньше: убитых — один офицер, два унтер-офицера и двадцать девять рядовых; раненых — шесть офицеров, среди них тяжело раненый капитан Кикин, и шестьдесят пять солдат¹.

Из всех вылазок французов эта была самой большой и упорной. Больше они на северную батарею нападений не делали. Но зато на юге ежедневно опустошали деревни.

Ушаков остался доволен своими войсками. Через несколько дней произошёл обмен пленными.

Французы, не решаясь далеко уходить от крепостей, почти каждый день, особенно ночью, выходили на поиски провизии и сильно обирали жителей. Корфийские добровольцы не были в состоянии прекратить эти действия противника.

Французские генералы распространяли среди жителей острова листовки, в которых писали, что русские обманывают их и после победы передадут Турции. Кроме того, они запугивали жителей расстрелами попавших в плен. «Корфиоты были приведены в такую робость французским приговором, подвергавшим их расстреливанию без всякого суда, что, несмотря на всю свою преданность к русским, мало им способствовали в военных действиях...»².

¹ Единорог — орудие типа гаубицы, употреблялось в XVIII и начале XIX в. Картаульный — имеющий пудовый снаряд, полукартаульный — полупудовый снаряд.

² «Материалы», ч. XVI, стр. 408.

¹ «Материалы», ч. XVI, стр. 458—459.

² «Записки Метаксы», стр. 175.

Ушаков же не мог стиснуть плотнее осаду крепости, так как не имел возможности послать с кораблей на берег больше матросов.

Осада Корфу сильно затягивалась. Ушаков против своего желанья вынужден был обратиться к турецким пашам за помощью сухопутными войсками.

«Крайняя необходимость понудила нас требовать войск албанских», — писал Ушаков Томаре 27 января 1799 г.¹

Ещё раньше султанскими фирманами было предписано четырём пашам по требованию Ушакова и Кадыр-бея послать по три тысячи человек пехоты. «С таковым числом войск, — писал Ушаков Томаре, — тотчас Корфу взять было можно»².

Однако, опасаясь султанского наместника Эпира, паши медлили присылкой войск. Ушаков заставил себя ещё раз сделать неприятный шаг — просить янинского пашу о помощи войсками. Ушаков знал, что Али-паша за присылку своих отрядов выставит какие-нибудь непомерные требования. Но обстановка требовала ускорения штурма Корфу, и Ушаков решился.

28 января 1799 г. лейтенант Метакса с письмом и драгоценной табакеркой, украшенной бриллиантами, отправился к Али-паше за войсками. Янинский сатрап находился в Бунтринто и принял Метаксу, как старого знакомого. Получив табакерку, стоившую свыше 2 000 червонцев, Али-паша сказал с улыбкой: «Все пойдёт на лад!»

Он, как и предполагал Ушаков, готов был дать сколько угодно войск, но с условием, по овладении Корфу отдать ему, как участнику экспедиции, половину крепостной артиллерии и все мелкие военные неприятельские суда.

«Много стоило мне труда, — рассказывает Метакса, — дать ему уразуметь, что такового обещания не в силах дать ни сам султан Селим», потому что союзники считают острова не военной добычей, а «землями, исторгнутыми токмо от... французов». Все пушки поэтому должны оставаться в крепостях, как собственность корфиотов. Али-паша с трудом отказался от своего требования. Вручив ответные подарки Ушакову и наградив Метаксу и гребцов, Али-паша отпустил их, обещав прислать своего

сына Мухтар-пашу для получения от адмирала указаний насчёт войск.

Ушаков не очень верил Али-паше, который, не задумываясь, нарушал обещания, если находил это выгодным для себя.

Однако 30 января в середине дня Мухтар-паша в окружении свиты прибыл на корабль Ушакова. Ему оказали генеральские почести. Условившись о нужном количестве войск и об оплате их, Мухтар-паша, не задерживаясь, уехал обратно.

10 февраля начали прибывать албанские войска. Они высаживались в порту Гуино. Хотя янинский паша и писал Ушакову, что посылает 3 000 человек войска, на самом деле их насчитали 2 500 человек. Не обмануть Али-паша не мог.

Видя, что Али-паша дал войска Ушакову, другие паши прислали и свои отряды, общим количеством 1 750 человек. Таким образом, в феврале в Корфу собралось до 4 250 человек албанского войска. Это было почти в три раза меньше, чем обещала Порто, но Ушаков твёрдо решил не откладывать штурма и готовился к атаке крепостей.

Сколько неприятностей доставляли Ушакову албанские войска, видно из следующего письма его к Томаре:

«Пашам, которым о даче к нам войск Блистательною Портою было предписано и по сие время от них в присылке к нам и до четырёх тысяч нет, всегда обещают и обнадёживают, требуют судов, а когда их посылали, стоят долгое время понапрасно или приходят с малым количеством..., а которые войска присланы, с самого приходу их непрерывно требуют от меня и от Кадыр-бея содержание провиантом, деньгами и ружейных патронов, которые наиважнейшая вещь и необходимо надобное. Здесь ни пуль, ни свинцу в покупку достаточно сыскать не можно.

Просим об одном пашей, чтобы снабдили войска свои пулями достаточно, но они отговариваются, что не имеют»¹.

В конце января на возвышенности св. Пантелеймона снова была построена батарея, которая могла обстреливать старую крепость и укрепления св. Сальвадора. Три-

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 180 об.

² Там же, л. 176 об.

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 176 об.

надцать больших корабельных пушек и три меньшего калибра были направлены на крепость. А против укреплений Сальвадора было поставлено семь мортир разного калибра. Круговую защиту батареи несли семь полевых пушек. Батареей командовал цехмейстер¹ эскадры капитан I ранга Юхарин. Ни пушечная стрельба из крепости, ни французские вылазки не смогли помешать устройству батарей. 30 января она была окончена и открыла мощный огонь по укреплениям и атакующей колонне противника, заставив её удалиться обратно в крепость.

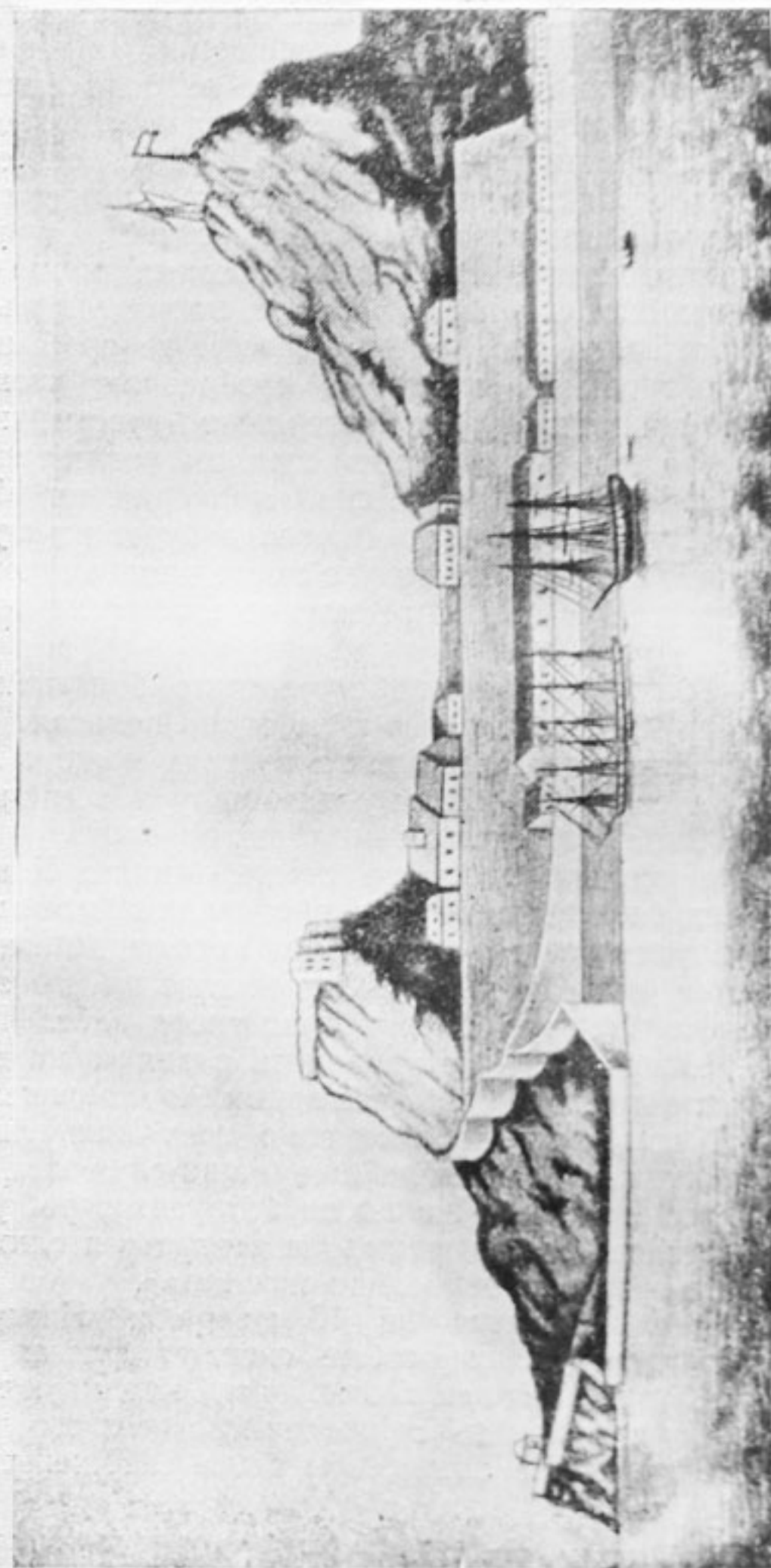
Две сильнейшие батареи на севере и на юге города были хорошими опорными пунктами, державшими корфинские укрепления под мощным артиллерийским огнём.

По прибытии в Корфу Ушаков составил оригинальный и смелый план атаки города и его укреплений. Он отбросил существовавшие правила атаки морских крепостей только силами сухопутной армии при содействии флота. После тщательного изучения системы обороны противника, точного учёта боевой обстановки и глубоких расчётов Ушаков решил атаковать сильнейшие береговые укрепления сначала с моря, а затем, подавив противника огнём корабельной артиллерии, высадить десант для захвата крепостей и пленения или уничтожения живых сил неприятеля.

Первый сокрушительный удар Ушаков наметил нанести всеми судами по о. Видо, этой ключевой позиции корфинских укреплений. Нужно было сбить пять сильных батарей и захватить или уничтожить отряд в 800 человек французов, охранявших остров. Чтобы отвлечь внимание основных сил противника от Видо, Ушаков намечал произвести вспомогательную атаку наружных укреплений новой крепости — Авраама, Рока и Сальвадора. Взятие о. Видо позволило бы флоту подойти к корфинским крепостям и обрушиться на них всей силой корабельных пушек.

Этот план поражает своей смелостью и оригинальной новизной. История до сих пор не знала, чтобы решающая роль штурма падала на корабли, а десанты, и то составленные главным образом из корабельных матросов, играли лишь вспомогательную роль.

¹ Цехмейстер — начальник корабельной артиллерии.

Крепость на острове Корфу (конец XVIII в.).

Готовясь к операции, Ушаков созвал на совет русских командиров кораблей и трёх турецких адмиралов. Он подробно объяснил план главного удара по Видо, а также план атаки новой крепости. «Мнение столь основательное, — говорит Метакса, — не могло не быть одобрено всеми командирами единогласно». Только одним туркам такое «предприятие казалось несбыточным, и они, не имея достаточных доказательств, коими могли бы оспорить большинство голосов в совете, повторяли только турецкую пословицу, что камень деревом не пробьёшь». Однако когда турецкие «адмиралы сообразили, что нападение на крепость будет совершено русскими кораблями и фрегатами, то камень стал им казаться уже не столь твёрдым, — иронически подчёркивает Метакса, — они тотчас смекнули, что слава будет им с русскими пополам, а опасности только последним, а поэтому и одобрили тотчас во всей силе мнение главнокомандующего»¹.

Конечно, от таких союзников ожидать большой помощи было трудно, да Ушаков и не очень полагался на них. Вся тяжесть осады лежала на русских моряках, которые верили своему любимому адмиралу и всегда выполняли его боевые замыслы и приказы.

«... Дела столько здесь не счесть, — писал Ушаков Томаре, — вся блокада и во всех рассылках и во всех местах, и все успехи производимые деланы все одними моими только судами, а из турецкой эскадры кого ни посылаю, пройдёт только час-другой — и тотчас назад идёт. Когда велю где крейсировать и не приходить назад к нам, то отошед останутся и дремлют всё время без осмотрительностей... Я измучил уже бессменно всех моих людей в разных местах... Прилежнейшие наши служители, от ревности и рвения своего желая на батареях в работу и во всех бдительностях в дождь, в мокроту и слякоть, обмаранных в грязи всё терпеливо сносили»².

Атака была назначена на 18 февраля. Накануне штурма составлены были особые сигналы флагами из 130 знаков, которые давали возможность командующему быстро и чётко руководить сражением во всех его пунктах. На совещании все командиры были снабжены сиг-

¹ «Записки Метаксы», стр. 207.

² Е. В. Тарле, указанное сочинение, стр. 103.

налами и точными письменными указаниями для действий.

Несколько дней подряд на обеих эскадрах матросы обучались стрельбе из ружей и мушкетов. Десантные войска и албанцы приготовили лестницы, фашинник и другие предметы для штурма.

Время штурма вовсе не держалось в секрете, а, наоборот, умышленно разглашалось. Из воззваний к населению французы знали о готовящейся атаке. Но они не разгадали главного направления удара. Подготовка лестниц и других орудий штурма, проходившая на глазах французов, говорила о намерении атаковать стены крепостей. Французские генералы допускали, что действия десантов будут поддерживаться мелкими судами. Чтобы затруднить подход судов к берегу, о. Видо был опоясан специальными бонами из деревянных балок, скреплённых железными болтами и цепями. Однако заграждения эти накануне атаки были разорваны сильным ветром и выброшены на берег. Чтобы помешать высадке десанта, французы на берегу около самой воды сделали завалы из оливковых деревьев, безжалостно вырубленных на острове.

Все способы и средства атаки французы старались предвидеть. Но допустить, что русские подойдут линейными кораблями и фрегатами под самый берег на картечный выстрел к батареям, — это было выше их понятий.

Албанские начальники имели приказ Ушакова привести свои войска в день атаки на батареи. За два дня перед штурмом Ушаков лично побывал у них и обещал денежную награду, если они храбро будут вести себя при атаке укреплений. Казалось, всё шло хорошо. Но перед самым выступлением, рассказывает Метакса, войска Али-паши вдруг заявили, что «они не только не отважатся брать приступом такого вооружённого острова, как о. Видо... , но что они и свидетелями быть не хотят таких действий и драться умеют на суше, а не на воде, на кораблях и лодках».

Ушаков поехал к ним и попробовал убедить их в успехе. Когда же ему не удалось уговорить албанцев действовать вместе с русскими войсками, то он, по словам Метаксы, «хотел было понудить их строгостью к повиновению, но тогда они почти все разбежались, оставя начальников своих одних». Ушаков обратился к албан-

ским начальникам, но они также заявили ему, что «он предпринимает дело невозможное». Но адмирал, говорит Метакса, усмехнулся на ответ эфирских «полководцев» и сказал:

«Ступайте же и соберитесь все на гору при северной нашей батарее и оттуда, сложа руки, смотрите, как я, в глазах ваших, возьму остров Видо и все его грозные батареи»¹.

Возможно, что здесь действовали не только причины недисциплинированности войск Али-паши, но и прямое его указание при удобном случае уклоняться от активной помощи русским.

Ушаков тут же решил не пустить ни одного албанца в город Корфу, когда он будет взят. И действительно, албанские солдаты за всё время их пребывания на острове в городе не были, хотя и рвались туда постоянно. Жители города, разумеется, были очень довольны этой мерой Ушакова. Они страшно боялись грабежей и настойчиво просили не пускать албанские войска даже на остров.

Несмотря на отказ албанских войск, Ушаков не изменил решения об атаке. На русских кораблях и на батареях команды с нетерпением ожидали начала атаки. Два дня перед штурмом северная и южная батареи непрерывно стреляли по крепостям и производили там значительные повреждения.

Накануне штурма 17 февраля 1799 г. Ф. Ф. Ушаков издал боевой приказ, в котором подробно излагался план атаки о. Видо². Этот приказ является ярким документом, свидетельствующим о большом военном мастерстве Ушакова, разработавшего классический образец комбинированной операции.

В приказе Ушаков писал: «При первом удобном ветре... по согласованному положению намерен я всем флотом атаковать остров Видо» (см. план атаки Корфу). В приказе подробно были указаны порядок и последовательность вступления судов в бой, чётко обозначены боевые места каждого судна с конкретными объектами

для поражения. Указывая на батареи как главные объекты атаки кораблей, Ушаков требовал от командиров разрушения также прибрежных полевых укреплений.

«... Во все места, где есть закрытые французы за маленькими канавками и за маленькими же брустверами, для ружей сделанных, ежели где есть между ими пушки, то и оные идучи сбить непременно, и потом каждому стать на свои места..., оборотя борты к батареям».

Одна шхуна получила специальную задачу по очищению берега от пехоты противника и уничтожению мелких заграждений. Она должна была стать в середине бухты между первой и второй батареями и пушками очистить все берега, и «когда со всех мест из траншей французы выгнаны будут вон, тогда... стараться очищать берега, приготавливая их для сходу десанта». В помощь шхуне назначались и другие суда. Подобную задачу имел и фрегат «Панагия Аптоменгана»; став на якорь между третьей и четвёртой батареями, он должен был «стараться очистить потребные места на берегах для десанта, оттаскивая набросанные деревья прочь...»

После подавления батарей, разрушения полевых укреплений и очищения берега от французской пехоты по сигналу Ушакова должны были двинуться к берегу заранее подготовленные гребные суда с десантом, скрывавшиеся до тех пор за бортами кораблей. Командиры десантных судов также получили чёткие указания о движении к берегу. «... Гребным судам, везомым десант, промеж собою не тесниться, для того и посылать их не все вдруг, а один за другим...» Достигнув берега, передовые суда обязаны были «очистить дорогу на берегах закиданную, рытвины тотчас забросать землёю или чем только возможно, а где трудно сходить на берег и переходить места закрытые, там набрасывать лестницы с каждого корабля и фрегата, с собою взятые, и сверх лестниц бросать доски, по оным и пушки переводить на берег».

Ушаков располагал сведениями об имеющихся на острове скрытых противопехотных заграждениях: «Сказывают... будто есть на острову в которых-то местах набросанные колючки, засыпанные землёю и понакладеены травой, так что без осторожности можно на оные попортить ноги». Он требовал от офицеров десанта известить об этом людей, а для преодоления таких препятствий

¹ «Записки Метаксы», стр. 215.

² Приказ Ф. Ф. Ушакова по флоту с приложением плана атаки о. Видо см. Е. В. Тарле, указанное сочинение, приложение, стр. 229—332.

«бросать лестницы и сверх оных доски, оне и могут служить мостом безопасным».

Высаженным на остров войскам ставилась задача: «искать неприятеля, разбить или побрать в плен, и остров от оног стараться освободить».

«Когда войска наши взойдут на верх горы, иметь осмотрительность и где потребно будет, и там укреплять пушками, и закрывать себя поспешно легоньким окопом или турами», но делать это нужно «в самой только важной надобности», чтобы, «не теряя времени... овладеть всем островом и отнюдь не замедливать...»

Указания Ушакова о закреплении захваченных рубежей, при непрекращающемся стремительном наступлении, и другие наставления о действии десантных войск показывают, что Ушаков отлично знал общевойсковую тактику.

Наконец, наступил день атаки. 18 февраля (1 марта) в 6 часов утра пушечным выстрелом с флагманского корабля Ушаков дал сигнал батареям о. Корфу открыть огонь по крепостям, а десантным войскам начать штурм укреплений. Следующим сигналом Ушаков приказал кораблям и фрегатам приготовиться к атаке о. Видо. Через мгновение после сигнала на северной и южной батареях засверкали молнии, и оглушительные залпы оповестили о начале штурма. К укреплениям ринулись войска с лестницами, но французы были готовы к отражению нападения. Многочисленные крепостные пушки и ливень ружейных пуль встретили атакующих.

Ушаков, убедившись, что всё внимание французов поглощено нападением на корфинские укрепления, приказал судам сняться с якоря и занять свои места согласно диспозиции. Западный ветер дул прямо на остров и благоприятствовал быстрому выходу судов на позиции. Главным объектом атаки были пять батарей (см. план). Против каждой из них действовали назначенные группы судов, быстро подошедших к ним на дистанцию картечного выстрела. Корабли и фрегаты легли на шпринг¹ и, повернувшись бортами, обрушили на батареи тучи ядер и картечи.

¹ Ш п р и н г — приём, когда с кормы заводится верп, т. е. малый якорь. Пользуются шпрингом для того, чтобы удержать судно при любом ветре илч течении бортом в нужном направлении.

В тот момент, когда суда занимали боевые места по расписанию, Ушаков на флагманском корабле «св. Павел», показывая пример бесстрашия, приблизился к батарее № 1 и с самой короткой дистанции обстрелял её сокрушительными залпами ядер и картечи. Отсюда адмирал направился к батарее № 2. Подойдя к ней очень близко, он личным примером показывал, что не следует бояться короткой дистанции в борьбе кораблей с береговыми батареями. Обстреляв вторую батарею, Ушаков пошёл к третьей и подавил её. Затем он вернулся к батарее № 2, которая стояла на высоком утёсистом берегу и была лучше других укреплена. Выбрав удобную позицию, он спешно стал на шпринг и вместе с ближним фрегатом сбил её.

Таким образом, все пять батарей с окопами и траншеями подверглись внезапной атаке судов. Остров Видо был охвачен с трёх сторон в тесные клещи. Корабль «св. Пётр» и фрегат «Навархия», оставаясь под парусами, обстреливали старую крепость и били по рейду, где стояли французские корабль «Леандр» и фрегат «Лебрюн», и вместе с кораблём «Богоявление господне» не позволяли французам подбрасывать подкрепления на о. Видо.

Турецкие суда были расположены сзади русской линии, а некоторые в интервалах. Вообще султанские корабли действовали вяло и нерешительно, а иногда просто мешали русским.

«Турецкие же корабли и фрегаты, — доносил Ушаков, — все были позади нас, и не близко к острову; если они и стреляли на оный, то через нас и два ядра в бок моего корабля посадили...»

В первые минуты атаки о. Видо французы от неожиданности растерялись. Но скоро пришли в себя и, зарядив пушки калёными ядрами, начали стрелять по русским кораблям, стараясь вызвать на них пожары. Однако первые выстрелы оказались неудачными. Калёные ядра перелетали через суда и перебили лишь несколько снастей и на двух фрегатах пробили верхний борт навывлет, не вызвав пожаров.

Но в это время на противника обрушилась такая страшная лавина картечи и ядер, что ему пришлось отказаться от калёных ядер, очень опасных для деревянных

кораблей, но требующих много времени на сложное зарядание, что очень замедляло стрельбу¹.

Непосредственный участник штурма лейтенант Метакса даёт очень живое описание корабельной атаки береговых укреплений:

«Сие сильное ополчение против батарей неприятельских, непрерывная, страшная пальба и гром больших орудий приводили в трепет все окрестности... Островок Видо был, можно сказать, весь взорван картечами, и не только окопы, прекрасные сады и аллеи не уцелели, не осталось дерева, которое не было бы повреждено сим ужасным железным градом... В одиннадцать часов пушки с батарей французских были сбиты; все почти люди, их защищавшие, погибли, прочие же, приведённые в страх, кидались из куста в куст, не зная, куда укрыться; ядра и картечи тучами сыпались на них, не было места близ берега, которое не было бы ими усеяно»².

Насколько интенсивным был огонь корабельной артиллерии, можно видеть из количества снарядов, израсходованных флагманским кораблём «св. Павел». За несколько часов боя он выбросил на противника 55 бомб, 906 ядер и 224 картечных снаряда. А всего 1 185 снарядов.

Ф. Ф. Ушаков, непрерывно руководивший и следивший за боем, заметил, что неприятельские батареи сильно ослабили огонь. В 11 часов дня он приказал высадить десант. Заранее приготовленные войска на баркасах, катерах и лодках двинулись к берегу. Гребные суда приставали в трёх местах, и, несмотря на сильный огонь противника и на не разрушенные огнём артиллерии прибрежные препятствия, десантные войска «с невероятной скоростью вышли на берег». В десанте было 1 419 русских матросов и солдат и 750 турок. Всего 2 169 человек³.

Обескураженные и совершенно подавленные мощным артиллерийским огнём, а также дерзкой высадкой десанта, невзирая на серьёзные препятствия, французы под стремительными ударами войск оставляли батареи, траншеи, окопы и уходили в глубь острова. Значительная часть их

¹ Ядра калились до вишнёвого цвета в особых печах на решётках.

² «Записки Метаксы», стр. 212.

³ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 302.

засела в центральном укреплении, но после трёхчасового боя вынуждена была сдаться.

«Храбрые войска наши, — доносил Ушаков 21 февраля 1799 г. Павлу I, — так сказать, мгновенно бросились во все места острова, и неприятель повсюду был разбит и побеждён»¹.

Потрясённые боем, многие французы сдавались. Но разъярённые турки, рассыпавшись по острову, беспощадно хватили их, рубили головы и, по заведённому в Порте варварскому обычаю, надеялись получить за них деньги. Видя страшные зверства турок, русские солдаты и матросы «принуждены были оборонять своих неприятелей, обращая примкнутые штыки не к французам, а союзникам своим». Для спасения пленных французов пришлось окружить турецкий отряд русскими войсками и предупредить турок, что по ним будет открыт огонь, если они попробуют схватить хотя бы одного пленного.

«Сия решительная мера, — говорит Метакса, — спасла жизнь... французов, турки не пощадили бы, конечно, ни одного. Русские и здесь доказали, что истинная храбрость сопряжена всегда с человеколюбием, что победа венчается великодушием, а не жестокостью»².

К двум часам дня весь остров был в руках десанта. Утихли последние выстрелы. На батареях взвились русские и турецкие флаги. Пленные французы во главе с генералом Пивроном были доставлены на русские корабли. Пиврон, приглашённый Ушаковым на обед, по словам Метаксы, «был объят таким ужасом, что за обедом... не мог держать ложки от дрожания рук и признался, что во всю свою жизнь не видал ужаснейшего дела»³.

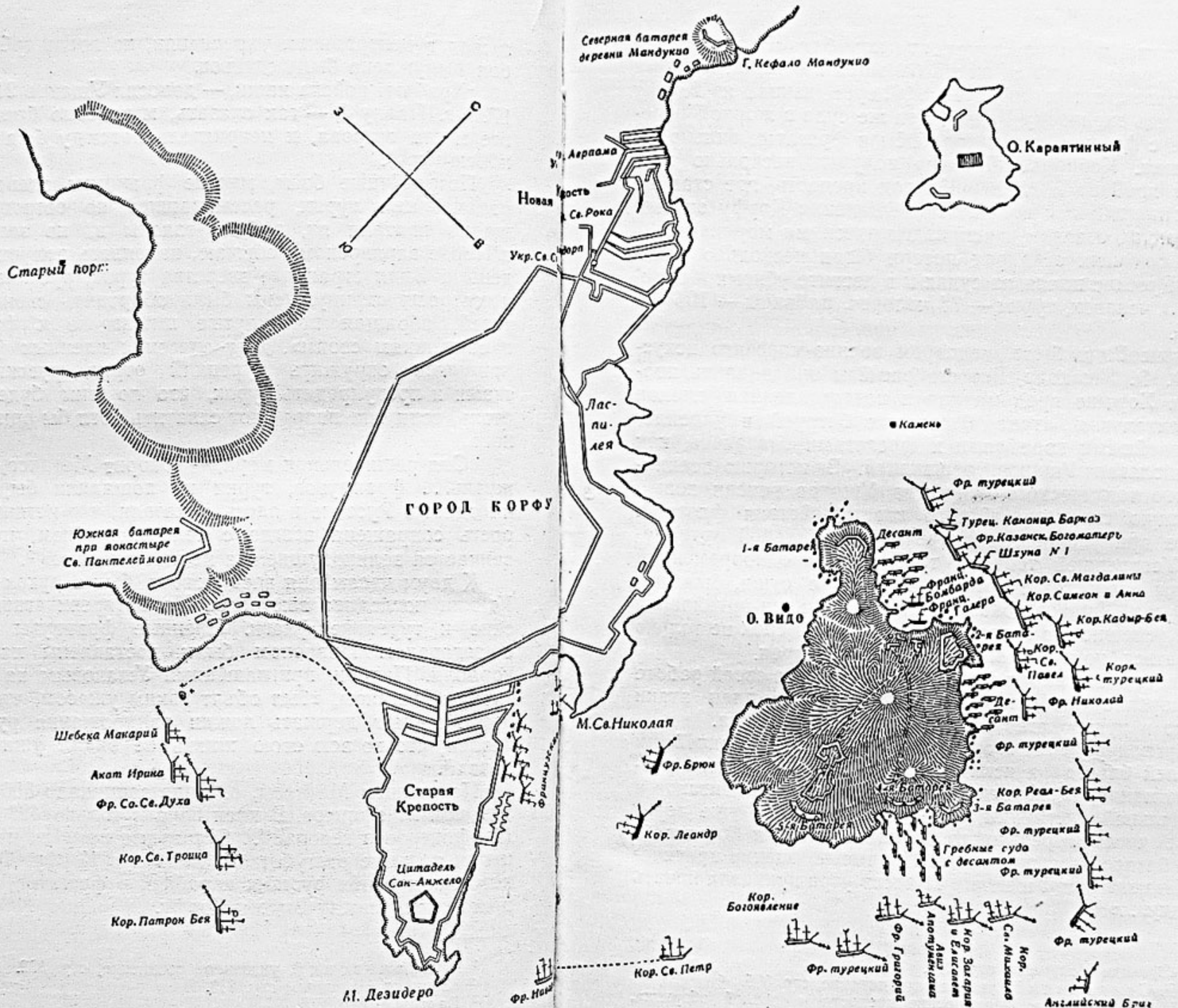
По данным Метаксы, о. Видо защищало 800 французов, при 21 офицере. В плен попало только 422 рядовых, 15 офицеров и генерал⁴. Остальные погибли на острове и при попытке отступить на лодках в Корфу. Они были потоплены огнём русских кораблей и фрегатов, охранявших пролив между Видо и Корфу.

¹ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 302.

² «Записки Метаксы», стр. 213.

³ Там же, стр. 216.

⁴ Там же.

План осады крепостей Корфу и о. Видо.

Метакса свидетельствует, что корабли «Богоявление» и «Григорий» потопили шесть больших лодок, на которых 280 человек, в том числе 10 офицеров, вышли из Корфу на помощь гарнизону Видо¹. Эти же суда в жаркой перестрелке с французскими кораблём и фрегатом сильно их повредили. Корабль «Леандр» получил несколько подводных пробоя и едва ушёл под крепость, где стал на мель и наполнился водой. После падения Корфу он был снят с мели, откачан и исправлен русскими моряками.

На союзных эскадрах потери были несколько меньшими. Русские имели на судах и в десанте убитых и раненых 113 человек, турки — 78 человек, албанцы — 105 человек².

Взятие Видо было шедевром военно-морского искусства Ф. Ф. Ушакова. Все его расчёты оправдались полностью. Хорошо продуманная и подготовленная, смелая и решительная атака береговых батарей и укреплений линейными кораблями и фрегатами оказалась, как и предполагал Ушаков, решающей. В историю военно-морского тактического искусства Ушаков вписал новую блестящую страницу чёткого взаимодействия флота и десанта при решающем значении корабельной артиллерии. Устаревшей теории, требовавшей одновременной блокады крепостей с моря и штурма с суши, был нанесён удар. Ушаков доказал, что корабельная артиллерия может успешно и в сравнительно короткий срок не только состязаться, но и подавить береговые батареи.

Советский адмирал флота И. С. Исаков в своей работе «Приморские крепости» высоко оценивает план атаки о. Видо и руководство боем со стороны Ушакова.

«Артиллерийский огонь фрегатов, а затем и линейных кораблей благодаря исключительно высокой выучке русских командоров, хорошему маневрированию капитанов и решительной дистанции, выбранной для боя, уже через четыре часа непрерывного действия сломил боеспособность батарей и гарнизона... Правильно оценив критический момент боя, Ушаков в 11 часов утра приказал начать высадку...»³.

¹ «Записки Метаксы», стр. 214.

² Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 305.

³ И. С. Исаков, Приморские крепости, «Морской сборник», 1945, № 5—6, стр. 34—35.

В то время как корабли атаковали Видо, корфинские укрепления подверглись дружному штурму русского десанта под прикрытием мощной канонады береговых батарей. Русские, турки и часть албанских охотников бросились на укрепления св. Рока. Ни град ружейных пуль, ни картечные смерчи, ни сыпавшиеся на головы гранаты — ничто не могло остановить русских матросов. Они бесстрашно устанавливали лестницы и взбирались наверх. Турки и албанцы, увлечённые храбростью и мужеством русских, последовали за ними.

Французы не выдержали стремительного напора. Заклепав пушки и взорвав пороховые запасы, они спешно отступили к Сальвадору. Русские смельчаки на плечах отступавших ворвались в Сальвадор, и французы после получасового отчаянного сопротивления, не успев даже заклепать пушек, бежали в третье укрепление. Укрепление св. Авраама также не могло долго устоять против решительных и смелых ударов русских матросов и солдат. В полтора часа все наружные укрепления новой крепости оказались в руках десанта.

Взятие о. Видо и малодоступных укреплений новой крепости очень подорвало моральное состояние неприятеля. Французские генералы понимали, что теперь Ушаков бросит весь флот на старую крепость, которая вряд ли долго сможет устоять против всеокрушающего огня корабельной артиллерии и неслыханной смелости русских штурмовых отрядов.

Генеральный комиссар Директории Дюбуа и дивизионный генерал Шабо, считая дальнейшее сопротивление бесполезным, решили крепость сдать, выговорив только почётные условия капитуляции.

19 февраля (2 марта) три офицера во главе с полковником Брисом явились к Ушакову с письменной просьбой прекратить военные действия и назначить время переговоров о сдаче крепости. Ушаков принял предложение и согласился на 24-часовое перемирие для обсуждения условий капитуляции. На следующий день к Ушакову на корабль явились французские комиссары «для утверждения и размена договоров». После совещания с Кадыр-беем и присланным к нему диваном Махмуд-еффенди были утверждены следующие условия капитуляции:

Крепости Корфу сдаются со всей артиллерией, амуническими запасами, провизией и всеми казёнными вещами, находящимися в арсенале и во всех магазинах, принадлежащих французам.

В числе «казённых вещей» передавались по описи «во всей целости» корабль «Леандр», фрегат «Лебрюн» и все другие суда Французской республики.

Французский гарнизон выпускался из крепости при военных почестях и в строю складывал оружие и знамёна.

Весь гарнизон отправлялся в Тулон на нанятых судах за счёт союзников. Генерал Шабо со штабом доставлялся в Тулон или Анкону, по его желанию.

Генералитет и весь гарнизон обязывались честным словом в течение 18 месяцев не воевать против России, Турции и их союзников.

Французы, попавшие в плен во время сражения, отправлялись в Тулон на тех же условиях, но также обязывались честным словом не участвовать в этой войне до полного размена пленными.

Больные и раненые французы, которые не могли отправиться на родину, оставались на острове в госпиталях и лечились наравне с русскими, а после выздоровления отправлялись в Тулон.

Договор о капитуляции был подписан 20 февраля 1799 г.

Через два дня все суда обеих эскадр стали между о. Видо и Корфу. В этот день французский гарнизон в середине дня вышел из крепости и сдал оружие. На всех укреплениях и французских судах подняли русские и турецкие флаги. Крепости были заняты русскими караулами.

Так после четырёхмесячной осады капитулировала перед русским оружием сильнейшая морская крепость, защищавшаяся большим и храбрым гарнизоном, имевшим значительные запасы оружия и продовольствия.

Всего сдалось в плен около 2 930 французов во главе с тремя генералами и главным комиссаром Директории.

В крепостях Корфу по описи было принято: пушек медных и чугунных разных калибров 510, мортир разных калибров 105, гаубиц 21, ружей годных 5 495 и огромное количество боеприпасов.

В продовольственных магазинах оказалось 2 500 четвертей пшеницы и запас провианта по числу французского гарнизона на полтора месяца.

Более 20 судов досталось победителям, среди них 54-пушечный корабль, 32-пушечный фрегат и мелкие суда разных типов¹.

Турки требовали полного дележа всех трофеев, в том числе артиллерии и боеприпасов. Однако Ушаков категорически воспротивился и разрешил им только пополнить израсходованные боеприпасы и вышедшую из строя артиллерию. Турецкие адмиралы пожаловались на Ушакова в Константинополь. Но и там вынуждены были признать справедливость поведения русского адмирала. Об этом посол Томара несколько раз писал Ушакову:

«Артиллерия и амуниция, находящиеся в крепостях острова Корфу, должны оставаться и сохранены быть для обороны тех же крепостей и ни в какой делёж не входят; но как вашему превосходительству и Кадыр-бею можно переменить испорченные пушки и пополнить употреблённую на общее дело амуницию, дабы быть в состоянии вновь и непременно подвизаться для общего же дела; тут дележа никакого быть не должно... о чём весьма строго пишет Порты в Кадыр-бею»².

Али-паша требовал своей доли трофеев, но Ушаков категорически отказал ему, как не участвовавшему в штурме крепостей, а скорее срывавшему его.

«Взятые из крепости Корфу суда французские к разделу следуют между двумя эскадрами. Али-паша и Албанцы не должны в том участвовать и от Порты сказанному паше в требованиях его по сему давно отказано», — подтверждал Томара правильную линию Ушакова³.

Али-паша попробовал было угрожать, но Ушакова испугать было трудно, и янинский паша отступил.

Он не дерзнул выступить против Ушакова. В марте Ушаков выпроводил с о. Корфу отряды наместника Эпира, занимавшиеся только разбоем и грабежом населения. Али-паша начал вымещать свою злобу за неудачу

¹ «Записки Метаксы», стр. 220—221; Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 326—327.

² ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 254.

³ Там же, л. 253 об.

на других пашах, добросовестнее его служивших Ушакову, и на греках.

Весть о взятии Корфу молнией облетела всю Европу и Азию. Событие это было поразительным, и в Европе долго говорили о флотоводческом таланте Ушакова и исключительной храбрости русских моряков. С падением корфинских крепостей Ушаков блестяще завершил свой план изгнания французов с Ионических островов.

Адмирал И. С. Исаков даёт высокую оценку всей корфинской операции Ушакова. «Взятие морской крепости Корфу адмиралом Ушаковым является классической для своего времени комбинированной операцией, продемонстрировавшей исключительно высокий уровень русского военно-морского искусства»¹.

Перед отъездом в Анкону французские генералы выразили Ушакову своё мнение о его военном мастерстве и боевых качествах русских моряков.

«Французские генералы, — рассказывает Метакса, — выхваляя благоразумные распоряжения и храбрость русских войск, признавались, что никогда не воображали себе, чтобы с одними кораблями могли приступить к страшным батареям Корфу и острова Видо, что таковая смелость едва ли была когда-нибудь видна...» Но ещё больше они были «поражены великодушием и человеколюбием русских воинов», им одним обязаны были «сотни французов сохранением своей жизни, исторгнутой силою от рук лютых мусульман...»².

Так судили и оценивали корфинскую победу Ушакова и его славных моряков побеждённые враги.

Но самую выразительную и сильную оценку успехов Ушакова и его эскадры дал А. В. Суворов в присланном ему поздравлении по случаю взятия Корфу:

«Великий Пётр наш жив. Что он, по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах, произнёс, а именно: природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет, то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту!.. Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу, хотя мичманом!»³.

¹ И. С. Исаков, Приморские крепости, «Морской сборник», 1945, № 5—6, стр. 33.

² «Записки Метаксы», стр. 222.

³ «История русской армии и флота», т. IX, М. 1913, стр. 222.

Один только русский император не оценил должным образом заслуг своего адмирала и моряков. Павел I, разгневанный за побег французского корабля «Женерос», отказался наградить участников штурма Корфу. Он ограничился производством в следующие чины только высших начальников флота.

Ф. Ф. Ушаков был произведён в полные адмиралы, а П. В. Пустошкин — в вице-адмиралы.

С окончанием военных действий Ушаков в первую очередь занялся устройством в городе Корфу госпиталей, куда немедленно перевёл всех раненых из Гуино. В госпиталях он ввёл дежурство капитанов всех рангов и завёл строгий порядок. «Постели содержимы были с крайней чистотою, — пишет Метакса, — и больные, при необыкновенном присмотре, снабжены были, как нужными лекарствами, так и лучшею пищею... Адмирал почти ежедневно посещал госпитали, входил во все подробности продовольствия и пользования». Под заботливым наблюдением Ушакова раненые и больные быстро залечивали раны и выздоравливали.

Затем неотложно требовалось организовать ремонт судов, которые, находясь непрерывно под парусами, в условиях штормовой погоды, сильно износились и нуждались в немедленной починке и килевании. Ушаков принял срочные меры к доставке из Албании и Дурацо корабельного леса и других материалов, необходимых для ремонта судов. В Корфу была организована продовольственная база и депо «разных флотских надобностей». Делать всё это было очень трудно. Всё нужное, в том числе и продовольствие, посылаемое из России, неизменно запаздывало из-за огромного расстояния, а Порта попрежнему не выполняла своих обязательств.

С занятием Ионических островов задачи экспедиции в Средиземном море не окончились. Наоборот, предстояли активные действия флота у берегов Италии. Поэтому Ушаков должен был готовить суда и людей к новым боевым делам. Трудности же не уменьшились, а скорее увеличились.

В письме от 31 марта 1799 г. Ушаков, доведённый до крайности, откровенно написал Томаре о состоянии эскадры.

«Из всей древней истории не знаю и не нахожу я примеров, чтобы когда, какой флот мог находиться в отда-

лённости без всяких снабжений, и в такой крайности, в какой мы теперь находимся. Мы не желаем никакого награждения, лишь бы только по крайней мере довольствовались нас провиантом, порциями и жалованьем как следует, и служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду и чтобы притом корабли наши было чем исправить и мы не могли бы иметь уныния от напрасной стоянки и невозможности действовать. Вот, милостивый государь, до каких объяснений приводит меня крайность»¹.

4. Ф. Ф. Ушаков и политическое устройство Ионических островов

Среди многочисленных забот о флоте Ушаков уделял много внимания и политическому устройству Ионических островов. Ещё в начале экспедиции, во время пребывания Ушакова в Константинополе, Порты согласилась на объявление бывших венецианских островов самостоятельными, но под покровительством России и Турции.

Теперь предстояло решить вопрос о центральном управлении островами. И Ушаков решил его умно и смело. Прежде всего он объявил Ионические острова «Республикой семи освобождённых островов».

12 апреля 1799 г. Ушаков предложил депутациям островов «избрать выбором и балотираниею (баллотировкой. — А. А.) между первейшими жителями искусных, честных, справедливых, достойных и с лучшими дарованиями особ»².

Делегации собрались в городе Корфу, который был назначен местом пребывания правительства республики. Из них составилось ядро будущего сената.

Ушаков сам написал присягу для депутатов, которые выбирали разных чиновников для присутственных мест. По предложению Ушакова сенат приступил к выработке проекта «постановлений и надлежащих правил новому правлению», т. е. проекта конституции островов³.

17 мая 1799 г. депутаты представили Ушакову на утверждение «План о учреждении Правления на освобо-

ждённых от французов прежде бывших венецианских островах и о установлении во оных порядка»¹.

Согласно «Плану» верховная власть находилась в руках выборного сената, который считался главным правительством республики. Он составлялся из делегатов, избранных главными советами всех семи островов из «достоинейших особ».

Например, о. Корфу выбирал троих делегатов — двоих из «старых дворян», а третий из «второго класса». Таким же порядком и в той же пропорции избирались делегаты на островах Кефалонии и Занте. На о. Св. Мавра выбиралось два делегата по одному от дворян и «второго класса». На малых островах — Итаке, Цериги и Паксо — делегаты выбирались из тех, «кто достойным окажется»².

Главные советы на островах выбирались дворянами «в полном союзе со вторым классом». Ко «второму классу» относились лица, «кои ведут себя благочинно» и имеют определённый годовой доход, т. е. буржуазия. Размер чистого годового дохода для отдельных островов был не одинаковым. Например, на о. Корфу к выборам допускались представители «второго класса», имевшие чистого дохода в год не менее ста червонцев, в Кефалонии, Св. Мавра — шестьдесят, в Цериги и Паксо — сорок, в Итаке — тридцать червонцев.

В «Плане» совершенно чётко указывалось, что, помимо имущественного ценза, представители «второго класса» не должны были «упражняться в простых художествах», т. е. заниматься ремеслом. Следовательно, выборное право получало поголовно всё дворянство, крупная и средняя буржуазия. Ремесленники и другие слои мелкой буржуазии, а также крестьянство избирательного права не имели.

Для определения принадлежности ко «второму классу» создавалась особая комиссия. В отдельных случаях допускались исключения. Разночинцы, не имевшие нужного имущественного ценза, но «по какому ни есть случаю» имевшие «благородное воспитание» и одарённые «прирождёнными дарованиями», могли быть включены

¹ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 435.

² Там же, стр. 441—442.

³ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 272, 272 об.

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 274—279.

² Там же, л. 275 об.

пожизненно «в число избираемых дворян» и получить должность в «судебных местах».

Во главе сената стоял председатель, или голова, избравшийся на полтора года. Сенат решал большинством голосов политические, военные и экономические вопросы, касавшиеся всех островов. Он контролировал работу суда и органов самоуправления (малые советы, или конклавы, и др.).

Судьи выбирались и увольнялись сенатом. Половина членов сената ежегодно переизбиралась.

На всех островах были созданы полицейские органы — «судилища», или «верхняя полиция». Главными обязанностями «верхней полиции» было рассмотрение дел о «спокойствии всего острова», оберегание его «от всяких раздоров... могущих произвести междоусобие». Другими словами, полиция обязана была подавлять классовые выступления трудящихся, которые имели место на островах и часто принимали острый характер.

«Известно мне, — писал Ушаков 20 апреля 1799 г. на о. Кефалонию, — что правление в острове Кефалонии и по сие время ещё не учреждено. Народ негодует на депутации и просит скорейшего учреждения, а между тем чернь дошла до дерзости и ослушания, собираются во множестве людей и почти бунт заводят».

Ушаков потребовал прекращения «бунта».

«Желаю от всей искренности моей доставить всем островам совершенное спокойствие и предписываю всем обывателям острова Кефалонии восстановить между собой приятство и дружелюбие»¹.

Для защиты островов от нападений африканских пиратов и разбойников с албанского материка создавались республиканские войска, состоявшие из небольшого военного флота, «корпуса канониров и бомбардиров», «корпуса регулярных войск» и «корпуса греческих войск».

Ушаков помогал обучению этих войск. Они должны были охранять крепости Корфу и остальных островов. А пока что крепости были заняты русскими десантами до прибытия из России специального полка солдат. Турция также должна была прислать такое же число войск. Команды Кадыр-бея в крепости не допускались, за исключением малых отрядов.

¹ Е. В. Тарле, указанное сочинение, стр. 126—127.

В августе 1800 г. «План» и все другие постановления были утверждены Павлом I.

Республиканская форма устройства освобождённых от французов Ионических островов была избрана Павлом I и его дипломатией как наиболее удобное государственное устройство, позволявшее объявить острова независимыми и только находящимися под покровительством России и Турции, фактически же только под протекторатом одной России. Порты не играла существенной роли, хотя русские дипломаты и делали вид, что с ней считаются.

В Константинополе хотели было отказаться от первоначальных обещаний относительно островов, но решительные представления Томары от имени Павла I заставили султана подтвердить согласие на образование из островов республики.

В марте 1799 г. Томара писал Ушакову, чтобы как можно скорее под его непосредственным руководством «обыватели островов положили начало действия к образованию себя в правление сходственное воле нашего императора в Республику на подобие Рагузкой... В случае какого-либо затруднения со стороны турков, прошу объявить наотрез, что и я таковые же имею повеления, что Порты об оных ведает и что сие так должно быть. Я о сем настою потому, что Порты предизбирает ныне другой род Правления для нее угоднейший; но представления о сем высочайший двор отверг»¹.

Часть корфинских дворян не была довольна представлением выборного права «второму классу» и хотела сосредоточить власть только в своих руках.

Их представители, прибывшие в Константинополь без всяких полномочий от сената, самочинно «упросили министерство Порты и русского посланника Томару изменить конституцию и одному дворянству предоставить всю власть».

Конечно, посол дворянской империи Томара и продажные турецкие министры феодальной Турции не заставили себя долго просить. Никчёмные остатки дворянства Ионических островов усилили свою власть. Но это привело только к ещё большему обострению классовых противоречий на островах.

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 242 об.

Когда же Ушаков, вернувшийся в Корфу из Италии в феврале 1800 г., узнал о таких изменениях, он попытался доказать Томаре, что его действия будут иметь «пагубные последствия» и вызовут «междоусобную войну». Ушаков требовал отказать самозванным депутатам, подчеркнув, что Томара вмешался не в своё дело.

«Вы изволите припомнить высочайшее повеление, — писал он Томаре, — что по сим обстоятельствам всё это на меня возлагалось; я и теперь стараюсь привести всё в лучший порядок»¹.

В это время Ушаков имел случай убедиться, что дворян поддерживают англичане и австрийцы. В руки Ушакова попало письмо австрийского губернатора в Бокко ди Катаро консулу острова Занте. В этом письме, писал Ушаков Томаре 22 мая 1799 г., найдены «развратность и помешательство в наших учреждениях островов, прежде бывших Венецианских; стараются они делать происки и отклонять их на сторону австрийской нации»².

Несмотря на непоследовательность, противоречивость и классовую ограниченность ушаковской «Конституции», она производила на всех монархов, пытавшихся всеми силами искоренить последствия французской буржуазной революции, впечатление слишком демократического законодательства.

Ионические острова находились под покровительством России до 1807 г.

По Тильзитскому миру (1807 г.) они снова достались Франции, а после Венского конгресса фактически перешли под владычество Англии.

5. Ф. Ф. Ушаков у берегов Италии

В Северной и Средней Италии, завоёванной Бонапартом в 1796—1797 гг., безраздельно хозяйничали, как в колонии, французские войска. В январе 1799 г. французы в несколько недель захватили Неаполитанское королевство и провозгласили «Партенопейскую республику». Ещё в декабре 1798 г., после того как французские войска заняли Неаполь, неаполитанский король Фердинанд IV с семьёй перебрался на о. Сицилию в Палермо.

¹ Р. Скаловский, указанное сочинение, стр. 340—341.

² Там же, стр. 342.

Командующий английским флотом в Средиземном море Нельсон, всячески поощрявший Фердинанда IV на войну с французами, попал в затруднительное положение. Часть английского флота находилась у дельты Нила, другая плавала у Мальты, где много месяцев шла безуспешная осада неприступной крепости Ла Валетты, в которой находился французский гарнизон, и не думавший даже сдаваться. С частью судов он охранял королевскую семью в Сицилии.

В январе 1799 г. Томара прислал Ушакову копию «с союзного оборонительного трактата высочайшего двора с Портою Оттоманскою» и секретных «артикулов», которые были ратифицированы 27 декабря 1798 г. Одновременно он сообщал, что «английский оборонительный трактат в виде приступления к нашему был подписан 25 сего же течения с уполномоченным Порты, комодором Сидней Смитом и братом его, резидирующим здесь министром английским, уполномоченным к тому же е. в. короля Великобританского»¹.

На основании этого «Трактата» Ушаков должен был действовать в союзе с английским флотом в Средиземном море.

Нельсон, как мы видели, давно уже пытался помешать занятию Ионических островов русскими, требуя от Ушакова отправки кораблей и фрегатов то на восток Средиземного моря, якобы для помощи англичанам в осаде Александрии, то к Анконе и южным берегам Италии. Но из этого ничего не получалось. Ушаков упорно вёл свою линию, занимая один за другим острова.

После падения неприступных укреплений Корфу в Западной Европе были уверены, что для русского адмирала и его флота не существует никаких препятствий. Нельсон был встревожен до предела тем более потому, что Павел I с своей стороны стремился захватить Мальту. Он послал через Австрию в Италию для взятия Мальты и охраны её целый корпус войск во главе с генералом Германом.

Характерно, что, посылая войска в Западную Европу, Павел I очень боялся разложения их под влиянием французской революции. В рескрипте на имя генерала Германа от 16 декабря 1798 г. Павел I требовал:

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 190 об.

«Остерегайтесь... дабы войска наши через сообщение с жителями и стеснённое обращение с оными не заразились духом пагубной вольности и по окончании войны не внесли с собою искры сего пламени в пределы империи нашей; и для сего всякое буйство, вольнодумие и озорничество наказывайте, яко поводы к вящему и дальнему разврату умов»¹.

Английский адмирал, ненавидевший русских и Ушакова в частности, и не скрывавший этого, как и английский посол в Неаполе Виллиам Гамильтон, решил всеми мерами не допустить Ушакова к Мальте. Получив ложные сведения о якобы посланных Ушаковым в Мальту воззваниях к населению, Нельсон 10 января 1799 г. написал нервное и наглое письмо капитану Боллу, блокировавшему Мальту:

«Нам тут донесли, что русский корабль нанёс вам визит, привезя прокламации, обращённые к острову. Я ненавижу русских, и если корабль пришёл от их адмирала с о. Корфу, то адмирал — негодяй»².

Таков был «союзник» Ушакова на Средиземном море...

Чтобы не допустить русских в Мальту, где могла образоваться русская «партия», Нельсон, вопреки историческим фактам, усиленно пропагандировал, что Мальта издавна принадлежит неаполитанской короне. А поэтому «законным» королём является Фердинанд, а англичане только «помогают» ему. На Мальте были подняты флаги английского и неаполитанского королей.

Нельсон бессовестно фальсифицировал историю. Остров Мальта с 1530 г. и до завоевания его французами в 1798 г. принадлежал ордену иоаннитов. Неаполитанская корона никакого отношения и права на Мальту никогда не имела.

Нельсон пригрозил мальтийцам, что если они вздумают поднять русские флаги, то он не пропустит на остров ни одного судна с хлебом, в котором жители Мальты страшно нуждались.

Однако обойтись без помощи Ушакова и его десантов Нельсон никак не мог.

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 61.

² Е. В. Тарле, указанное сочинение, стр. 150.

«Мы ждём с нетерпением прибытия русских войск. Если девять или десять тысяч к нам придут, то Неаполь спустя одну неделю будет отвоёван, и его величество будет иметь славу восстановления доброго короля и благостной королевы на их троне», — писал Нельсон английскому послу в Петербурге Уитворту¹. Он ошибся в числе войск. На практике оказалось, что достаточно было появиться нескольким сотням ушаковских моряков, чтобы Южная Италия была очищена от французов.

«...английская буржуазия не любит воевать своими собственными руками. — пишет И. В. Сталин. — Она всегда предпочитала вести войну чужими руками. И ей иногда действительно удавалось найти дураков, готовых таскать для неё из огня каштаны.

Так было дело во время великой французской буржуазной революции, когда английской буржуазии удалось создать союз европейских государств против революционной Франции»².

По совету Нельсона, король Фердинанд IV послал к Ушакову министра Мишеру умолять его о немедленной присылке кораблей ему на помощь. Мишеру прибыл 10 февраля 1799 г., когда Ушаков готовился штурмовать Корфу. Закончив операции в Корфу, Ушаков внял просьбе неаполитанского короля. На этот счёт он имел повеления Павла I. 23 апреля 1799 г. он выделил отряд из четырёх фрегатов с десантом под командованием капитана 2-го ранга А. А. Сорокина.

В тот же день Сорокин внезапно появился перед крепостью и городом Бриндизи, в котором находилось 500 человек французов, недавно высаженных с корабля «Женерос». Неожиданное появление русских судов так напугало французов, что они «как скоро увидели приближающуюся нашу эскадру, бросили всё, не успели взять с собой ничего, даже серебро и деньги, собранные в контрибуцию, оставили и в великом страхе без памяти бежали во внутрь матерой земли к стороне Неаполя»³, — читаем в «Журнале» Адмиралтейств-коллегии.

Затем отряд Сорокина пошёл на север вдоль берега Италии. 2 мая он подошёл к г. Бари, где его встретила

¹ Е. В. Тарле, указанное сочинение, стр. 163.

² И. В. Сталин, Соч., т. 9, «Заметки на современные темы», стр. 324—325.

³ «Материалы», ч. XVI, стр. 161.

депутация от местных жителей, заявившая о преданности неаполитанскому королю. Один только слух о появлении русской эскадры у итальянских берегов заставлял французские гарнизоны уходить с побережья.

3 мая Сорокин подошёл к г. Манфредонии и высадил десант из 600 человек морских солдат и матросов с шестью полевыми орудиями. Десантом командовал капитан 2-го ранга Г. Г. Белли.

Он повёл отряд на Неаполь, изгоняя по дороге французов из всех укрепленных пунктов. По пути к отряду Белли присоединялись монархические толпы сторонников короля, которых возглавил кардинал Руффо, считавшийся командующим королевской армией.

На пути к Неаполю Белли узнал, что колонна в тысячу французов и неаполитанских республиканцев приближается к г. Портичи. Он послал туда небольшой отряд в 120 человек гренадеров и матросов при двух пушках. Не ожидая запаздывающие «королевские войска», отряд после нескольких орудийных выстрелов бросился в штыки. Удар был настолько смелым и стремительным, что многочисленный противник не мог устоять и беспорядочно бежал. На поле боя осталось триста неприятельских трупов, шестьдесят один человек попал в плен. Победителям достались пять пушек, знамя и тридцать пять лошадей. Слух об этой победе быстро разнёсся по стране, вызывая страх и панику среди французов.

2 июня отряд Белли подошёл к окрестностям Неаполя, в котором находились главные силы неаполитанских республиканцев и большой гарнизон французских войск. Продвигаясь по берегу моря со стороны Везувия, русский отряд с боем овладел мостом через реку Себето и ворвался в город, где пришлось сдерживать грабёж и кровавое буйство необузданной толпы руффинской «армии». Мишеру, находившийся при русском отряде, в одном из писем неаполитанскому посланнику в России де Серра-Каприола писал:

«Вам должно быть известно, что несколько дней у нас продолжалось беспокойство в народе: над якобинцами истинными и мнимыми жестокие производились истязания, грабежи и неистовства, как от народа, так и от лёгких войск; но русские во всё сие время занимались лишь укрощением предававшихся ярости и восстановлением тишины; целых восемь дней ими лишь одними хранилось

общее спокойствие, и они единодушно от всех жителей провозглашены спасителями города»¹.

Осаждённые крепости Неаполя одна за другой стали сдаваться. По требованию русских, кардинал Руффо вынужден был подписывать почётные условия капитуляций для французов и республиканцев. Руффо обязывался выпустить французские войска из укреплений и замков с военными почестями и обещал отвезти их в Тулон. Итальянским республиканцам гарантировалась личная безопасность и свободный выбор: остаться ли в Неаполе, или уехать с французскими войсками.

Такой документ был подписан 10 июня 1799 г. от имени короля кардиналом Руффо, русским представителем от имени Ушакова и турецким от имени Кадыр-бея. Через два дня его также подписал представитель Нельсона капитан Фут.

Но адмиралу Нельсону показались эти условия слишком почётными для французов и республиканцев, которых он ненавидел и крови которых неудержимо жаждали королевская чета и монархический сброд «королевской армии».

13 июня 1799 г. Нельсон явился с эскадрой в Неаполь и объявил, что он не признаёт его же представителем подписанной капитуляции. Это было неслыханным нарушением установившейся традиции ведения войн между цивилизованными государствами. Даже такой беспощадный душитель «якобинцев», как кардинал Руффо, возмутился против действий взбешённого английского адмирала.

Между тем французские войска и республиканские семьи, доверившись честному выполнению условий капитуляции, вышли из крепостей, замков и укреплений. Часть из них успела даже погрузиться на транспортные суда, чтобы отправиться в Тулон. По приказу Нельсона, все французы и республиканцы были схвачены и брошены в тюрьмы.

При прямом содействии адмирала Нельсона начались кровавые оргии. Обезумевшие монархические банды расправлялись с беззащитными французскими воинами и коварно обманутыми республиканцами.

¹ Журн. «Славянин», 1828, ч. V, стр. 317.

На английском линейном корабле «Минерва» 18 июня 1799 г. Нельсон повесил командующего республиканским флотом адмирала Каррачиоло.

Инициатива и участие Нельсона в этой кровавой истории навеки покрыли его позором. Недаром Герцен по поводу колонны, поставленной в честь Нельсона на Трафальгарской площади в Лондоне, сказал: «Дурной памятник дурному человеку»¹.

Капитан 2-го ранга Белли стремился честно выполнить условия капитуляции. Из тех крепостей, где находился русский отряд, французов выпускали с воинскими почестями. Они складывали оружие и отправлялись на суда для отъезда в Тулон. Но Нельсон захватил суда, и пленники не ушли от кровавой расправы озверевших банд неаполитанского короля и кровожадной королевы, прозванной «неаполитанской фурией».

В походе на Неаполь русский отряд проявил исключительную храбрость, дисциплинированность и высокую гуманность. С военно-тактической стороны действия отряда были не менее блестящими. Посланные волей российского самодержца восстанавливать сметённые французской буржуазной революцией европейские троны, русские моряки исторически объективно делали реакционное дело. Однако вопреки царившей тогда в Европе кровавой расправе над «якобинцами», ушаковские моряки проявили большую честность, абсолютное бескорыстие и человечность к населению и побеждённому противнику.

Кроме эскадры Сорокина, Ушакову пришлось послать к берегам Италии ещё один отряд судов. Хорошо укрепившийся в Анконе двухтысячный французский отряд очень мешал перевозке торговых и военных грузов в Северную Италию, где действовал А. В. Суворов. Французские корсары, опираясь на Анкону, захватывали без разбора все суда, показывавшиеся на севере Адриатического моря. Союзница России по второй коалиции Австрия была ещё более недоброжелательна и вероломна, чем Англия. Всю тяжесть австрийских интриг испытали на себе Суворов и Ушаков, которые вынуждены были по приказу российского царя вести войну там, где Россия не имела или почти не имела никаких интересов.

По требованию австрийцев, Суворов попросил Ушакова помочь взять Анкону и ликвидировать французских корсаров в Адриатике.

1 мая 1799 г. Ушаков выделил эскадру из двух русских кораблей и двух фрегатов, турецкого корабля, двух турецких фрегатов и корвета, командование которой поручил контр-адмиралу Пустошкину. Десантных войск эскадра почти не имела. Через неделю Пустошкин пришёл на вид Анконы и занялся уничтожением корсаров. В короткий срок эскадра Пустошкина без всякой помощи австрийцев освободила от французов ряд населённых пунктов в окрестностях Анконы, в том числе крепости Сенигалию, Пезаро, Фано и др. После этого Пустошкин сильнее блокировал Анкону и приготовился к решительной атаке. Однако из-под Анконы он был срочно отозван Ушаковым в Корфу, так как, по сообщению Нельсона, которое было, как оказалось впоследствии, преувеличенным, в Средиземное море вышла франко-испанская эскадра в пятьдесят судов. Английский адмирал просил помощи. Ушаков счёл необходимым сосредоточить свой флот и быть готовым, если понадобится, к морскому сражению.

22 июня Пустошкин вернулся в Корфу, сюда же прибыл и отряд Сорокина. Отобрав наиболее прочные и исправные суда, снабдив их по возможности всем необходимым, 25 июля Ушаков повёл эскадру к Сицилии, где его ждал Нельсон, настойчиво просивший действовать совместно с английским флотом.

3 августа Ушаков пришёл на рейд Мессины. Здесь он узнал, что особой опасности со стороны франко-испанского флота нет, а Суворов просит прислать отряд судов к Генуе, которую он собирался атаковать.

19 августа на помощь Суворову вышел вице-адмирал Пустошкин (получил этот чин 9 мая 1799 г.) с двумя кораблями и двумя мелкими судами¹. Второй отряд из трёх фрегатов и шхуны под начальством Сорокина Ушаков направил в Неаполь на помощь отряду Белли. С остальными русскими и турецкими судами он пошёл к Палермо, чтобы условиться с Фердинандом IV и Нельсоном о дальнейших действиях.

¹ Е. В. Тарле, указанное сочинение, стр. 138.

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 281; «Материалы», ч. XVI, стр. 444.

22 августа Ушаков прибыл на палермский рейд и застал там Балтийскую эскадру под флагом вице-адмирала Карцова, состоявшую из трёх кораблей и фрегата. Карцов пришёл из Англии 3 августа для соединения с Ушаковым и немедленно перешёл в его подчинение. Экипажи Карцова были сильно поражены цынгой — результат отвратительного снабжения русского флота со стороны англичан. Англия в доставке недоброкачественной провизии оказалась ещё более безответственной, чем Турция.

В тот же день на флагманский корабль явился Нельсон с английским министром. Это была первая личная встреча Ушакова с английским адмиралом. Начались совещания Ушакова, Карцова и Кадыр-бея, с одной стороны, Нельсона и первого министра неаполитанского короля Актона — с другой, о планах на ближайшее время.

Ушаков прямо высказал своё мнение, что пора уже покончить с Мальтой, которую англичане осаждают безрезультатно целый год, и предложил совместными действиями с английским флотом «как можно скорее принудить её к сдаче».

Но Нельсон ни за что не хотел этого. Под всякими предлогами он отказывался от русской помощи в блокаде Мальты. По его указке неаполитанский король неотступно просил Ушакова, ссылаясь на союзный договор свой с русским императором, идти в первую очередь со всем русско-турецким флотом в Неаполь «для восстановления и утверждения в оном спокойствия, тишины и порядка». А после этого помочь освободить Рим от французов.

Повидимому, не без участия Нельсона произошли события, которые ослабили силы Ушакова и лишили его возможности немедленно заняться Мальтой.

Ещё в Мессине Ушаков назначил в эскадру Пустошкина один турецкий корабль и два фрегата. Из рапорта Ушакова Павлу I от 2 сентября 1799 г. узнаём, что в день отправления его в Геную «нижние чины, служители турецкой эскадры, воспротивились своим начальникам и наотрез отказались уходить от своей эскадры»¹. Турецкие матросы жаловались, что они никогда так долго не нахо-

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 281—284.

дились «в отдалении от своего отечества от жён и детей, которые по долговременному отсутствию их терпят недостатки и крайнюю бедность». Они решительно объявили о своём намерении вернуться в Константинополь.

Ушаков лично явился к бунтующим и вместе с Кадыр-беем «старался привести их в послушание и согласить с должным повиновением исполнять службу его султанского величества безоговорочно». После долгого препирательства, наконец, турки согласились идти с Ушаковым в Палермо, но только с условием, что их никуда в отдельности посылать не будут и что они будут всегда находиться при нём.

1 сентября на берегу Палермо произошла большая драка между сицилийцами и турецкими матросами, которые, видимо, по своему обыкновению пытались пограбить население. Жители Палермо оказали грабителям энергичный отпор. Произошло скандальное побоище, в котором четырнадцать турок было убито, пятьдесят три ранено, а сорок пропало без вести.

«Такое нечаянное происшествие, — доносил Ушаков Павлу I, — подало повод нижним чинам, служителям турецкой эскадры, принять и утвердиться в требовании своём, что непременно намерены они возвратиться в Константинополь».

Несмотря на то, что потерпевшим Ушаков «исходатайствовал всякое удовлетворение», однако «все турки нижнего состояния» категорически отказались выступить в поход.

Ушаков приехал на турецкие корабли и попробовал повлиять на турок своим авторитетом. В начале они, как будто, согласились подчиниться, но «некоторая часть из самых нижних людей воспротивилась до такой крайности... что с превеликим шумом и криком толпились противу нас всех начальствующих, почему и принуждены мы оставить их в таком положении и отошли со шханец (шканцев. — А. А.) в каюту...»

Затем турецкие «командующие» ещё раз попробовали уговорить своих матросов, но те заявили им, что если «начальники их не поведут в Константинополь, то они пойдут непременно сами собою». После этого «командующие турецкой эскадры во избежание важнейших худых последствий нашли себя принуждёнными с эскадрою идти к Дарданеллам».

Кадыр-бей, чтобы обезопасить себя от возможных осложнений в Константинополе, выпросил у Ушакова письменное свидетельство о том, что турецкая и русская эскадры всё время «сохраняли между собою совершенную дружбу и благоприятство» и что возвращение турок к своим портам произошло единственно «от непослушания нижних чинов служителей, а не по воле начальства».

1 сентября турецкая эскадра снялась с палермского рейда и ушла в море. Ушаков остался с семью кораблями, фрегатом и авизой.

Во всей этой истории турецкие «начальники» сыграли не последнюю роль. Им тоже «наскучило» находиться необычно долго в плавании, которое не приносило для них никакой пользы. Да и в самой Порте отнеслись к этому событию сравнительно спокойно. «Министерство здешнее с похвальным благоразумием приписало всю вину своевольству голонджиев, — писал Томара Ушакову. — Султан в Хати-шерифе своим называет происшествие постыдным для Порты Оттоманской и приказывает учредить следствие за возвратом эскадры в канал и виновных наказать строго...»¹.

На этом, собственно говоря, и кончились совместные действия турецкой эскадры с русским флотом. Томара сообщал Ушакову о договорённости с Портой о продолжении снабжения русской эскадры провиантом. Но он всё же советовал Ушакову «держаться при эскадре... несколько надёжных российских транспортов, дабы в нужном случае доставлять посредством оных провиант, ибо на точность исполнения турков при всех их обещаниях и благонастроении надеяться невозможно»².

4 сентября Ушаков с эскадрой покинул Палермо и через четыре дня прибыл на неапольский рейд, где застал стоявшие на якоре суда отряда Сорокина.

Неаполитанцы устроили Ушакову торжественную встречу. В флагманском журнале читаем:

«С начала положения якоря приезжало к кораблю из города великое множество жителей на лодках и замеча-

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 264. Копия с письма посланника Томары к адмиралу Ушакову без даты.

² Там же, л. 264 об., 265.

тельно, что из единой приверженности в честь прибытия россиян, играли на трубах и неоднократно кричали ура»¹.

В Неаполе монархисты ещё продолжали кровавую расправу над республиканцами. Ушаков заметил, что непрерывные массовые казни вызывали «содрогательства» у многих жителей столицы. При таком положении нельзя было надеяться на скорое восстановление порядка и спокойствия, для чего он и прибыл в Неаполь по настойчивой просьбе перепуганного насмерть короля. Ушаков обратился к первому неаполитанскому министру Актону с письмом и настойчиво рекомендовал «королевскому величеству» объявить всеобщее «прощение впавших в погрешности».

Вмешательство Ушакова спасло много жизней неаполитанских патриотов. Король Фердинанд IV и королева Каролина, эта венценосная кровожадная «фурия», не могли отказать русскому адмиралу, ибо только благодаря ему королевство Обеих Сицилий было освобождено от французских войск. А теперь единственно на него они возлагали свои надежды по освобождению Рима, где упорно держался сильный французский гарнизон. После взятия Неаполя русским отрядом войска Фердинанда пытались самостоятельно взять Рим, но из этого ничего не получилось. Французский командующий римским гарнизоном генерал Гарнье без особого труда разбил вдребезги неаполитанскую армию. Затем он быстрым маршем двинулся к Чивита-Кастеллано, куда подошёл австрийский отряд генерала Фрелиха, и 1 сентября разгромил наголову австрийцев. Поэтому-то неаполитанский король и умолял Ушакова высадить своих моряков на берег и взять «вечный город».

По прибытии в Неаполь Ушаков выделил отряд в 800 человек матросов и морских солдат и свёз их на берег. Начальство над десантом было поручено полковнику Скипору и лейтенанту Балабину. Десант стал готовиться к походу на Рим.

В это время на неаполитанском рейде стоял английский 74-пушечный корабль под командой комодора Траубриджа, который нанёс визит Ушакову по приходе его в Неаполь. От него Ушаков узнал, что он собирается

¹ «Материалы», ч. XVI, стр. 444.

уходить из Неаполя в Чивита-Веккию, где присоединит к себе два фрегата и затем отправится якобы в Палермо к Нельсону. Такие действия Траубриджа показались Ушакову подозрительными, и он стал держаться настороже.

Скоро получено было известие, что Траубридж вступил в переговоры с генералом Гарнье о капитуляции и что австрийский генерал, ещё раз разбитый французами, присоединился к переговорам. Французский генерал, узнав о готовящемся походе русского десанта на Рим, согласился на предложенные ему небывало выгодные условия сдачи.

16 сентября по секрету от Ушакова капитуляция была подписана Траубриджем, австрийским генералом Фрелихом и командующим неаполитанской армией маршалом Буркардом. Сами условия капитуляции были явно рассчитаны не только на нанесение оскорбления русским, но и прямо на ущерб русской армии.

Французскому гарнизону разрешалось уйти из города со всем оружием и награбленным имуществом, а неаполитанский маршал Буркард с согласия, если не по прямому указанию, кардинала Руффо взялся перевезти французов по их желанию в любое место. Совершенно ясно было, что французский гарнизон в 2500 человек в полном вооружении отправится в Северную Италию, где Суворов добивал французскую армию. Так оно и случилось. Англичане перевезли отряд Гарнье на Корсику, а отсюда им ничего не стоило перебраться на генуэзское побережье, где с помощью отряда Пустошкина осаждалась Генуя.

Это вероломное и позорное для англичан предательство было делом рук Нельсона.

Раздражение и гнев Ушакова были беспредельны. Он потребовал от англичан и неаполитанцев прекратить переговоры и совместными силами пленить римский гарнизон французов, чтобы не дать им усилиться в Северной Италии. Но его протесты не имели успеха. Злобный акт против русских был совершён.

Ушаков приказал было десанту вернуться в Неаполь, но кардинал Руффо именем короля умолял его продолжать поход, ибо без русских «королевские войска» не смогут спасти Рим от грабежа и установить там «добрый порядок».

Ушаков по опыту Неаполя знал, что руффианские банды действительно никакого порядка в Риме создать не смогут, и приказал Скипору и Балабину продолжать поход. О всех интригах и вероломстве англичан Ушаков немедленно донёс Павлу I.

30 сентября 1799 г. русские войска вошли в Рим и были восторженно встречены римлянами. Огромные массы людей высыпали на улицы, чтобы взглянуть на прославленных русских моряков, которых они видели в первый раз. За всю историю Рима русские войска впервые маршировали по улицам «вечного города».

«Вот те, кои быют французов и коих они боятся! Вот наши избавители. Недаром французы спешили отсюда удалиться!» — кричали римляне со всех сторон¹.

В первые дни русские прекратили насилия монархической черни над римскими республиканцами и подозреваемыми в «якобинстве».

Пробыв в Риме некоторое время, отряд Скипора и Балабина вернулся на эскадру.

Этими действиями, согласно заключённому трактату с Павлом I 29 ноября 1798 г., закончилась союзная помощь неаполитанскому королю.

Открыто изменнически вели себя австрийские генералы и под Анконой. После изгнания Суворовым французов из Северной Италии и вынужденного ухода его в Швейцарию на спасение корпуса генерала А. М. Римского-Корсакова, провокационно оставленного австрийской армией и поставленного перед угрозой окружения, австрийцы стали вести себя нагло и вызывающе. Они полагали, что Павел I всё равно не решится разорвать с коалицией.

Как было сказано, Ушаков ещё весной 1799 г. убедился в изменнических происках Австрии. Но в силу повелений Павла I вынужден был по требованию австрийского правительства в июне 1799 г. снова послать отдельную эскадру под командованием капитана 2-го ранга Войновича для блокады Анконы.

Крепостью Анконой французы очень дорожили. Благодаря ей они держали связь с портами Франции и контролировали Адриатическое море.

¹ А. Висковатов, Военные происшествия в Неаполитанском королевстве 1798 и 1799 гг., «Славянин», 1828, ч. V, стр. 360—361.

На укреплениях анконского района стояло около 700 пушек и держался гарнизон до 3 тысяч человек. В гавани находилось десять судов, в том числе три корабля.

Вокруг Анконы собралось до 6 тысяч итальянских добровольцев, которые, по существу, никакой реальной военной силы не представляли, да французы и не обращали на них особого внимания.

Еще 12 июля отряд Войновича, состоявший из шести судов (трёх русских фрегатов и бригантины и двух турецких фрегатов), подошёл к Анконе. Освобождённые Пустошкиным крепости Фано и Сенигалия оказались снова занятыми французами. Войнович блокировал часть судов Анконскую гавань, а с остальными пошёл к Фано и Сенигалии. Здесь он высадил десант в 800 человек с семью орудиями и скоро заставил французов оставить крепости.

С 28 июля Анкона была стиснута тесной осадой. Французы часто делали вылазки, но все они отбивались с большим уроном для них. Русские моряки с боем овладели предместными укреплениями, всё ближе и ближе подходя к крепости. Против Анконы построено было несколько осадных батарей, которые с близкой дистанции непрерывно стреляли по крепости и городу и наносили французам большие потери. По крепостным укреплениям вели огонь и русские суда. Подойти близко к крепости фрегаты не могли из-за мелководья. Но моряки поставили на лодки пушки крупного калибра и, войдя в гавань, громили крепость и неприятельские суда с дистанции картечного выстрела.

В начале октября в Анконе начался голод и дезертирство французских солдат. Словом, гарнизон противника вот-вот должен был сдаться. Но 3 октября 1799 г. неожиданно под Анкону пришёл австрийский генерал Фрелих с восьмьютысячным корпусом. Не раз битый французами под Римом, Фрелих захотел хоть как-нибудь восстановить свою позорно пошатнувшуюся военную репутацию. По прибытии к Анконе он повёл себя высокомерно и вызывающе нагло по отношению к русским.

Фрелих задумал удалить русские войска от Анконы и присвоить результаты трёхмесячной осады себе. Он решил атаковать крепость без участия русского отряда. Как и следовало ожидать, незадачливый генерал потерпел

жестокое поражение и оставил на поле боя до 300 человек убитыми.

Тогда Фрелих тайно от русских офицеров вступил с французским генералом Монье в переговоры о капитуляции. Узнав об этом, Войнович заявил решительный протест и потребовал покснчить с крепостью совместным штурмом. Австрийский генерал отказался. Войнович сообщил о поведении австрийцев своему адмиралу. Ушаков послал к Фрелиху двух своих представителей для выяснения обстоятельства такого поведения союзника, но Фрелих не принял их.

Австрийцы предложили французам очень выгодные условия, на которых они немедленно согласились капитулировать. 2 ноября французский гарнизон сдал крепость Анкону и был отпущен с оружием и всем награбленным у населения имуществом. Французы уходили с видом победителей и грозились ещё вернуться в Анкону.

Фрелих немедленно занял крепость своими войсками и везде поднял только австрийские флаги.

Русскому отряду, как бы в насмешку, он отводил квартиры в Фано и Сенигалии.

Войнович законно считал русский отряд главным победителем над анконским гарнизоном французов. Поэтому он вошёл с судами в гавань, высадил на берег десант и расставил свои посты, подняв русские, турецкие и австрийские флаги на сдавшихся французских судах. Австрийский генерал приказал спустить русские и турецкие флаги и арестовал караулы Войновича.

Такое наглое и грубое отношение к союзнику было продиктовано из Вены.

Ушаков немедленно сообщил Павлу I об изменническом поведении австрийцев в Анконе. В Вену был послан решительный протест русского правительства против вызывающих действий Фрелиха. Австрийский двор не мог не признать поведения Фрелиха не соответствующим союзническим обязательствам и оправдывался тем, что генерал превысил свои полномочия якобы по своей инициативе. Для вида Фрелих был отстранён от службы и предан суду, который, однако, не принёс ему особых неприятностей.

Под Генуей австрийские генералы также обнаружили своё нежелание мало-мальски выполнять союзный договор.

Отряд судов вице-адмирала Пустошкина, посланный для блокирования Генуи с моря, приступил к действиям в начале ноября. С суши крепость осаждалась австрийской армией под командованием генерал-майора Кленау, который заверял Пустошкина, что Генуя будет скоро взята. Однако осада велась вяло и неумело. Кленау просил Пустошкина высадить десант, чтобы вместе с армией атаковать крепость. Пустошкин не имел десантных войск, но всё же собрал батальон в 200 матросов и морских солдат и послал на подкрепление австрийских войск, которых насчитывалось несколько тысяч человек.

4 декабря Кленау повёл войска на штурм крепости, но потерпел тяжёлое поражение. Потери доходили, по словам Пустошкина, до 3 тысяч человек, «но более в плен взятых нежели убитых». В бою австрийцы вели себя позорно трусливо¹.

При первой контратаке французов австрийские полки беспорядочно побежали, покинув маленький русский отряд на поле боя. Русские солдаты и моряки смело приняли удары противника и, несмотря на его огромное численное превосходство, штыками проложили себе дорогу к берегу.

Русский отряд потерял убитыми 38 человек, ранеными 18 и пленными 19 человек².

Очень показательно, что маленький русский отряд, отступая с потерями и унося своих и австрийских раненых, не дал себя ни уничтожить, ни взять в плен. Это была чисто русская боевая хватка и выдержка хорошо натренированных и обученных Ушаковым черноморцев. Прибывшими лодками десант был перевезён на корабли.

После такого бессовестно трусливого поведения австрийцев Пустошкин 9 декабря отошёл к г. Специи, а в конце декабря ушёл в Ливорно. Весной 1800 г. по указанию Ушакова он направился в Мессинский пролив. Здесь же Пустошкин получил от Ушакова повеление императора «впредь никакого содействия с австрийскими войсками не иметь»³.

Ф. Ф. Ушаков, установив «порядок и спокойствие» в Южной и Средней Италии, не мог считать вполне

выполненными задачи экспедиции в Средиземном море без взятия о. Мальты. Приняв на борт три гренадерских батальона, прибывших от Суворова в Неаполь для мальтийского гарнизона, Ушаков с эскадрой 20 декабря покинул неаполитанский рейд и отправился в сицилийский порт Аугусту. Отсюда он намеревался перебросить гренадеров на Мальту и вместе с англичанами взять штурмом крепость Ла-Валетту, последний оплот французов, упорно не сдававшихся англичанам. Для содействия десанту Ушаков назначил эскадру Карцова. Сам же с четырьмя кораблями, требовавшими незамедлительной починки, собрался идти в Корфу. Фрегаты отряда Сорокина имели «чрезвычайную течь» и настолько подгнили, что на них нельзя было выходить в море. Их пришлось оставить в Неаполе для ремонта¹.

Во время этих распоряжений Ушаков получил приказ Павла I о прекращении военных действий и возвращении в русские порты. Ушаков немедленно оставил Италию и с эскадрой пошёл в Корфу, куда благополучно прибыл 7 января 1800 г. Сюда же вызывались отряды Пустошкина, Сорокина и Войновича.

Интересно заметить, что Нельсон, всеми средствами не допуская Ушакова к Мальте, в конце концов вынужден был обратиться к нему за помощью. Но Ушаков был уже в Корфу и имел повеление Павла собираться домой. Не помогли Нельсону и льстивые письма к Павлу относительно общей атаки Мальты.

Раздражённый многочисленными интригами англичан, Павел I готовился к разрыву с Англией.

Нельсону не удалось кровью русских матросов и солдат получить Мальту. Мальтийская главная крепость Ла-Валетта сдалась англичанам только после двухлетнего сопротивления². Нельсон, не дождавшись падения крепости, уехал в Англию.

Осада крепостей Корфу и Ла-Валетты убедительно показывает преимущество флотоводческого искусства Ушакова перед искусством английского адмирала. При всех неблагоприятных условиях Ф. Ф. Ушаков овладел Корфу в три месяца. Нельсону же, находившемуся в луч-

¹ «Материалы», ч. XVI, стр. 363.

² Там же, стр. 562—564.

³ Там же, стр. 563.

¹ «Материалы», ч. XVI, стр. 556—557.

² 5(17) сентября 1800 г.

ших условиях, обладавшему многочисленным флотом, потребовалось почти два года, чтобы крепость Мальты Ла-Валетта сдалась.

6. Возвращение эскадры Ушакова в Севастополь

Павел I, получив от Ушакова, Суворова, а также из других мест донесения о вероломном поведении англичан и австрийцев, не выполнявших своих союзнических обязательств, разорвал союз с Австрией и приказал Ушакову собрать все суда и, забрав войска, предназначенные для гарнизона Мальты, вернуться в черноморские порты.

Разрыв союза с Австрией и явная враждебность англичан создали очень напряжённую обстановку, которая внушала тревогу за благополучное возвращение русского флота в черноморские порты. Существовала опасность, что «неприятели напрягут происки свои к разорванию союза между Россией и Портою». Необходимо было сохранить с Портой союз, иначе она легко могла закрыть проливы и не впустить русские эскадры в Чёрное море. Тем более что Павел I хотел пополнить Черноморский флот Балтийской эскадрой Карцова, состоявшей из трёх кораблей и фрегата. Он был готов передать султану коринфские укрепления и Ионические острова, чтобы сохранить союз с Портой.

«В Корфе и прочих островах могут введены быть турецкие гарнизоны по выходе вашем, — говорилось в указанном рескрипте. — Сия к ним (т. е. к туркам. — А. А.) доверенность будет принята Портой знаком нашего к ней дружественного расположения.

Почему и с их стороны не воспрепятствуется Карцова эскадре войти для исправления в черноморские порты, напротив того всем другим наций военным кораблям вход туда возбранён будет...»¹.

Так как эскадры Ушакова не могли немедленно вернуться на родину из-за зимних штормов и крайней неисправности большинства судов, то Томаре предписывалось всемерно стараться убедить Порту, что русский флот, выполнив задачи по обеспечению её границ от французов, уходит обратно в свои порты, но должен предварительно привести свои суда в порядок.

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 269.

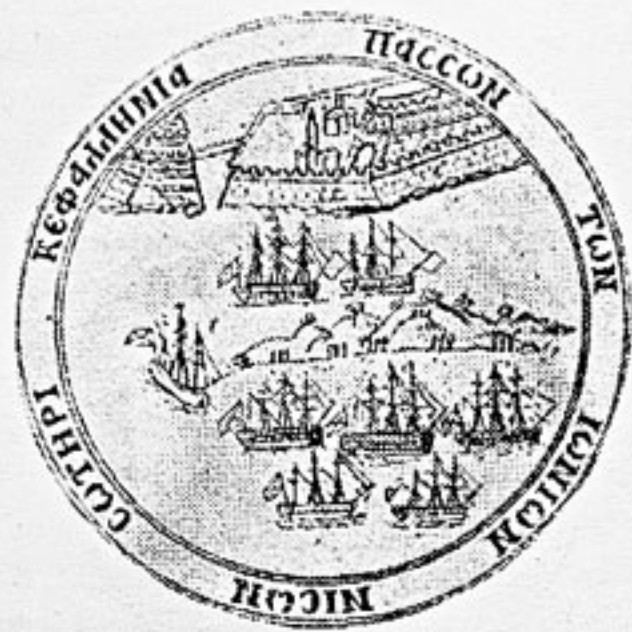
Медаль с изображением адмирала Ушакова в виде мифического Одиссея, поднесённая Ф. Ф. Ушакову жителями острова Итака.

«Таковым же... рескриптом, — писал Томара Ушакову 25 ноября 1799 г., — повелено мне предуведомить Порту об отзыве в черноморские порты наши эскадры в командовании вашего превосходительства (находящиеся) дав сей поступи вид нендобности оной далее при берегах Италии и безопасности, в которой находится действительно Порта от всякого нападения на границы свои со стороны Франции за отдалённостью сей державы и настоящей ничтожностью морских её сил; также и для необходимой починки эскадры...»¹.

Истинные цели ухода из Средиземного моря и время отплытия эскадры Томара предлагал Ушакову «держаться в непроницаемой тайне...»

Много сил и труда пришлось затратить Ушакову, чтобы подготовить суда эскадры к благополучному возвращению в черноморские порты. Пришлось капитально отремонтировать почти все корабли. Доставка необходимых материалов в Корфу была сопряжена с чрезвычайными трудностями. В каком состоянии находились суда эскадры, видно из донесения Ушакова Адмиралтейств-коллегии от 24 января 1800 г.

¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 379, л. 266.

Медаль с портретом адмирала Ушакова на лицевой стороне и изображением русской эскадры — на обратной, преподнесённая Ф. Ф. Ушакову от населения острова Кефалонии.

«... Все суда, вверенных мне эскадр, 2 лета и 2 зимы непрерывно находятся в действиях против неприятеля при многократно случающихся жестоких крепких ветрах и волнениях, от чего пришли в расстройку и имеют многие повреждения членов от гнилости и подломов. Верхняя обшивка на них в подводной части от чревоядия вся сгнила и местами спадывает, в настоящей обшивке в подводной части, в стыках и пазах, пенька ослабла... от чего оказалась в кораблях великая течь и без большого исправления все они в море быть весьма опасны, почему и нужно сделать им большое достаточное во всём исправление, чего в здешних местах, по неимению достаточного числа лесов, припасов и материалов и мастеровых людей, исполнить невозможно...»¹.

Положение флота было тяжёлое. Но Ушаков из всех сил стремился не только отремонтировать, но и привести его в боевой вид, чтобы, проходя через проливы, внушить Порте уважение к русской морской силе.

Шесть месяцев черноморцы чинили свои суда, заменяли гнилые корабельные части новыми, меняли истрёпанные паруса и такелаж. Благодаря огромному усилию Ушакова и его славных экипажей удалось привести эскадру в сравнительно удовлетворительное состояние.

¹ «Материалы», ч. XVI, стр. 481—482.

Вход в Дарданелльский пролив со стороны Эгейского архипелага.

Теперь снабжать эскадру продовольствием стало ещё труднее, чем раньше. Порта отказалась давать провиант для эскадры Пустошкина и Карцова под тем предлогом, что они не вошли в соглашение. Из Черноморского правления продовольствие поступало редко, а под конец и вовсе прекратилось. Денежные суммы, отпущенные на содержание эскадры, были расхищены чиновниками интендантства и совершенно нельзя было разобраться, откуда Ушаков должен был получать деньги. А у него, кроме эскадр Пустошкина и Карцова, находилось ещё три батальона гренадеров.

Только огромный опыт Ушакова и его большие административно-хозяйственные способности спасли флот от голода и катастрофы. Жители Республики семи островов из чувства благодарности и глубокого уважения к России помогали Ушакову снабжать моряков всем необходимым, не считаясь с формальностями в денежных расчётах.

За 6 месяцев пребывания на островах эскадры, готовившейся к возвращению на родину, жители их выражали огромное уважение и признательность русским морякам и их славному адмиралу.

Депутация за депутацией являлись к Ушакову с выражением своих чувств благодарности. Жители о. Кефалонии в честь Ушакова выбили медаль с портретом и надписью на одной стороне: «Знаменитый почитаемый Фёдор Ушаков, главный русский флотоводец. 1800 г.», а на другой была изображена русская эскадра, освобождающая острова, и надпись: «Кефалония всех Ионических остров спасителю».

Остров Корфу преподнёс шпагу, украшенную бриллиантами, с выгравированной надписью: «Корфу — освободителю своему Ушакову».

Остров Занте подарил серебряный позолоченный щит, на котором были изображены семь Ионических островов и надпись: «Остров Занте приносит мужественному и храброму главному предводителю морских сил адмиралу Ушакову в знак благодарности к своему спасителю и победителю, исторгнувшему сей остров от незаконного тиранского ига».

И многие другие острова, каждый по-своему, выражали свою благодарность прославленному адмиралу и уверяли в своей признательности русскому народу.

С своей стороны Ушаков подарил на память островитянам четыре вооружённые полугалеры, захваченные у французов, и в письме на имя Большого совета пожелал республике процветания и особенно советовал хранить полученное самоуправление и установленный порядок.

6 июля 1800 г. Ушаков покинул острова и вышел в море. 10 сентября эскадры бросили якорь в Буюк-дере.

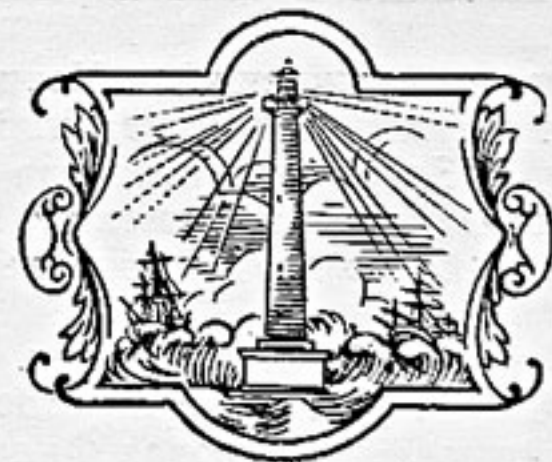
Снова черноморцы были встречены жителями турецкой столицы бурными приветствиями. Султан благодарил Ушакова за его большие военные заслуги и умелое дружеское руководство турецкой эскадрой. Он подарил Ушакову второй бриллиантовый челинг, что случалось очень редко в Турции, и пять медных пушек, которые Павел I разрешил Ушакову оставить себе.

Члены турецкого дивана посетили Ушакова и выразили ему свои поздравления и благодарность.

26 октября 1800 г. Ушаков с эскадрой благополучно прибыл в Севастополь.

Героическая Средиземноморская экспедиция, увенчавшая Ушакова и русский флот лаврами мировой славы, закончилась.

В Средиземноморской экспедиции многогранный талант Ушакова выявился во всём своём блеске. Ушаков показал себя не только непревзойдённым для своего времени флотоводцем, но и недюжинным дипломатом, государственным деятелем и превосходным администратором.

Глава девятая

**ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СЛУЖБЫ И ЖИЗНИ
Ф. Ф. УШАКОВА**

На родине Ушакова ожидали не триумф и заслуженная им бессмертная слава, а злобная несправедливость бездарных царедворцев во главе с венценосным монархом.

В Управлении Черноморского флота Ушаков застал большие перемены. Вместо Н. С. Мордвинова главным командиром Черноморского флота был назначен адмирал Виллим Фондезин, один из бездарнейших представителей иностранцев на русской службе.

Ничтожный Фондезин ненавидел Ушакова за его блестящий военный талант и мировую славу. Возвратившись в Севастополь, Ушаков не нашёл там себе применения. Его заставили несколько месяцев заниматься денежными и хозяйственными отчётами экспедиции, безнадежно раскапывать и выяснять в канцелярских дебрях стоимость её.

Затем Ушаков, прослуживший в Черноморском флоте восемнадцать лет и фактически создавший его, был переведён в Петербург. Здесь его, новатора новой тактики корабельного флота, как бы в насмешку, назначили главным командиром гребного порта и начальником флотских команд.

Гребной флот отживал свой век. С 90-х годов XVIII в. гребные суда уже даже не строились, а наличные догнивали в опреснённых водах Финского залива.

Новое назначение Ушакова выглядело издевательством и было преднамеренно устроено его недоброжелателями из Адмиралтейств-коллегии. Можно себе представить, с каким гнетущим чувством покидал Ушаков свой родной Черноморский флот. Ещё тяжелее для него было отношение к флоту двора Александра I. При новом дворе победило мнение, что военно-морской флот в России не должен играть значительной роли. Противники петровских военно-морских традиций доказывали, что Россия сухопутная держава и её военная слава поддерживается только армией. Русские прославленные морские кампании — Гангут, Гренгам, Архипелагская экспедиция с Чесмой, черноморские победы Ушакова и средиземноморская эпопея с падением первокласснейших корфинских крепостей — не принимались в расчёт и просто замалчивались.

Александр I, считавший себя полководцем и поддерживаемый в этом ложном мнении придворными льстецами, ничего не смысля в морском деле, сделал скороспелые выводы о флоте.

Не удивительно поэтому, что талантливые и способные адмиралы стали не нужными.

Президентом Адмиралтейств-коллегии Александр I сделал Н. С. Мордвинова, а с преобразованием в 1802 г. коллегий в министерства Мордвинов стал министром военных морских сил.

Для выработки новых положений о флоте император учредил «Комитет образования флота» под председательством графа Александра Романовича Воронцова, ничего не понимавшего в морском деле. В этот комитет Ушакова не пригласили. Зато в него вошли такие бездарности, как адмиралы Виллим Фондезин, Н. С. Мордвинов, Балле и др.

В «Наказе» Комитету Александр I повелел «принять к извлечению флота из настоящего мнимого его существования, и к приведению оно́го в подлинное бытие».

В чём заключалось это «подлинное бытие» флота, видно из доклада Воронцова императору:

«По многим причинам... России быть нельзя в числе первенствующих морских держав, да в том ни надобности, ни пользы не предвидится. Прямое могущество и сила наша должна быть в сухопутных войсках...»

Посылка наших эскадр в Средиземное море и другие дальние экспедиции стоили государству много, делали несколько блеску и пользы никакой»¹.

Оспаривать такие неправильные и совершенно бессмысленные утверждения относительно героической истории русского флота Ушаков не мог потому, что не имел доступа ко двору и не был членом Комитета. Писать же императору, как он это делал раньше, также было бесполезно, ибо Александр I сам держался подобных взглядов.

Угнетённый расправой ставшего во главе морских сил России Мордвинова и его марионеток, обескураженный победой заведомо неправильных взглядов на значение флота, Ф. Ф. Ушаков решил удалиться от дел. На его глазах умалаялся флот, которому он отдал беззаветно все свои силы, весь самобытный талант, огромные знания и всю свою славную жизнь.

19 декабря 1806 г. Ф. Ф. Ушаков подал прошение об отставке, объясняя причины её «душевною и телесною болезнью и опасением, по слабости в здравьи, быть в тягость службе».

Несколько дней перед этим Фёдор Фёдорович внёс в фонд защиты отечества 2 000 рублей, пять пушек и бриллиантовый челинг, подаренные ему султаном.

17 января 1807 г. Ф. Ф. Ушаков был уволен в отставку.

Так печально закончилась безупречная боевая служба Ушакова своей родине. Фёдор Фёдорович прослужил во флоте 44 года, сделал на море 40 кампаний, участвовал в трёх войнах, а в двух последних командовал Черноморским флотом, не зная при этом поражений.

После отставки Ф. Ф. Ушаков прожил несколько лет в Петербурге в своём доме по улице «4-я часть Измайловского полка»². Накануне Отечественной войны 1812 года Фёдор Фёдорович уехал в свою родовую деревню Алексеевку Темниковского уезда.

Жил Ф. Ф. Ушаков в деревенской тиши скромно, на одном только жалованье и одиноко.

¹ Ф. Веселаго, Краткая история русского флота, СПб 1893, стр. 306.

² Сообщение А. Михайловой, газета «Красный флот», 21 сентября 1945 г., № 223 (2098), стр. 3.

Отдав службе всю свою жизнь, Фёдор Фёдорович так и не успел обзавестись семьёй.

В грозный год Отечественной войны, когда огромная армия Наполеона вторглась в пределы России и русский народ поднялся на борьбу с захватчиком, Тамбовское ополчение избрало знаменитого земляка своим начальником. Ушаков в то время был тяжело болен и не смог принять участия в военных действиях. Он глубоко сокрушался, что не может в тяжёлый час послужить своей родине.

Но даже прикованный к постели, он не мог оставаться безучастным, когда отчизне грозил опасный и коварный враг. Ф. Ф. Ушаков отдал свои небольшие сбережения дляказания помощи населению, пострадавшему от нашествия неприятеля.

Ф. Ф. Ушаков твёрдо верил, что наполеоновские полчища будут изгнаны из России. С разных мест приезжали к нему люди, чтобы поговорить о войне, узнать его мнение, получить его совет. Ушаков, успокаивал встревоженных пришельцев и твёрдо заявлял:

«Не отчаивайтесь, сии грозные бури обратятся к славе России. Вера, любовь к Отечеству... восторжествуют. Мне немного остаётся жить; не страшусь смерти, желаю только увидеть новую славу любезного Отечества!»

Его желание сбылось. Он дожил до новой славы России. Русский народ во всей своей исполинской силе поднялся против «двунадесяти языков», приведённых в Россию Наполеоном, и уничтожил захватчиков.

Беспредельная любовь к родине, бескорыстная помощь попавшим в беду, моральная и материальная поддержка пострадавших, строгая честность и гуманность в отношениях с матросами и солдатами дополняют моральный облик адмирала.

Один из первых биографов адмирала Ушакова Бантыш-Каменский, собравший сведения о нём от людей, знавших и служивших с ним, рисует портрет его такими словами: «Фёдор Фёдорович Ушаков... был роста среднего, сухощав, в плечах широк; лицо имел молоджавое, приятное, и в глубокой старости всегда играл на оном румянец. Нрава был чрезвычайно вспыльчивого: беспорядки, злоупотребления заставляли его выходить из приличия, но гнев скоро утихал».

Живя в деревне, покинутый и забытый неблагодарным царским двором, Ушаков горько тоскозал. В 1811 г. он приехал в Севастополь, чтобы ликвидировать своё недвижимое имущество и в последний раз взглянуть на любимый город и Черноморский флот.

Время было тревожное. Эскадры стояли на рейде в полной готовности. Среди судов разных рангов грозно возвышались три 110-пушечных корабля, вызвавшие особый интерес Ушакова.

Очевидец посещения Ушаковым Севастопольской эскадры, старый черноморский моряк, вспоминал в 60-х годах прошлого века:

«Посетив флот, Ушаков был на флагманском корабле «Полтава», осматривал его. Мы хотя были юны, но хорошо помним адмирала Ушакова: лицом был свеж, седой, сгорбленный; нам казалось, что он не шёл, а бежал по палубе... Взглянув на флот, он, видимо, был тронут и затем сказал: «Вот если бы у меня были такие корабли». Ушакову отдали все почести, присвоенные адмиралу флота».

2 октября 1817 г. Ф. Ф. Ушакова не стало. Тело его было погребено в Санаксарском монастыре. Смерть Ф. Ф. Ушакова осталась почти незамеченной. Только маленькая заметка промелькнула в московском журнале «Русский вестник» под названием «Известие о кончине адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова», да небольшое сообщение в петербургской газете «Северная почта» «О смерти знаменитого адмирала»¹.

На могиле адмирала родственники поставили памятник в виде гранитной колонны с мраморной урной наверху. Памятник сохранился до наших дней. Он недавно был обнаружен и реставрирован Центральным военноморским музеем — дань советского народа памяти великого русского флотоводца.

Адмирал Ушаков — гордость и слава русского народа. Своим талантом, большими военно-теоретическими знаниями и боевой практикой он создал передовую для своего времени школу военно-морского искусства.

В своей новаторской деятельности Ушаков шёл самостоятельным путём. Он творчески продолжил и развил принципы морской тактики Петра I и обобщил лучший

¹ «Русский вестник», 1817, №№ 23 и 24, стр. 15—19; «Северная почта», 1817, № 86.

опыт русского флота, дополнив его оригинальными и передовыми приёмами боя.

Ф. Ф. Ушаков счастливо сочетал в себе выдающийся талант флотоводца с большими дипломатическими, административными и государственными способностями.

Крепостнический строй царской России с его бюрократическим аппаратом сильно тормозил развитие яркого таланта Ушакова. Но и в дальнейшем русский флот развивался под влиянием военно-морского искусства Ушакова. Из школы его вышли такие знаменитые адмиралы, как Сенявин, Лазарев, Корнилов и Нахимов.

В царской России имя Ушакова редко вспоминалось. Только в советское время флотоводческое искусство адмирала Ушакова, его подвиги во славу родины оценены по достоинству.

Творческое новаторство, наступательная тактика, смелость и решительность в бою, забота о матросах, гуманное отношение к людям — все эти замечательные черты Ушакова близки, понятны и дороги советским людям.

В годы Великой Отечественной войны Советское правительство в память Ф. Ф. Ушакова учредило орден и медаль его имени, в статуте которых говорится:

«Орденом Ушакова награждаются офицеры Военно-Морского флота за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских активных операций, в результате чего в боях за Родину была достигнута победа над численно превосходящим врагом».

«Медалью Ушакова награждаются военнослужащие рядового, старшинского и сержантского состава Военно-Морского Флота за личное мужество и отвагу в боях с врагами Советского Союза на морских театрах».

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Глава</i> I. Годы учения в кадетском корпусе	5
<i>Глава</i> II. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. Ф. Ф. Ушаков в Азовской флотилии	11
1. Подготовка русского флота к военным действиям в 60-х годах XVIII в.	—
2. Боевая деятельность Азовской флотилии и служба в ней Ушакова	17
<i>Глава</i> III. Ф. Ф. Ушаков в Балтийском флоте	39
<i>Глава</i> IV. Ф. Ф. Ушаков на строительстве Черноморского флота	46
<i>Глава</i> V. Русско-турецкая война 1787—1791 гг. Начало боевой славы Ф. Ф. Ушакова	65
1. Начало войны	—
2. Первое боевое испытание	74
3. Действия Черноморского флота под Очаковом	77
4. Первая боевая слава Ф. Ф. Ушакова	87
5. Взятие Очакова	95
6. Ф. Ф. Ушаков — командующий Севастопольским флотом	98
<i>Глава</i> VI. Конец господства турецкого флота на Чёрном море	112
1. Поиск у турецких берегов	—
2. Сражение в Керченском проливе	116
3. Битва между Гаджибеем и о. Тендрой	128
4. Разгром турецкого флота у Калиакрии	139
<i>Глава</i> VII. Ф. Ф. Ушаков и строительство Черноморского флота после Ясского мира	157
<i>Глава</i> VIII. Экспедиция Ф. Ф. Ушакова в Средиземное море.	171
1. Военно-политическая обстановка в конце 90-х годов XVIII в.	—
2. Занятие Ионических островов	190
3. Осада и взятие о. Корфу	209
4. Ф. Ф. Ушаков и политическое устройство Ионических островов	240
5. Ф. Ф. Ушаков у берегов Италии	244
6. Возвращение эскадры Ушакова в Севастополь	262
<i>Глава</i> IX. Последние годы службы и жизни Ф. Ф. Ушакова	268

Редактор *В. А. Александров.*
Художник *Я. С. Телишевский.*
Редактор карт *И. И. Самойлов.*
Техн. редакторы *М. И. Натанов* и *М. Д. Петрова.*

Подписано к печати 30/XI 1960 г. А03192.
Бумага 84×108¹/₃₂. Бумажных л. 4,31. Печатных л. 14,15.
Учётно-изд. л. 14,25. Тираж 50 тыс. экз. Заказ 1872.
Цена без переплёта 5 р. 70 к. Переплёт 75 к.

4-я типография им. Евг. Соколовой Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР.
Ленинград, Исамаиловский пр., 29.

СПИСОК ЗАМЕЧЕННЫХ ОПЕЧАТОК

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
23	19 снизу	при Ларге в Кагуле	при Ларге и Кагуле
37	7 сверху	Кучук-Кайнардже	Кучук-Кайнарджи
64	8 сверху	Здесь	В Севастополе
86	16 снизу	в вечеру	к вечеру
86	20 „	„Борислав“	„Берислав“
139	4 „	А. Бриккер ... 1781—1791 гг.,	А. Брикнер ... 1787—1791 гг.,
140	5 „	А. Бриккер ... 1781—1791 гг.	А. Брикнер ... 1787—1791 гг.,
226	3 „	с приложением	с изложением
237	20 „	в Кадыр-бею“.	к Кадыр-бею“.
262	19 „	коринфские	корфинские

22953

Цена 6 р. 45 к.